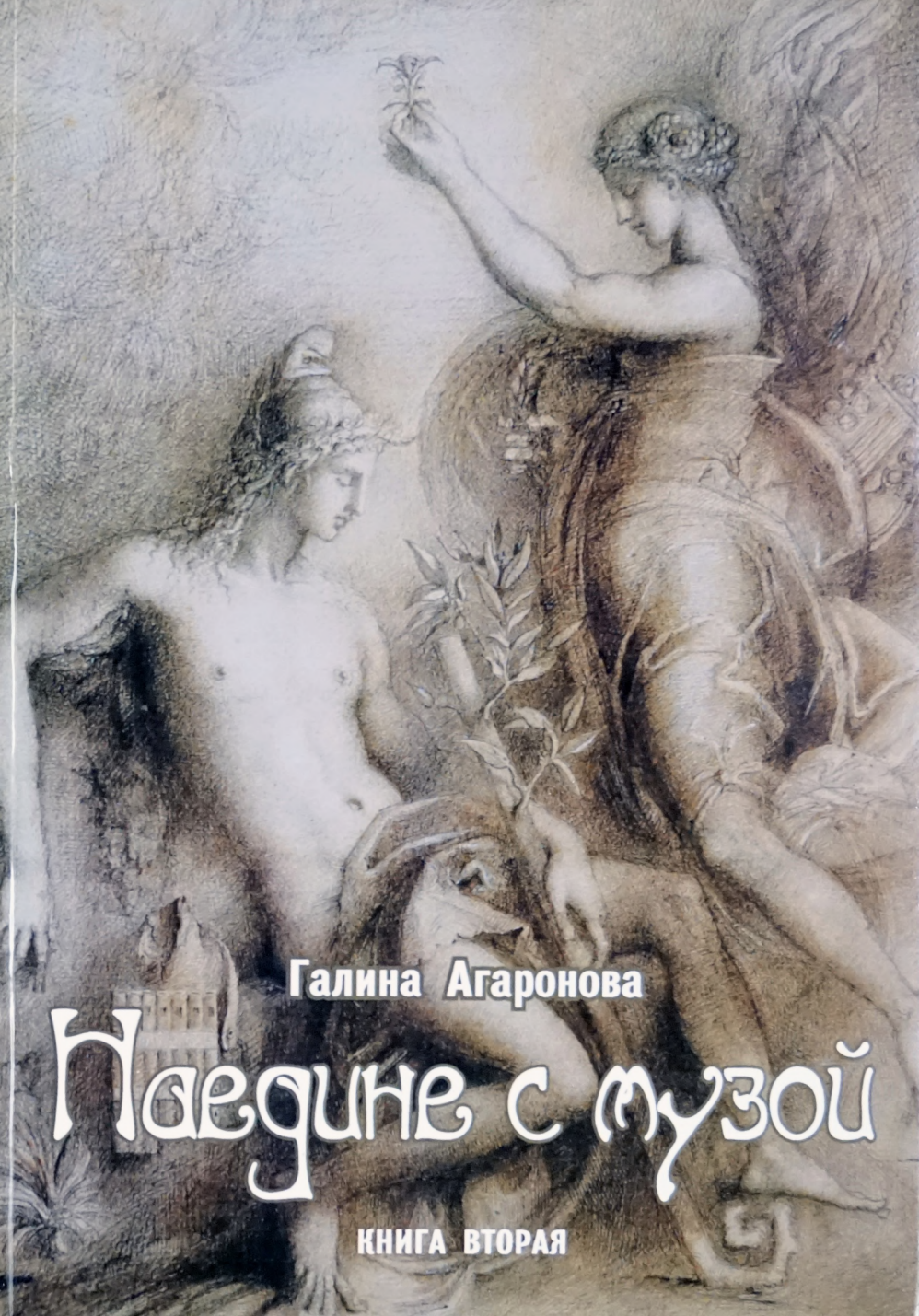

Галина Агаронова

Поедине с музой

КНИГА ВТОРАЯ

Галина Агаронова

Наедине с музой

Книга вторая

*Книге - путь счастливый, длинный,
Выпускаясь в добрый час.
Свет от ауры незримой
Агароновой Галины,
Обволакивает нас*

Игорь Хлопицкий

Израиль – 2015 г.

Галина Агаронова

НАЕДИНЕ С МУЗОЙ

Израиль, 2015.

Библиотека израильского периодического
журнала "Мысль"

Галина Агаронова, "Наедине с музой", стр. 360,
Ашдод, 2015

Редактор - Александр Недува
Вёрстка и графика Софии Козлин
Дизайн – Игорь Хлопицкий

© Все права сохраняются за автором.

ISBN 978-965-91654-1-4

9 789659 165414

Моему Учителю и наставнику

Григорию Борисовичу Окуню

посвящаю

Критика как художественное прозрение

Литературу можно по праву назвать младшей сестрой Божьего прозрения. В ней заложен ген бессмертия, и это при полной беззащитности писателя, рискнувшего обратиться к "городу и миру".

За первым же углом его поджидает критик под маской Амура, но с колчаном ядовитых стрел, да еще оседлавший Пегаса.

Можно лишь поприветствовать смелость Галины Агароновой, ступившей на тропу литературной критики с таким запасом благожелательности, душевной открытости и желанием - тщательно, насколько это возможно, избегать поспешных и поверхностных суждений о том или ином авторе, собрание которых в ее книге весьма многочисленно и разнообразно.

Однако, все ее очерки и разборы пронизаны единой нитью, изначально сформулированной автором: "критика как художественное прозрение".

Эта заявленная позиция обязывает и требует пристальной углубленности взгляда в творчество того или иного обсуждаемого автора.

С поставленной перед собой задачей Галина Агаронова справилась. А некоторые ее очерки, к примеру, об афористическом творчестве Геннадия Малкина или о гениальной книге Даниила Андреева "Роза Мира", обозначившей в свое время важную веху в той русской литературе, которая сбросила ярмо "социалистического реализма", губительно сжимавшего столько лет шею русскому Пегасу,

читаются, как отличная проза, отличающаяся легкостью движения текста и точностью мысли.

Критика такого рода укрепляет чувство, что она, критика, существует еще и для того, чтобы не дать истинной книге утонуть в потоке печатной продукции, который крепчает день ото дня, и в котором второстепенное, а нередко и вовсе бездарное, выдается за первейшее, а истинное замалчивается.

Пожелаем же автору дальнейших успехов на избранном ею нелегком, но благородном пути.

**Председатель Союзов Писателей
Государства Израиль**

**Академик
Эфраим Баух.**

Разные зеркала

*Хорошая проза подобна айсбергу,
семь восьмых которого скрыто под водой.*
Эрнест Хемингуэй.

*Нужное слово в нужном месте – вот
наиболее точное определение стиля.*
Джонатан Свифт.

С точки зрения художественной совести

В серии «Антология сатиры и юмора» (Издательство «ЭКСМО-ПРЕСС») вышла книга Феликса Кривина. С репатриантом Феликсом Кривином мы познакомились в Беэр-Шеве, где он проживает с 1998 года. Он – постоянный автор Израильского журнала художественной литературы, публицистики и критики «Русское литературное эхо». В тридцатом номере опубликован его рассказ «Маленький еврейский погром», в котором, как говорят компетентные люди, немалую роль играет пауза.

Некий Ходаев женился на еврейке, «чтобы иметь у себя дома свой маленький еврейский погром». Домашний погром для милицейского работника – своеобразная отдушина. На работе он был милиционером. Всё терпел, помалкивал, дожидался часа, когда в спокойной домашней обстановке сможет проявить необузданную силу своего характера. Рита – жена Ходаева – оказалась прямо-таки соучастницей его погромов. На их семейном поле боя он был солдатом, а она медсестрой, выносившей себя с поля боя.

Однажды, когда Ходаев был на ночном дежурстве, в комнате у Риты появился некий Боренька. Воришка, разумеется, залез в окно. И, увидев Риту, сразу понял, что она-то ему и нужна, что всё, что он вынес из прежних квартир, не стоит одного её взгляда. Она не удивилась. Она давно ждала, что за ней кто-нибудь придёт...

И тут я вспомнила Марка Твена, который увещевал нас, сочинителей, - что, дескать, юмористический рассказ мягко журчит и журчит себе, тогда как комический рассказ и анекдот должны быть короткими и кончаться «солью», «изюминкой», то есть – должны быть подобны взрыву. Юмористический рассказ требует полной серьёзности; рассказчик старается и вида не подать будто у него есть хоть малейшее подозрение, что рассказ смешной. Вот автор, а вместе с ним и мы делаем долговременную паузу, чтобы напряжением умственных способностей узнать – что было совсем потом? А было вот что: её схватили, когда Боренька и Рита вылезали из окна, вместо того, чтобы, как порядочные люди, выйти на волю через двери. А его уже, оказывается, искали...

Боренька появился через три года. Накопив опыт, он, чтобы не подвергать Риту опасности, попросил её выйти в дверь. Но когда она вышла на улицу, его уже взяли.

На этот раз он вернулся через пять лет, на следующий – через восемь. Его считали рецидивистом, хотя он лазил только в одно окно – окно любимой женщины.

Ходаев между тем первый устал от погромов и ушёл от Риты к другой женщине. И теперь Рита об одном лишь беспокоилась: сумеет ли Боренька вновь забраться в окно – всё-таки он был уже не так молод. Но Боря так и не научился входить в двери.

...Но вернёмся к разговору о паузе. Пауза – это приём исключительной важности для любого

рассказа. Это вещь тонкая, деликатная, и в то же время вещь скользкая, предательская, потому что пауза должна быть продолжительной. Если сделать паузу слишком длинной, то вы упустите момент, читатели успеют сообразить, что их хотят поразить чем-то неожиданным, - уже тогда вам, конечно, не удастся их поразить! Какая изощрённость надобна, чтобы читатель не отвернулся от нас, писателей! Необходима ещё и своя беспокойная, но побеждённая обстоятельствами художественная совесть.

Образы рассказа неожиданно, подчёркнуто прозаичны, намеренно снижены. Сухая и недобрая ирония Феликса Кривина. В подтексте дан намёк на неразрешимость всех вопросов, какие бы они ни были, безнадёжность что-либо понять в бессмысленности человеческого существования. Эта быстротечно-краткая мысль и является содержанием пресловутой паузы. Если сделать паузу слишком длинной, то будет упущен момент, читатели успеют сообразить, что их хотят поразить чем-то неожиданным, - уже тогда вам, разумеется, не удастся их поразить. Навязчивая мысль об опустошенности современного человечества. Образы построены на реминисценциях из легенд и сказаний древности. Феликсу Кривину нельзя отказать в мастерстве психологического анализа, в отточенности стиля, свойственного анекдоту. Свободная и сдержанная проза может быть предельно выразительной. Автор умеет найти точные

и полнозвучные слова, свежие и выразительные образы для своих мыслей и чувств.

Красота есть жизнь

«Ворожба. Миф. Колдовство. Эти слова поистине выплывают из-под сознания, когда хочешь понять, что случилось с твоим народом. Как он начинался? Всё вызывает ощущение магического. Мистические силы природы оказываются мудрее человека, не умеющего вовремя распознать её предостерегающие знаки», - пишет Леонид Финкель.

Античность – это добрая легенда, о жестоких, страшных временах, смотрящих на нас глазами действительности.

Шесть тысяч лет назад!

Как научное, так и бытующее понимание истории возникновения иудаизма восходит в генезисе к древнейшим временам. Это от нас хронологически далёкое время простирает своё эстетическое влияние до наших дней. Каждое новое явление начинает зарождаться в недрах предшествующих. Философско-художественному мышлению свойственны элементы диалектики. Из человеческой общности выделяются отдельные индивидуумы, каждый из которых несёт в себе всё мироздание. Именно через всестороннее развитие индивидуумов шёл путь к всеобщему универсуму.

...Холмы с погребенными в них руинами пробуждают интерес к прошлому народа. Многие беды обрушивались на Шумер: голод, невзгоды, разные напасти. В пламени гибнет Ур.

До Холокоста было ещё далеко.

...Иерихон – шесть тысяч лет назад. Его стены обрушились от трубных звуков и криков сыновей Израиля при захвате Ханаана около 1200-го года до н.э. Иерихон существовал девять тысяч лет назад.

Но главное – признание единого Бога, когда мир ещё находился в языческом одухотворении природы.

...Агарь и Авраам. Авраам и Сарра.

Нельзя идти долго по дороге и не ступить в чужой след. Есть в эссе Л. Финкеля и непохожее на сказанное другими, ибо каждая трава на своём корне растёт.

Как мольеровский Журден, однажды проснувшись, узнал, что он всю жизнь разговаривал прозой, так и наш читатель может внезапно обнаружить, что он всю жизнь творил по законам, не ведая того и не зная, каковы они. Но значит ли это, что наука бесполезна? Отнюдь нет. Человек интуитивно применяет разные законы, не постигнув их в теоретической форме, а добыв их из самого жизненного процесса, из опыта предшественников и современников. Однако такое постижение, не подкреплённое теоретическим обобщением, не даёт возможности глубоко и безошибочно решать творческие проблемы. Человек не может руководствоваться только интуицией и должен опираться на глубокие знания. Более гибко и глубоко ставил эту проблему философ Платон, который считал необходимым сочетание природных способностей и силой дарования с тренировкой и изучением теории.

Л. Финкель зная историю прошлого, осознаёт автобиографию человечества.

Глубокое изучение прошлого помогает ему понять настоящее, не опасаясь ошибочных аналогий старается разыскать в истории причины, а не законы.

Мы часто мыслим логично, часто не зная законов логики. Однако изучение законов, по которым протекает тот или иной процесс, хотя и лишено непосредственного утилитарного значения, имеет глубокий практический смысл. Знание законов логики даёт возможность не только сознательно строить свои рассуждения, но и наукой выверять их точность, прочность, позволяет верно определить место обрыва логической цепи, находить ошибку в мышлении.

Пушкин говорил: «Над вымыслом слезами обольюсь», «гармонией упыюсь».

В первобытном обществе побудителем к труду был голод и другие непосредственные потребности...

Самолёт летит, опираясь на воздух и преодолевая его сопротивление.

...Шумерская цивилизация – одна из самых древних. Уже в XXV в. до нашей эры она знала памятники письменности.

Сократовская идея: **«наиболее полезное – самое прекрасное».**

Древние египтяне понимали красоту стихийно-материалистически, утверждая, что прекрасное есть жизнь. Так, гимн богу солнца Атону воспекает его следующим образом:

*Ты подаёшь жизнь сердцам твоею
Красотой, которая и есть жизнь.*

Красота гармонична. Равное и непротиворечивое в гармонии не нуждается. Красота выступает как мера гармоничности и истинности бытия.

Планеты движутся, издавая звуки, и высота звука зависит от скорости их движения.

Леониду Финкелю уже давно была предоставлена честь сопричастности иудейскому откровению; таким он представлен и в этом эссе. Деятельность его человеческого духа надобно исследовать психологически. В небольшом очерке представлены с короткими промежутками только беды и несчастье, боль и отчаяние. Но зато нас умиротворяет и утешает то, что люди, которые столько вынесли и не раз смотрели в лицо смерти, в конце концов, сами же рассказывают обо всём, что они преодолели. Высший промысел благоприятствует стойким, деятельным, разумным, человеческим. Заслуживает уважения всех мыслящих людей как образец, основанный на естественном праве порядок жизни наших предков.

Работу, вызывающую у нас эти мысли, мы хотели бы рекомендовать другим читателям. Она пробудит размышления, развивающиеся из их личного внутреннего опыта.

Глубокое проникание во внутреннего человека, изображение мысленного – таковы главные черты древних. Со стороны оригинальности преимущество предков перед современностью очень ощутимо.

Обладание сокровищами словесности досталось нам по наследству. Вот почему самые ветхие и поблекшие страницы преданий так дороги нам, быть может, дороже содержательных глав из истории нового времени.

Гомера критиковали и Зоил, и Аристотель, но первый довольствовался тем, что находил недостатки, второй же – достоинства. И Зоила осуждали, Аристотеля же восхваляли.

Любая ошибка – в отклонении от истины, а изъяны – в искажении первоначальной красоты.

Экстатическая интуиция Л. Финкеля порождает аристотелевский принцип у пишущего рецензию на эссе. Автор работы придерживается культа природы и идеализации естественного состояния.

Бег времени, колорит эпохи, или Понять творца эпопеи

Наши читатели знакомы с романами «Сады на крышах» и «Неопалимая купина» Гершона Фельдмана, заместителя мэра Ашдода прошлого созыва. Сейчас писатель работает над очередной книгой трилогии. «Семья Дубицких, много поколений которой жило в Польше и в Белоруссии, – читаем мы в кратком предисловии к фрагменту «Возвращение сына» из готовящегося к печати третьего тома эпопеи, – в начале 90-х годов приезжает в Израиль...» (Фрагмент «Возвращение сына» опубликован в Международном журнале «Мишпоха», 2010 г, гор. Витебск).

Г.Фельдман написал то, что увидел, смешав с порывами собственного сердца. Он показал высоты и глубины природы, сталкивая людей носами, сердцами, мыслями. Критика, эстетическая оценка, – по сути своей задачи вынуждена ждать, пока жизнь не окажется собранной в фокус писателем, и лишь после этого рецензент пытается воспроизвести то изображение, которое этот пойманный в сети кусок жизни оставил отображением на зеркале его сознания. Высокое горение духа автора рождает превосходную ясность видения. Он умеет ощутимо показать нам живые лица и события.

Г.Фельдман – мечтатель. Быть может, именно поэтому он так заботится о том, чтобы сделать своих героев реальными, уловить и показать взаимосвязь жизни характера и мышления, чтобы научить чему-

то себя и других, доставить радость себе и другим. Весь вопрос в том, каково первичное побуждение у автора. Искусство Г.Фельдмана всегда вызывает ответный трепет. Писатель всегда стремится к ясности и остроте выражения, и это делает его достоверным и конкретным. Всеобъемлющее сердце Г.Фельдмана, его сочувствие к людям – вот причина, почему его произведения живы и имеют спрос. Душевная мудрость его проникает сквозь внешние оболочки любого явления и безошибочно находит его пульс. «Возвращение сына» навеивает мысль об Армагеддоне*, предощущение грядущей битвы.

...Послевоенные годы жизни семьи Дубицких в истерзанной фашистами Белоруссии полны новых событий. Оставшиеся в живых подводят итог жизни, глядя на семейные фотографии: иных уж нет – война подкосила. Из некогда большой семьи трое сыновей погибли на фронте. Они были танкистами и сгорели в танке на Курской дуге, младший, Лёвушка, кадровый офицер-артиллерист, дошёл до Берлина, был тяжело ранен. А некоторые пропали без вести. Невозможно оторваться от жгучих воспоминаний об ушедших в небытие.

Главный герой в представленной части романа гвардии майор Лёвушка Коваль, герой войны. Его самоотверженная жизнь на войне и в так называемое «мирное» время описана через спровоцированные воспоминаниями внутренние монологи. Лишь смерть чувствительного Лёвушки ставит печальную точку в светлой и яркой судьбе этого человека, всегда готового подать надёжную руку помощи ближнему.

Жизнь между тем продолжается, и мы узнаём об этом в третьем томе эпопеи, часть которой представлена во фрагменте «Возвращение сына».

Слог Г.Фельдмана цветущий, некоторые картины отделаны кистью мастера. Точность и краткость – первые достоинства его повествования. «Возвращение сына» – это целый образ мыслей и чувствований. Каждому персонажу автор даёт особенную физиономию, которая более или менее отражается в зеркале его прозы. Внешний элемент искусства Г.Фельдмана согласуется с внутренним содержанием: оно освобождает явление от не соответствующих ему черт. Можно назвать это лестью искусства, подобно тому как говорят о портретистах, что они льстят оригиналу. Одно дело – передать лицо персонажа в тех поверхностных и внешних чертах, которые представляются именно в данный момент, и совершенно другое дело – изобразить истинные черты, выражающие его душу. В этом сведении внешнего существования к духовному, когда внешнее явление в качестве соразмерного духу становится его раскрытием, и состоит природа искусства Г.Фельдмана. Полное совпадение внутреннего и внешнего! Это и есть живая индивидуальность автора – слияние свободной гармонии с внутренней жизнью души.

Стилистика Г. Фельдмана тяготеет к резким густым краскам, ситуациям острым, исполненным символической значимости, образам-метафорам. Его тематика, связанная с изображением краха патриархальных устоев в диаспоре, определяет и

своеобразие его поэтики. Писателя отличает склонность к нагнетанию драматических «брутальных» сцен, а также к изображению героев в психологически острых, «экстремальных» ситуациях.

Писатель умеет создавать у читателей ощущение движущегося времени. Это видно даже на примере короткого отрывка «Возвращение сына» (девять страниц).

Роман проверяется тем, насколько жизненны в нём персонажи. Никакая тема сама по себе, какой бы плодотворной она ни была, не сможет вдохнуть жизнь в роман; только персонажи способны это сделать. В романе на первом месте стоит характер, в отрывке из него – событие.

Роман – это то, что **было**. Как бы автор ни самоустранялся, он не может скрыть того, что мы слышим его голос, излагающий, воскресающий те события, которые прошли и завершились и которые он отобрал, чтобы поведать о них. Повествование Г. Фельдмана окрашено эмоциями автора, его представлениями о жизни, о душе человека и его страстях. «Еврейский» романист Г. Фельдман с самого начала был явлением, рожденным индивидуальностями, работающими, чтобы выразить своё собственное неповторимое видение жизни.

Пафос «Возвращения сына» образует подлинное средоточие. Он затрагивает струну, находящую отклик в каждом человеческом сердце. **Пафос** волнует, потому что **в себе и для себя**. Он является могущественной силой человеческого существования. Такой пафос потребовал от автора

подробного и обстоятельного изображения. В нём раскрывается богатая в самой себе душа, которая вкладывает в свой пафос всю полноту внутренних переживаний, проявляет себя экстенсивно. Всеобщее содержание этих сил смыкается в себе и предстаёт в отдельных индивидах как целостность и единичность. Такой целостностью является Лёвушка Коваль в своей конкретной духовности и субъективности, цельная человеческая индивидуальность. Пафос в конкретной деятельности и есть индивид – богатая сила субъективности, объединяющей себя внутри себя. У Г. Фельдмана каждый герой или персонаж раскрывает перед нами разнообразие своего характера, ставя его в различнейшие ситуации. Такая многосторонность придаёт изображаемому живой интерес. Индивид Г. Фельдмана имеет возможность показывать себя с различных сторон и раскрывать в многообразных проявлениях богатство внутренней жизни. Такой жизненностью обладает трагический образ Лёвушки Коваля, несмотря на простой внутри себя пафос. Продолжением его пафоса является достоинство, героизм, обострённое чувство справедливости. Во всех положениях он остаётся достойным, благородным и глубоко чувствующим человеком. И здесь пафос проявляется как внутреннее состояние вполне развитой души, которая раскрывается со всех сторон, во всех обстоятельствах и ситуациях (например, в обстоятельствах проявления воинствующего брутального публичного антисемитизма в магазинной очереди). Поэтому

пафос здесь раскрывается как богатство изображаемого «внутри себя самого».

Искусство в «Возвращении сына» заранее чувствует приближающееся будущее, как птицы заранее чувствуют грозу. Искусство Г. Фельдмана уловило вечно текущую струю жизни и отлило известный момент – Большую Алию – времени застарелого тяготения широких масс еврейства развалившегося СССР к святой земле предков.

С этой точки зрения часть будущего романа – «Возвращение сына» - отнюдь не сюжет, а лишь комплекс мотивов, отвечающих на вопросы, которые действительность ставит перед человеком. Признак мотива – его образный схематизм. Мотив вырастает в сюжет. Его схематизм сознательный.

Под сюжетом мы понимаем тему, в которой снуются разные положения-мотивы. Сюжет возникает путём психологического самозарождения. Мотивы и сюжеты – это формы для выражения нарастающего содержания.

Создание трилогии в течение ряда лет составляло большую часть жизни Г. Фельдмана. Это пот и боль, отчаяние и маленькие победы. И произошло это потому, что жила в нём некая сила, которая в конце концов нашла себе путь и прорвалась наружу. Его предки были трудовыми людьми. Произведение завладело им. Ему казалось, что трилогия в некотором роде сама себя написала. Первые два тома получили несколько положительных рецензий. Раньше Г. Фельдман был писателем в надеждах и мечтах, теперь он стал

писателем на деле. Его новую книгу ожидают с интересом и с некоторым чувством тревоги – потому что на него надеются, о его будущем как участнике человеческой драмы тревожатся его читатели. Удастся ли ему преодолеть трудности? Пути назад нет, он должен двигаться вперёд.

Два тома сочинений Г. Фельдмана – это опыт собственной жизни. Они написаны в некоей обнажённой ярости духа. В его книгах всё проверяется и трансформируется личностью автора. В отрывке из третьего тома заметна интенсивность чувственных впечатлений, способность возрождать и воплощать с живой достоверностью запахи, звуки, цвета, формы и ощущения жизни. В его сознании проносится мощный поток глубинных проявлений той жизни, которая осталась позади него. Это был мощный и непреодолимый поток.

Уже известные романы Г. Фельдмана доказали, что их автору доступно художественное познание, что он способен художественно понять человека своего времени, своей эпохи и пережить с ним важнейшие моменты его душевного проявления, когда его душа раскрывается и доступна сочувственному пониманию.

Мы переживаем вдохновение писателя Г. Фельдмана, приобщаемся к его интуиции и вместе с ним разрабатываем его замыслы. Чем значительнее будет эта деятельность нашего духа, тем лучше и полнее поймём мы творца трёхтомной эпопеи.

Трилогия Г. Фельдмана – произведение крупномасштабное. Окончательный вывод о нём

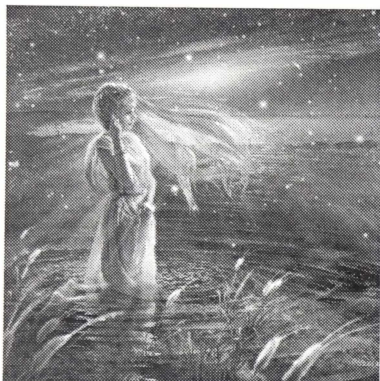
можно сделать только тогда, когда будет опубликован третий том.

---

*Армагеддон (библ.) – место грядущей решающей битвы между силами добра и зла.

Световые сигналы

У Владимира Смолдырева была яркая и короткая жизнь. Он успел выпустить всего лишь две книги стихов, «Венок несонетов» - последние стихи в его жизни.

Заглавие произведения указывает ориентацию автора на свободный стих, в котором воспроизводится внутренний мир личности, замкнутой в сфере лирически-возвышенного «Я». Это скрытые переживания и затаённые душевные движения. Роль выразителя скрытых реальностей отводится символу; он неисчерпаем и беспределен. У него сокровенный язык намёка и внушения неизглаголемого. Метафора у поэта многолика и многосмысленна.

«Венок несонетов» - это любовная лирика, страстное и напряженное раскрытие интимного мира личности. Она эмоциональна, исповедальна.

Автор владеет звуковой и композиционной организацией стихотворной речи. Музыкальный

ритм непрерывен, паузы имеют определенную длительность и входят в музыкальный размер. Вся ритмическая структура произведения воссоздает чувство целостности жизни, хотя автор стремится сосредоточить жизнь в едином мгновении. Для него характерно сосредоточение мира в лирическом миге. Он как бы торопится успеть сказать сокровенные слова.

*Любимая, солнце моё, восходящее в песнях разлуки,
голос бога, идущего в лёгких нарядах созвездий,
вызываю тебя из пространства, забытого светом,
из окружности радуги, рухнувшей на руки соснам...*

В некоторых случаях читатель встречается с неупорядоченным чередованием стихов. С точки зрения В.Смолдырева, это должно придать стиху интонационную свободу, которой автор широко пользуется. Повторяющееся чередование строк связывает стихи в ритмически повторяющиеся группы, и является одним из главных признаков строфы. Поэт вводит «двойные сонеты», допуская вольный порядок в стихосложении. В то же время устанавливаемый им порядок подчеркивает диалектику мысли при разворачивании описания. Его стихи аккуратно объединяются в строфы, а многосложные стихи разделяются на полустилишия цезурой.

*...Подари мне любовь с виноградными гроздьями грусти,
с журавлиным журчанием черных истоков печали,*

*подари мне любовь и позволь мне уйти незаметно.
Приютит и меня беспокойная лодка скитаний,...*

Для В. Смолдырева поэзия – это система световых сигналов. Костры, которые он зажигает здесь, внизу, среди тьмы, – возгораются для того, чтобы кто-то его видел, чтобы поэта не забыли. Эстетика автора-лирика – это эстетика корабля, блуждающего в тумане. Поэзия для него – пламя, зарево бедствия.

Огонь поэзии В. Смолдырева – вспышка, которая создает продолжительное волнение. У него вспышка, момент, мгновение – это действие во времени.

*...Птица-сирин, летящая в синих сполохах сирени,
птица-феникс, горящая в огненном тигле гнезда,
опали меня пламенем, ветками вечности вспыхни,
остуди меня перьями, мокрыми от поцелуев...*

Всё пространство и время поэта становятся видением. Он проникает в первозданность и духовную красоту своими открытиями. Главное его открытие – простота формы, которая взрывается изнутри драмой любви.

*...Ты ничья, потому что тебя разделить
невозможно.*

*Ты ничья, потому что тобой, как огнем,
обладать невозможно.*

*Ты ничья, потому что в тебе шевелятся спирали
вселенных*

Ты и солнце, и ночь, и луна. И звезда, и реальность, и сказка...

...Мы с тобой рождены для того, чтобы выпить рассветы.

Те рассветы, которым название горе и радость,

Те рассветы, которым название юность и старость,

Те рассветы, которым название дружба и братство...

...Мы живем для того, чтобы вырастить деревце детства,

для того, чтобы вычеркнуть вечное «но» недоверий,

для того, чтобы встретиться, выплеснуть мёд и увянуть...

...для того, чтобы снова воскреснуть в медовом апреле...

Вот он стоит перед нами, абсолютно первозданный, порывы его сердца столь очевидны, что, кажется, они исторгают грусть, перемешанную с отчаянием.

Поэт интимно размышляет о себе, переживает себя, он не кружит вокруг вещей, он проникает в их сердцевину.

...Как темна моя комната, словно кого-то хоронят!

Как печально по стенам течёт традесканция плача!

Как безвольно повисло твоё опустевшее платье!

Как печально, как двери от холода, съёжилась
мебель!

Я кричу, но никто не услышит – дома и деревья
оглохли.

Я зову, но никто не откликнется. Пусто кругом.
Одиноко.

...Только сон полнолуния плавает в олове леса,
только звон облаков возникает из меди рассвета,
только эхо кружит над землёй троекратным
повтором:

«Любимая, солнце моё, восходящее в песнях
разлуки!»...

На него не окажешь давления, он любит и
борется по собственному побуждению.
Единственное, что им руководит, - это его большое
чувство, когда великий экстаз возносит его душу.

...Ты и есть мой венок несонетов, соната,
сверкнувшая в росах

половодье, подмявшее серую отмель сомнений,...

...Я спрошу тебя: кто придумал твои очертанья,
Кто соткал твоё имя из шелеста грозных
прибоев?

Из качующих капель и шёпота горных обвалов,
Из тольбы умирующих в жёлтой пустыне
бессмыслиц?...

...Ты цветок, раскрывающий губы для влажного
трепета неба,

*ускользающий шарик смертельной серебряной
ртути,*

*черный день, порождающий белую ночь озарений,
борозда, обещаний, засеянных зёрнами грусти,*

*...Лпы моя, потому что во мне созревает твоё
отраженье.*

Мы едины с тобой, как поэт и поэма едины.

*В неразгаданном хаосе, в мудром хаосе природы
мы с тобой рождены для того, чтобы выпить
рассветы,*

*для того, что бы встретиться, выплеснуть мёд и
увянуть.*

У В.Смолдырева всё вопрос души, всё в виде драматического экстаза. Даже слово у него получает особую силу. Глагол удлиняется, заостряется, напряженно стараясь найти чёткое выражение. Прилагательное сливается в единый сплав с носителем словесной мысли. Оно сжатым образом выражает сущность.

Ничто не лучше, оттого что ново. Никакое искусство не плохо оттого что не схоже с другими. Не станем упрекать поэта за нетрадиционность названия его произведения. Только доброе постоянно, только истинное – справедливо.

Фантазия романтика и мудрость философа

В редакцию журнала «Мысль» поступили стихи Александра Городницкого разных лет (1950-1995 гг.), в которых, на наш взгляд, самое интересное – использование античной традиции в сочетании с парнасской тенденцией. Античные реминисценции приобрели подчас эротическую телесность (песня «Жена французского посла» 1970): автору-герою «не Тани снятся и не Гали, не поля родные, не леса», а жена французского посла в африканском Сенегале.

*Хоть французский я не понимаю
И она по-русски – не фи́га,
Как высока грудь её нагая
Как нага высокая нога...*

Однако лирический дар А. Городницкого раскрылся, конечно в его лучших поэтических произведениях, посвящённых Израилю, «Остров Израиль» (1993) и – шире – еврейскому народу («Освенцим», «Меня приучали, что здесь я чужой», «Евреи»).

Для поэта А. Городницкого характерно проникновенное ощущение израильской природы, в слиянии с которой расцветает лирическое чувство. Стих и метрика в стихотворениях «Бахайский храм» (1991), «Атлантида», «Лот» и др. свободны от изошрённости. Преобладающее настроение – воплощенное в образах и ассоциациях почерпнутые

из мира израильской природы. Через пейзаж поэт выражает своё душевное состояние.

В представленном нам цикле стихов определились основные черты авторской индивидуальности. У А. Городницкого живое, непосредственное воспроизведение природы Обетованной земли вызывают богатую гамму чувств и переживаний. Печальная элегическая тональность, таинственность природы и бытия – все эти образы вошли в представленный нам цикл его стихов. Поэтичность Израиля раскрывается в его вещном облике, который надо увидеть по-детски непосредственно со свежестью первого впечатления. Поэзии и подобает быть спонтанной, интуитивной. Для поэта всего важнее его чувства и видение. Поэтому он прибегает к знаку, цвету, чтобы передать невыразимое. Он чутко улавливает внушающую суггестивность явлений природы и умеет запечатлеть их в эмоциональных образах. Пейзажи его насыщены светотенью, богаты оттенками красок и звуков. А. Городницкий наполнил новым содержанием лирическую поэзию. Здесь нет ни пышных реминисценций, ни трескучего красноречия, здесь явственен мотив поэзии героической, здесь речь о простых людях Израиля, отстаивающих от многочисленных врагов свою древнюю родину. Поэт чужд безнадежной философии мироздания. Его поэзия несёт в себе высокое этическое начало. Эти особенности призваны противостоять фальшивой помпезности и риторичности.

Форма стихотворений А. Городницкого свободна от тяжеловесности иных канонических сочинений. Простота формы и непринуждённость слова – вот что характеризует поэта. И в этом и в другом случае он спасает мифическое чувство от враждебного антипоэтического мира. В стихотворениях А. Городницкого мы ощущаем интерес автора к продолжению фольклорной традиции еврейского народа, к народному мироощущению. Его поэзия несет в себе большую глубину. Поэтическим элементом его поэзии является не только звуковая ценность слова, цвет и линия, а прежде всего трепет духа. Самые значительные художественные результаты достигаются им при взаимодействии эстетических силовых полей.

Стихотворения А. Городницкого безыскусны, нарочито просты, однако отличаются необыкновенным эмоциональным напором. При всём кажущемся бытовизме поэт пишет о вечных проблемах, о самой сути человеческого опыта. У него самобытный и сильный голос. Следуя к конечной художественной установке, он играет тонкую игру с читателем, делая вид, что автор хроникёр, в чьём распоряжении только факты биографии советского еврея, переживающего жестокие волны своей судьбы:

*Я убит в двадцатом и не знаю,
Что там происходит в двадцать
первом...
Я убит в России при погроме*

*На исходе ядерного века.
... Мир тебе, земля-детоубийца...
Я убит в России при погроме
И навеки кровью с нею связан
(1990).*

Евреи пережили Освенцим:

*... Их могил не отыщешь, кусая губу:
Ведь евреи мудрее, ведь евреи хитрее –
Ближе к Богу пролезли в дымовую
трубу
И ни камня, ни песни от жидов не
осталось,
Только ботишков детских игрушечный
ряд.
... И лежат под камнями москали и
поляки,
А евреи – так вовсе нигде не лежат.*

(1966, «Освенцим»).

*По Освенциму ветер гуляет,
И ромашки растут меж печей...
Кто нам скажет, что нас ожидает,
Москвичей, москвичей, москвичей?*

(1966).

«Вновь настигла пора собирать нам в дорогу
пожитки», - пишет автор в стихотворении «Евреи»
(1991) перед массовой репатриацией:

*Кто нам скажет, откуда пришли мы?
Кто нам скажет, куда мы уйдём?
Кто сегодня нам сможет ответить,
Сколько жить нам столетий и дней?..*

(«Атлантида»).

Обетованная земля – это ныне остров Израиль (стихотворение «Остров Израиль» 1993):

*Загорится маяк на скале неприступной
Масады:*

*В океане времён созывая плывущих домой.
...Но держит осень нас ладошкой цепкою –
В окне вороний не смолкает гам...*
(2004).

В цикле стихов А. Городницкого поражает фантазия романтика и мудрость философа. Повторю: при всём кажущемся бытовизме поэт пишет о вечных проблемах, о самой сути драматического человеческого опыта еврейского народа. Быть может, экзотический колорит отдельных стихотворений не самоценен. Конечная художественная установка автора – репатриация как верный путь в бесконечно долгой дороге к оседлости и свободе:

*А мы из мест, где жили деды,
Где будут внуки жить опять*
(1991)

О чём бы ни были стихотворения цикла - они в большинстве своём, и в первую очередь о несгибаемой воле евреев перед лицом любых, самых жестоких и невероятных испытаний. Такова литературная позиция поэта.

Лирические стихи А. Городницкого представляют собой педагогическое средство воздействия. Здесь все компоненты слагаются в единый всеобъемлющий процесс. Одно то, что поэзию слушают, уже раздвигает пределы обыденной системы образования. А создание стихов, даже

одного стихотворения, пусть необработанного и незрелого, но несущего какую-то печать, какое-то свойство характера его создателя, есть работа и, я утверждаю, большое достижение человека. Многим, впрочем, работа над стихом представляется выходом из душевной сумятицы – но всё же это гораздо больше, чем просто психологическое развитие. Стихотворение надо слушать.

Война против штампов бесконечна, однако поэзия не создаётся из одного лишь усилия избежать штампов.

Главное – надо быть в состоянии выразить своё время. Художники не просто «объясняют» действительность, они взрывают её, создают для нас новые картины. Поэзия в наше время создаётся из обстоятельств, не застывших, а изменяющихся.

*Все труды человека – для рта его,
а душа его не насыщается.*

Екклесиаст.

*Любить – значит видеть чудо,
невидимое для других.*

Франсуа Мориак.

Любовь – это зубная боль в сердце.

Генрих Гейне.

*Трагедия не в том, что любовь проходит;
трагедия – это любовь, которая не проходит.*

Ширли Хаззард.

*В любви женщины профессионалы,
а мужчины любители.*

Франсуа Трюффо.

Исповедь души

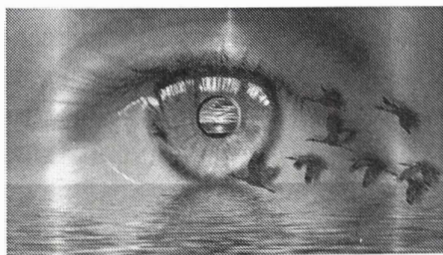
Слово – вечный строительный материал литературного образа... Гегель называл слово самым пластичным материалом, непосредственно принадлежащим духу. Слово в литературном произведении гибко, подвижно, изменчиво и определено в своём смысле. Оно барахтается и трепещет в руке поэта, как только что пойманная рыба.

Израильтянка Евгения Горобец – инженер по профессии – выпустила небольшую книжечку стихотворений «Дорога» (Израиль, 2009).

Предваряют книжку такие строки:

*Поэзия! Ты – исповедь души,
Готовая пред миром обнажиться
И прозвучать мелодией в тиши,
Или, волною страсти оглушив,
Сто раз и умереть, и возродиться!*

Поэтесса предпринимает путешествие в недра памяти сердца. В своей совокупности этот стихотворный сборник – дневник–исповедь. Каждый его раздел – очередная полоса в жизни поэтессы. Увлекаемая необратимой чередой дней, героиня лелеет мысль возродить дорогие ей праздники рассыпавшейся в прах любви. Её заклинание-воскрешение оборачивается прощальным изживанием. Мало-помалу крепнет, пусть не без колебаний, устремлённость к иным опять манящим домам, порыв ввысь, навстречу к другим небесам и щедрому солнцу обетованной земли. Но при всех своих метаморфозах это разнообразное течение исповеди остаётся в берегах всегда и везде верного себе голоса.

Непринужденный и
проникновенный
этот голос подвижен
в своих проливах,

отливах и переливах.

Поэтесса не бьётся над извлечением корня всех вещей – их единосущной непреложности, а ждёт орфических озарений от самого бурлящего окрест жизненного круговорота. Она гостеприимно впускает в поле своего зрения мелькнувшее в уме фантастическое допущение. И предоставляет ему вольно пересекаться, сплетаться с другими – столь же случайными с виду. Чересполосица разнометрью? Гибкое неравнострочие? Нет! Подлинно гармоническое «повествование». Поэтесса вверяет себя покровительству исторической Родины. Письмо Евгении Горобец вмещает одический восторг, житейскую зарисовку, сакральное действо, парение дум, крик боли, грёзы. Часто через пейзаж выражает она своё душевное состояние. Она поёт вселенскую жизнь органно. Она то музыкально-распевна, то речитативна и всегда внятна в донесении всех оттенков высказанного. Именно такова она, скажем, в стихотворениях «Встреча», «Тебе», «Мой сон», «Ты – моя спасительная гавань», «Как сладко спать в объятиях любви». Её поэтический мир – явления, лежащие на обочине (Романс «Эти сладкие мгновенья», «Осенняя элегия»). Поэтесса стремится заново открыть их поэтичность. Она сочетает прозаическую деталь с мечтательною. При этом она спасает лирические чувства от антипоэтических сторон мира, несмотря на признание лично владевших ею упований («Не вольны мы в своей судьбе»).

*Я на земле стою обетованной,
Святой земле библейских поколений...
Я здесь своя! Своя, а не чужая.*

Всеми средствами в книжке поэтизируется мир простой реальности. Этому способствует простота формы и непринуждённость слова.

Поэтесса уходит в собственный поэтический мир как в убежище. В этом смысле название книжки «Дорога» довольно точно выражает существо её «дорожных» проникновений в смысл бытия, в утверждающее жизнечувствие.

Евгении Горобец не надо тянуться на цыпочках, чтобы завести разговор напрямую со звёздами. Она ощущает себя вовлеченной в таинство космического самосуществования жизни.

Стих и метрика у Е. Горобец свободны от изощренности, прозрачны и просты. Преобладающее настроение – мягкая грусть, мечта о счастье. Мотив любви вызывает большую гамму чувств и переживаний, элегическую тональность. Поэтесса всё выражает не понятиями, а прибегая к знаку, звуку, цвету, чтобы передать невыразимое. Для неё всего важнее чувство и видение. Она чутко улавливает силу внушения, суггестивность любви и умеет запечатлеть это в лирической поэзии, в эмоциональных образах. Здесь нет ни пышных реминисценций, ни трескучего красноречия. Это поэзия обыденности, радостей и горестей человека. Поиски простоты и естественности характерны для творчества Е. Горобец. В стихотворения вторгаются

грёзы, впрочем, сопровождаемые сознанием их эфемерности. Метафоры и сравнения заземляются, становятся чётко однозначными по смыслу. Все эти особенности противостоят фальшивой помпезности, риторике. Подкупающее обаяние, доброжелательная лукавость, умение возвращать свежесть словам обиходно стёртым тоже отличает Евгению Горобец.

Достоинство поэтессы-лирика в умении быть всеотзывчивой, улавливать позывные действительности слитно – сердцем, разумом, слухом, зрением, кожей. И так же неразлучно сращивать в своём «глаголе» малое и огромное, витийство и разговорность, материальное и умозрительное, муку и ликование. Это и есть **задача** лирических поисков, раскрытия лирического дара и высокого этического начала.

По кричащему, живому...

«Твоя судьба не менее сурова – вот также высекать огонь из слова, - отмечал Николай Рубцов, - но труд ума... - всего лишь дань за радость неземную»...

Первые стихи москвич Виктор Матвийко (родился в 1952 г.) написал в детстве на украинском языке. В 1992 году вышла в свет первая книга стихотворений "Между небом и землёй", вторая книга "Знамение" в 1996 г. Альбом-кассета избранных песен и романсов "Ночь нежна" вместе с композитором И. Егиковым появился в 1996 г. Любители поэзии и вообще художественного творчества в 1999 году ознакомились с альбомом "Акваэзия". Готовится к печати книга стихотворений "Избранное" в переводе на английский язык и на иврит.

Разнообразие видов, которыми представлены стихотворения В. Матвийко, создает многокрасочную "палитру истин".

Виктор Матвийко подпитывался от животворных корней народной культуры и потому так восприимчив к событиям, происходящим в России.

*...Все народы России тихонечко стонут
И в сердцах говорят: "За державу обидно!"...*

*...Но не даёт нам уходящий век,
Ни дня забвенья. Я-то знаю твёрдо:*

*Самим собой напуган человек,
А Человек – давно звучит не гордо...*

Будучи ребёнком, лишенным радости,
метающийся и тоскующий по дому он рос
обиженным и очень одиноким.

*Был я в чреве зачат не по плану,
И моё на земле бытие
Било маму мою по карману,
А тоска доконала её.
Не забытому разве что Богом,
Восьмилетке, хватило мне сил,
Чтоб в сиротском приюте убогом
Я так весело жизнь полюбил.
Знал я голод, и был он не тёткой,
Но зато, хоть убей, не сокру:
Много битый и словом и плёткой,
Я у зла научился добру...*

Отрыв от семьи, детдом, сиротство – не просто
беда, а мучительная боль и неизлечимая грусть.
Окунувшись с детства в мир зла, грубости, насилия,
одиночества и несправедливости трудно обрести
равновесность, справедливость и стабильность.

*...Ах, славный дом –
Детдомовский приют,
Где щи да кашу
Просто так дают!
Но что ни день,
Я ждал другого дня:
Вдруг завтра мама*

*Заберёт меня.
И я писал
О ней и о себе,
И о сиротской
Пягостной зиме,
Но этой стуже
Не было конца.
А маме я
Не нужен без отца...
Приют*

Наделённый природной чувствительностью, поэт глубоко размышляет; постоянный поток страстей направляется мыслями, которые обозначают испытанные им чувства.

Виктор Матвийко – сын матери еврейки. Его обращение к Обетованной Земле – биографический фактор:

*... Отчизны я не выбирал –
По чьей же воле жребий выпал?
И кто меня так презирал,
Предназначая этот выбор?
Не ты ли, бедный иудей,
Подверженный страстям и бедам,
Без воли собственной моей
Себя моим назвавший дедом?
Не ты ли, мужняя вдова,
Мне подарившая сиротство?
Бросает семя трын-трава
По злому праву первородства...*

Если нас любят - мы становимся счастливыми, если нас изменяют - мы становимся мудрее, если нас предадут - мы становимся сильнее...

Всё пространство и время поэта становятся видением. Он проникает в первозданность и духовную красоту своими открытиями. Главное его открытие – простота формы, которая взрывается изнутри драмой любви.

*.. Я счастлив не был никогда,
А счастье – это просто счастье –
Там, где глаза твои лучатся,
Как эта ясная звезда.
Твоим дыханием ветер веял,
Легко кружилась голова,
И оттого, что я поверил,
Слетались птицами слова.*

Моя звезда

*Ах, чужбина ты, чужбина,
Подколотая тоска!
Разве здешняя рябина
Не по-нашему горька?
Разве белая береза
Не по-прежнему нежна,
Не она ли русы косы
Заплетает, как княжна?
Соловей. Жених весенний,
Разгони мою тоску,
Разве это не Есенин
Подарил тебе строку?..*

Немецкий соловей

*...Новых песен не споёшь,
Онемели в пальцах струны...
О, как ты их веселишь
Хлёсткой плёткой семиструнной...
Ты их злоба и Афган,
Через смерть дорога к дому.
И на вскидку – по ногам,
По кричащему, живому...*

Размышления о Высоцком

Виктор Матвийко прекрасно понимает, что люди никогда не меняются к лучшему через ненависть, осуждение или приговор. Они меняются через прощение, любовь и веру в собственные силы. И Виктор научился любить и прощать. Но чтобы изменить мир вокруг себя, необходимо изменить самого себя. И он начал новую страницу с изменения своих мыслей, чувств, желаний. Образ мыслей и действий дал ему свободу плыть в потоке жизни. Поэт ищет ответа у Бога:

*...Но тогда отзовись Всевышний,
Если Жизнь –
Это вечность и миг,
То никто на земле не лишний –
Ни топор, что сверкнул под вишней,
Ни срубивший вишню старик,*

*Если нет ответа у Бога,
То куда мне теперь идти?
С Пастернаком так одиноко!*

Из русских писателей прошлого В. Матвийко, вероятно, больше ориентируется на поэтику раннего Сергея Есенина. Это проявляется в присущем московскому поэту обострённому чувству природы. В его стихах, как у Есенина, сквозит ощущение тревоги, ожидания, тоскливая элегия о том, что уже отживает или уже отжило. Поэмы Есенина напоены воздухом эпохи, ломающей старое. В них отражены мотивы неуютного нового (стихи Матвийко по-своему отражают ломку, происходящую в стране). Созданное Есениным, а вслед за ним Матвийко по своим изобразительным средствам близко к народно-песенной традиции. Сквозь романтическую оболочку стиха проступает конкретная основа, образ идёт от прямого зрительного ощущения. Матвийко – тонкий лирик, умеющий чутко передавать состояние души, поэзию чувства и природы.

Уважение к художественности и языку искусства – постоянная черта В. Матвийко. Поэтика у него строится как система поэтических категорий: например, стилистических и речевых средств. Ему необходима мысль, на самой себе основывающаяся и на себя развивающаяся. У него органическое единство идеи с формой. Впрочем, **вдохновению** не нужна наука, **оно** никогда не ошибается.

Книга В. Матвийко – художественное явление в русской поэзии. В ней свободно развивается мысль поэта, пробуждённая его личными переживаниями, органично связанными с сокровенным настроением его

души. Образный мир его стихов графически чётко, мысль облекается в метафоры, слова выступают в своём основном лексическом значении. И в этой обнажённости, рельефности, одержимости и заключена его поэзия. Матвийко – знаток народного языка и народного характера. В его лирике ощущается прояснённое понимание судеб человечества. Его лирический герой ощущает себя причастным к бедам и надеждам других. В помощи людям, в любви к ним видит он достойную, благородную жизненную цель.

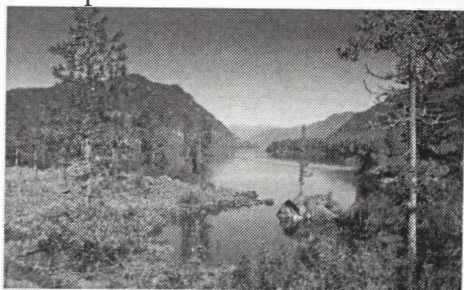
В. Матвийко не ведомы мелочность и тривиальность. Когда его дыхание касается любой вещи, считавшейся дотоле незначительной, она приобретает возвышенный смысл. Он не обременяет себя заботами об изысканности. Зато то, перед чем другие отступают или надламываются, для него служит новым побуждением, разжигающим его порывы.

Его любовь своей нескованностью и размахом превосходит всякую иную любовь – он оставляет для неё простор впереди себя. Его опыт, его переживания и потрясения – не звук пустой. Когда поэт выражает свою личность, факты выступают необычайно чётко. Тому, кто искренен до предела, можно простить все прегрешения. Открытая душа подчиняет себе и внутренний и внешний мир.

У возвышенных натур есть общий язык, недоступный пошлым умам.

В любовной лирике многих авторов роковым недостатком остаётся подражательность,

искусственность, которые делают её столь бесхарактерной. В стихах немалого числа сочинителей царят банальные проспекти или преклонение перед фетишем плоти, а нередко и просто пошлость. В. Матвийко отличает своего рода импрессионизм, означающий непосредственную передачу своего восприятия жизни и природы, направляемые верностью правде. Он видит и изображает соотношение вещей и передаёт атмосферу и относительные ценности так, как они представляются взору автора. Речь идёт о передаче непосредственного впечатления, мельчайших оттенков личных впечатлений, настроений и ощущений. Его энергия фонтанирует не переставая на протяжении всей подборки. Поистине, это живой гейзер.

*... Матушка-природа, исцели –
Силой корня, горечью ли плода,
Или ты от родины вдали
Для меня не матушка-природа?
... У меня не почки – целый склад
Фармакологических изделий!
Боже, возврати меня назад,
К бубенцам берёзовых капелей.*

*Там умеют рожи, шебуриша,
Зубы заговаривать, тем боле,
Что уж слишком русская душа
Настрадалась от обид и боли...*

Его поэтическая речь характеризуется особенностями звуковой организации речи – ассонансом, рифмой, метром... Особенности поэтического языка можно непосредственно соотнести с темой и лирическим сюжетом, которому подчинена и ритмическая структура стихотворения, в котором соблюдается единый ритмический принцип. Для стихов В. Матвийко характерна разговорчивость интонации, остроумная игра слов. Поэт нередко обращается к ёмкой притче. Это и есть его художественная индивидуальность. В. Матвийко тяготеет к эмоционально-приподнятому стилевому течению, стремится к письму плотному.

В стихах В. Матвийко встречаются бессознательное заимствование автором чужих ритмико-синтаксических ходов, что чаще всего бывает следствием ритмической памяти. Заимствованные элементы вызывают у читателя сложные ассоциации, обогащают восприятие стихотворения. Стих В. Матвийко не только точно запечатлевает лирическую интонацию, он в то же время "поднимает" личные переживания автора – извечная роль стиха. Возведение личных переживаний автора в сферу искусства обеспечивает точное воссоздание его подлинного поэтического голоса.

Его поэзия идёт непосредственно от жизни, она лишена оттенка книжного знания и метафизических обертонов. Поэт находит звуки и краски, заимствованные у самой Природы, подслушанные, и как бы украдкой подсмотренные и передающие вечно меняющийся колорит. Образы его **поэзии** весомы, зримы, пластичны и одновременно прозрачны, исполнены какого-то внутреннего света. **В ней**, говоря словами Анны Ахматовой, "всё перламутром горит, но света источник скрыт". Он не теряет мистического и иррационального точно так же, как и от нарочитых красот стиля. Спокойное, размеренное течение жизни в его стихах нередко нарушается; в гармонию вторгаются резкие диссонансы. Жизнелюбивая тональность поэзии В. Матвийко не мешает ему рисовать противоречие действительности. Поэт заставляет читателя задуматься над нелепой вещью: почему это люди должны сторониться друг друга, если и порознь мы всегда работаем для общего труда.

В. Матвийко радуется всё то, что роднит людей, пробуждает в них чувство единения, товарищества, добра. Не только логика чувства и разума, но сама природа наталкивает людей на мысль о необходимости солидарности.

В основе художественного творчества Виктора Матвийко лежит глубинная русская духовность, уважение к жизни, призыв ценить её и беречь. Автор стремится запечатлеть действительность во всей её сложности, очищенной от расхожих клише. Книга собирает в себя большой запас наблюдений над

человеческой природой. Близость поэта к природе избавила его стиль от ложных украшений и придаёт его стихам простоту, энергию и искренность. Автор оригинально соединяет богатство своего опыта с удивительной точностью и конкретностью деталей.

*Когда прощусь я с жизнью бренной –
Не заблужусь я во вселенной,
Ни в рай, ни в ад не попаду,
Но выше ада, выше рая
Взлечу, Всевышнему внимая,
И на колени упаду.
... Ко мне перстами прикасаясь,
Утешит Он и спросит вновь
- Что людям жить мешает?
- Зависть!
- Что возвышает их?
- Любовь!
И скажет Он:
- Ты внял Заветам.
Любовью душу смог спасти.
Но кто при жизни был поэтом –
Тому вовек свой крест нести...*

Он как бы переносит читателя «внутри» воссоздаваемого им мира. Вся книга – это в известной степени исповедь автора.

Что может стать предметом лирики? Всё, что окружает нас, жизнь во всех её проявлениях. Люди, не обладающие талантом, не могут написать хороших стихов. Настоящий поэт не повторяет своих предшественников или современников, не идёт по уже проторенной дорожке. Он идёт по своей собственной тропе.

Притягательная сила поэтического слова – в его образности. У такого слова ярко выражена его внутренняя форма.

Поэт создаёт из живого материала новые структуры, приближённые к глубинным тенденциям природы человеческой. Он обращается к чувству для того, чтобы найти пищу для разума, разрушает условности для того, чтобы созидать идеалы. Подобный путь творчества – основа поэзии. Мир предстаёт перед ним во всех своих красках и сохраняет весь свой внутренний заряд страсти и жизни.

Его цель – не обманывать, а доставлять поэтическое наслаждение. Впрочем, без обмана воображения мы не получали бы от поэзии удовольствия. Сердце и воображение столь податливы, что немедля принимают ту форму, какую хочет придать им поэт. Он обладает способностью увлечь читателя за собой, куда бы он ни шёл. Быть может, это потому, что он поэт от природы. Его нраву, способному воспринимать и чувствовать влияние природы, нельзя подражать ни имитацией, ни притворством. Сила воздействия его стихов тождественна их новизне и первородству. Они действуют очень сильно и лучше всего вызывают у читателей нужный образ или душевное движение.

Он понимает, что не годится для поэзии то, что не меняется. Его поэзия постоянно обновляется. Новизна и необычность его стихов доставляет удовольствие и действует очень сильно.

Каждое его слово стоит на своем месте и выражает именно то, что должно выражать. Слова самые обыкновенные, но из всего обилия слов, имеющих в русском языке, поэт выбрал только те, которые необходимы в данном случае, которые наиболее точно выражают его основную мысль.

*...На надгробной плите
Две магических даты,
Между ними тире –
Символ вечной утраты.
Все, что было тобой –
Светом, трепетом, смыслом –
Стало только чертой,
Приуроченной к числам...
"У могильных оград"*

«Поэзия темна, в словах невыразима»- эти слова И. Бунина подтверждают вечную мысль о том, как трудно найти слова для выражения чувства. Сложен процесс творчества, результат которого таит в себе радость. Не менее сложен и процесс толкования какого-либо текста, а лирического, в силу его лаконичности и условности, в особенности. Ответ один - учиться интерпретировать текст, понимая, что в нем значимо всё - от ритма до запятой. Лирика Виктора Матвийко жадно поглощается читателем, который ищет ответы на самые насущные вопросы.

*... Откуда в пустых облаках
Является вдруг Аполлон?
Откуда в чернильных словах
Следы отзвучавших времён?..*

Основное развитие художественного смысла совершается не в собственном сюжетном движении. Большую роль играет речевая стихия – голос поэта.

В. Матвийко оставил тонкий, психологически верный портрет надломленной души своего героя. Он находит в себе силы воспевать добро и красоту, величие человеческого духа.

Бросая вызов несправедливости, боли и злу, он мужественно назначает им встречу. В. Матвийко знает что счастье – это не когда у тебя "всё в шоколаде", а когда ты кого-то защищаешь от боли. Среди воплощённых душ есть те, что пришли в этот мир из Царства Света. Их память хранит в себе ощущение божественной красоты. Они не помнят деталей, подробностей, не могут описать тот мир, но их души излучают Свет и дарят его другим людям. Ничто не возникает. Ничто не умирает. Просто все находится в развитии.

Поэзию можно по праву назвать младшей сестрой Божьего прозрения. В ней заложен ген бессмертия.

*...Видно, недаром
Я верил в поверья,
Будто поэты
Живут, как деревья...
Буду ладони твои
Целовать я,
И задохнусь
В твоём солнечном платье:
Как же ты нежно*

*Губами своими
Вдруг назовёшь
Моё прежнее имя! И осенит нас
Крестным знаменьем
Матерь-Берёза
Под небом весенним.*

Большое значение автор придаёт потенциалу стихотворения, способности вторгаться в жизнь с максимальным самовыражением. Душа одного человека способна вместить в себя весь драматизм эпохи.

Совершенная и простая форма его стихов созвучна русской душе.

Ему надо было найти какое-нибудь занятие по силам, что-то такое, что хотя бы поддерживало в нём веру.

И он просил в молитвах:

*... Я верю – от меня Ты не отходишь,
Когда молчишь, но осторожно водишь
Моим пером по белому листу,
И, воскрешая звуки, тени, лица,
О ближних учишь Ты меня молиться,
Дабы познал любовь и красоту.*

*... Нет на лицах смиренья ни толики!
Кто безвестен и кто знаменит –
Алкоголики все, алкоголики:
Тех – вино, тех – богатство пьянит.
Я за нашими горькими нуждами,
За беспамятством праздной души
Стали все мы друг другу ненужными
Среди Богом забытой глуши...*

"Что такое поэзия? Это - союз двух слов, которые соединившись, могут выражать новую тайну всякий раз, как их произнесут", - писал испанский поэт Гарсия Лорка.

С поразительной наглядностью передаётся "звукоцвет", ощущение красок природы, лирического настроения стихотворений в контексте с картинами художника. Вышедший в 1999 году альбом "Акваэзия" художника Валерия Ростовского и поэта Виктора Матвийко, раскрываясь, протягивает нам ладони своих страниц для чистого дружелюбного рукопожатия.

Художник Валерий Ростовский передаёт с помощью акварели состояние души и жизни в искусстве; созерцание красоты неотделимо от чувств, которые состояются с движением мысли поэта Виктора Матвийко. Энергетически заряженные полотна художника переплетаются с лирикой в поиске истины и красоты. В результате соединения поэзии и акварели родилось слово "Акваэзия". Доходя до сути, поэтический язык пришёл на помощь исследователям художественного творчества в самых сложных вопросах эстетического восприятия художественного рисунка и помог в значительной степени осознать то, о чём могли лишь догадываться.

*Плыл вербный дух в канун страстной недели,
И я узрел в свеченье облаков,
Как Божий Сын в столицу Иудеи
Сходил с холма в кругу учеников.*

...Я – лишь тебя ничтожная частица,

*Но во Христе и я Твой сын родной:
Не только пасхой жажду причаститься,
А страшной мукой, болью неземной.*

*...И мне явилась божеская милость
В ночь с четверга на пятницу, когда
Толпа с Голгофы в страхе расходилась
И над распятым плакала звезда...*

Анализ стихотворного текста просчитывается по частотам гласных с заданными исходными характеристиками, определяющими в стихах звуками, которые соответствуют определённым цветовым тонам. Звук (а) имеет красный цвет, (е) – "зелёный", (и) – синий, или сиреневый, (о) – светло-желтый или белый. Знак (у) – обозначают темно-синим, темно-зелёным, темно-лиловым, (ы) – мрачными тонами: чёрным или коричневым.

Фонетическое наслоение звуков у разных людей вызывает неповторимое восприятие звуковой формы на художественное изображение полотен, усиливая звукоцвет на эмоциональное звучание стихов и создавая цветообраз, имеющий аналогию с цветомузыкой.

Поэзия Виктора Матвийко полифонична, многоцветна, многодиапазонна.

Акварель, переплетаясь с поэзией, дополняют друг друга как художник и поэт, солнце и луна, день и ночь, земля и небо, создают ощущения умиротворения, как будто два голоса поют в унисон. Одно не может обойтись без другого, слова обретают определённые краски и акварель ловит движение

вечной любви и красоты. Художник перестаёт быть одиноким, растворяясь в божественной философии истин, а поэт, обладающий способностью обобщать, находит новые ёмкие индивидуально неповторимые формы и значительно обогащает своё творчество. Ведь жизнь в творении поэта подобна музыке, гармонии звуков, образы которых неисчерпаемы, бесконечны.

*.. Я люблю вас, земные созиданья,
Внеземные тем боле люблю!
Каждый звук, каждый миг мирозданья
Я пером и душою ловлю.
Я не свыкнусь никак с переменой,
И не сходит улыбка с лица –
Мы прописаны в этой Вселенной,
Наша жизнь не имеет конца!*

Каждая строфа стихотворения выражает отчётливые смысловые оттенки.

Мир предстаёт перед нами в красках и сохраняет свою внутреннюю энергию.

Улыбка поэта сопровождает читателя на протяжении всех страниц стихотворной эпопеи.

*У всякого великого произведения искусства
есть два лица: одним оно обращено к своему
времени, а другим – к будущему и вечности.*

Даниэль Баренбойм.

На звездном перекрёстке

Книга поэзии, принадлежащая перу Раи Гутман – это отражение жизни во всех её проявлениях. Доверительное обращение к читателю, широкий диапазон тем, отношение к природе, окружающему миру, фиксирование малейших деталей, пропущенных через душу, вера в будущее, искренность и чистота – вот составляющие творчества Р. Гутман.

*Весенние листья – приметы свиданья,
А плющ, украшение осени ранней.
Нежнейшие листья... прозрачнее ткани –
По мягкие складки, то острые грани.*

*Что толку в наивном и давнем обмане?
Негромкая музыка в зыбком тумане.
Ненужная лесть и пустые признанья...*

Поэзия, обладающая даром оригинального мышления, животрепещущей родниковой свежести, желанной, первозданной чистотой, отличающаяся прозаичностью интонаций придаёт пластичность и стиль непринуждённой беседы автора с окружающей его действительностью.

*Мы все герои бесконечной книжки,
её развязка предстоит в конце.
Что значит время? Только передышка
меж жизнью и морщиной на лице...*
(«Связующая нить»).

*Стихи мои пишутся
утренней радугой роз,
...Цветеньем ромашек в весеннем апреле,
мелодией ранней пастушьей свирели.
Лазурью небесной, белёсой Луной,
Малиной созревшей вот здесь, за рекой.
Берёзовым шумом и липой душистой,
Бегущей призывной рекламой игристой.
Звездным мерцанием, ветром лихим,
рассветом, закатом и взглядом твоим.
Ландышем белым и зеленью сосен,
снежной зимой, заматающей просинь...*
(«Источник поэзии»).

*...Изумрудная ель, охмелев от лесного
доверья,
одинокое облако тихо целует во сне...*

(«Ветер увел меня»).

Поэтический процесс Раи Гутман можно сравнить с работой художника, рисующим не то, что он видит, а то, что чувствует, то, что будет увидено.

*Над обмелевшею рекой
    камыш шумел и без огласки
Касался плеч моих "рукой...",
    ему хотелось тоже ласки...*

(«Здесь такие декабри»).

*...Что же ты, марево, лета примета,
В луже зеркальной дрожишь виновато?
Вот ощутило бы трепет рассвета
    и оставалось навеки крылато.*

(«Лета примета»).

*Зеркальные капли с высоких небес
Скатились и канули в бархатный лес.
Блестел горизонт,
    он похож был по цвету
На перламутр перед рассветом.*

(«А что осталось»).

Природа устроила так, что питать иллюзии свойственно не только мудрецам. Как писал Никола Шамфор: *«Приятно и поучительно разобратся в идеях, определяющих суждения человека. Разум – величайший дар природы: он не только поднимает нас над нашими страстями и слабостями, но и помогает с пользой распорядиться нашими достоинствами, талантами и добродетелями».*

Пылкий ум Раи Гутман быстро всё схватывает и глубоко проникает в душу читателя, отражая свет её

творчества, отличая его от блеска живостью, остротой и чувством меры. Она находит дорогу от чувства к мысли и образу, облекая их в индивидуальную форму, свойственную только ей.

*Всё, как во сне: и голос мамы –
Любимый, нежный,*

*чуть усталый,
Улыбка тихая её.*

*И пруд у озера, тот самый,
В нём полоскала ты бельё.*

*И берег речки в незабудках
Мерцает огонёк-звезда,*

*И верба вздрагивает чутько,
Но всё пропало, без следа...*

– "На время?"

– "Нет же, навсегда"...

(«Всё, как во сне»).

*Присела ночь на корточках к костру,
Прислушиваясь к звукам в отдалении...*

*По ли ты – далеко, то ли я – далеко,
и волнуется зыбкая просинь.*

*И несутся по небу "снегов" облака,
и в туманы укуталась осень.*

*И трепещет душа одинокой струной,
и в неё задувают хамсины...*

Мы ощущаем тепло, исходящее от излучающей её эстетической, эмоциональной энергии. Она излучает её всегда и для всех, потому, что не может оставаться глухой к чужой боли. Каждое из её

стихотворений настроено на определенную волну. Поэтесса не ищет истины, она создаёт её.

То, что нам приходится делать, во многом зависит от того, во что нам приходится верить; наши мнения управляют нашими поступками. Поэтесса старается отразить бесконечное в конечном.

*Бесконечность, она рядом,
окунаясь в неё взглядом.
Оказалось, я в полёте
на словесном самолёте...
...И небесная обитель.
В ней отчётливо: "Любите...".
(«Что выше неба?»).*

Бросая вызов несправедливости, боли и злу, она мужественно, назначает им встречу. Рая Гутман знает что счастье – это не когда тебе не больно, а когда ты кого-то защищаешь от боли. Среди воплощённых душ есть те, что пришли в этот мир из Царства Света. Их память хранит в себе ощущение божественной красоты. Они не помнят деталей, подробностей, они не могут описать тот мир, но их души излучают Свет и дарят его другим людям.

Только поэтесса обеспокоена полетом, кажущимся ей необычным, стремится распознать, каким образом этот полёт будет выполнен. Вы конечно заметили, что поэт создан наподобие философа.

*Сквозняк мои щёки и губы обжёг,
зыбкой волной пробежался по коже.
Я на стекле наддышала кружок,*

*ветер, мы чем-то с тобою похожи.
Куда убегаешь, меня не спросив,
тебя уловить не хватает мне сил.
И весь извиваясь, похожий на дым,
Вдруг тихо сползаешь к коленям моим.
(«От неба до земли»).*

*Вдаль уходит дорога, солнце тучу прошло,
Спит земля-недотрога, будто и не грешила.
Сколькo боли и горя
в скорбных мифах библейских,
Что бледнеют соцветья на холмах
иудейских.
Кто протянет нам руку,
разомкнёт злые звенья,
Укрепит наши силы и умножит терпенье?
А хурма губы вяжет и на сердце тревога,
от кого и куда убегаешь, дорога?
(«На холмах иудейских»).*

Самое утонченное удовольствие для поэта заключается в том, чтобы доставлять его другим. Надо учитывать своеобразие художественного слова, которое не тождественно слову вообще. Позволим ей мечтать! Ведь, как и у каждого из нас у поэтессы - свой угол зрения на звёздном перекрёстке судьбы.

Поэзия – это живопись, которую слышат.
Леонардо Да Винчи.

Даруй свет, и тьма исчезнет сама собой.
Эразм Роттердамский.

Ясность украшает глубокие мысли.
Люк Вовенарт.

Гавань вдохновения

О поэзии Раи Гутман

Воображение – канва, талант – шерсть. Иной человек хорошою шерстью вышивает очень дурно и некрасиво; а у другого и с дурною шерстью выходит очень хорошо: всё зависит от вкуса. Этот вкус есть у нашей поэтессы Раи Гутман, издавшей совсем недавно книгу «Исполненный полёт» (Избранное), издательское содружество А. Богатых и Э. Ракитской (ЭРА), Москва-Тель-Авив, 2010. – 447с.

Поэтесса садится в челнок *мечтания*, плывет по озеру *воображения*, доплывает до гавани *вдохновения*, выходит на берег *очарования* и гуляет в стране *самозабвения*, блуждая между прошлым и будущим. Ей хочется улыбаться соснам, но её тревожит предчувствие беды:

*Я – между будущим и прошлым,
Взираю, улыбаясь соснам.
Не забываются истоки,
Где алых лепестков потоки,
Цветут те маки над обрывом,
Всё может оборваться взрывом.*

«Голанские высоты», 1998г.

Стихотворения знакомят нас с необычайно важными качествами Р. Гутман, определяющими её как творца. Она умеет дисциплинировать своё мышление и направлять его по нужному руслу.

*За небесной чертой святой город
рождён,*

Он навечно Пророками нам наречён.

Его ветры хлестали, и дождь омывал,

Но от этого он величавее стал.

*Этот город веков, город вечных
святынь*

*Отведи же вражду ты, Господь от
пустынь!*

*У отрогов хребта город вырос в
столицу,*

*И с духовной Судьбою – ничто не
сравнится.*

Тепла касаюсь нервом болящим...

Под солнцем жгучим и палящим.

Смешались имена с осеннею золой...

Страданием, тяжестью святой.

Какая длинная дорога...

Безмолвная, под взором Б-га.

(Реквием, с.392)

Творчество – вещь коварная. В нем нельзя лгать – не поймут, не услышат, не захотят слушать. Без искренности не может быть искусства. Поэзия Раи Гутман находит путь к сердцам людей.

*...Распята безнадежностью земной.
И неслучайно, это ведь не тайна,
Где я живу – зову судьбу фатальной.
Мне помогите разобраться, Боги,
Я здесь стою, у тихой синагоги...*

(Безответна тишина, с.398).

*... реальность, что дано познать,
Проста, как ложь, и этим же удобна.
И, будто правда, неправдоподобна,
Которую не надо объяснять...
... Но часто оглянуться недосуг.
Иду вперед, описывая круг.
И где-то, но у каждого своя,
В душе – Обетованная Земля.*

(Мой парус в тумане, с.404).

В поэзии Раи Гутман чувствуется глубина мысли, неповторимость письма, сплав лирики и прозы, неразрывная связь с природой. Художественные образы природы управляют её пером, заставляя любоваться пологом дубрав, трепетом осени и шатром вечнозеленых сосен. Для Раи Гутман средством проникновения в природу бытия служит интеллектуальная интуиция.

*Осенний парк из жёлтых листьев,
В нем призрак-холод утро разметал.
Пропа заросшая походкой лисей
Мелькала у пруда среди зеркал.
А ветер, собиравший лепестки,
Исполнил часть большого ритуала.
Ложились неприметные мазки
На лёгкий бриз дождливого овала...*

*...Любуясь пологом дубрав,
Шатром вечнозеленых сосен.
Узором луговых отав –
Трепещет, полыхая осень.*

(Ловлю осенний листопад, с.406).

*...И с криком детским родилась душа,
В жизнь пробиваясь голосом и горлом.
В песках колющих, усмирив гордыню,
Я принимаю жёсткую пустыню.
И не найдя отмеченной черты,
Я ощутила силу правоты.*

(Сцена, с.18).

*...И правды суть, и даже – честь.
Сплелись, пронзая массы судеб,
С той истиной, где корень «есть»...
...О чём грущу? Всё знает море...
Я – среди рифм – неуловима.
Мне путь к познанию не проторен
У врат и стен Иерусалима!*

(Истина, с.41).

Поэтичность и особенность лирического языка живут образным содержанием метафоры, поскольку она освобождает выходящие за пределы выразительные силы, отменяет простое соотношение между именем и предметом, создает новые взаимосвязи и отношения между различными областями действительности и представлений и фиксирует заново осуществившееся для читателя в образе содержание слова. При этом язык чувств поэтессы простирается от интеллектуального использования метафоры, как средства украшения

через остроумно иллюстрируемый примерами разговор до глубокого проникновения в образную систему.

Ассоциации с явлениями природы и смежных искусств, выраженные живым, сочным, остроумным языком, - всем этим Рая Гутман щедро делится с читателем, получая удовлетворение и доставляя удовольствие другим.

То, что нам приходится делать, во многом зависит от того, во что нам приходится верить и во всем, что не относится к изначальным природным потребностям, наши мнения управляют нашими поступками (Ж.Ж. Руссо). Исходя из этого принципа, которого Р. Гутман всегда держалась, поэтесса дала своей жизни должное направление.

И. Бродский некогда промолвил: «Истинная Поэзия не нуждается в комментариях». И впрямь, я написала этот отзыв не столь языком понятий, сколь языком чувств.

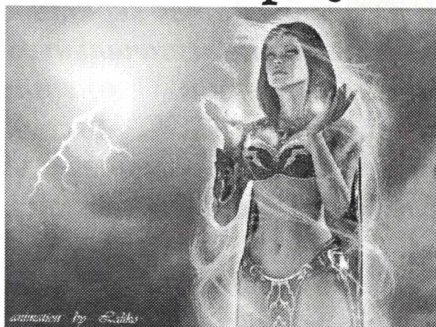
*Как мало прожито – как
много пережито!*

С.Я. Надсон.

*Каждый пишет, как он слышит.
Каждый слышит, как он дышит.*

Б.Ш. Окуджава.

Не отрекаясь от себя...

«Климат, образ правления, вера, - отмечал А.С. Пушкин, - дают каждому народу особенную физиономию, которая более или менее отражается в зеркале поэзии».

Лирика Ларисы Клиэ оригинальна, самостоятельна, со своими личными красками и воплощением природной красоты. Это поэзия романсов. В лирике Ларисы Клиэ ощутимо стремление к освобождению личности от «норм» авторитарной морали. В ней раскрывается неповторимое своеобразие чувства человека, его душевного мира, представления о дружбе, природе, счастье и печали, радости и горе, депрессии,

одинокости и любви к людям. Утешение поэта приходит в интимных воспоминаниях: в выражении надежды на успокоение души.

Словесный образ мира свободен, раскован, показывает движение, развитие, изменение во времени человека, предмета, ситуации.

Поэтесса может не рисовать нам портрет героя или пейзаж полностью, она ограничивается одной-двумя деталями, по которым читатель мысленно дорисует остальное. Изображение с помощью слова может быть более концептуальным, более нагруженным смыслом (ибо слово – инструмент мысли), чем графический, живописный образ.

Мир героя в произведениях изображается как его окружение, фон, объективно, пластично и живописно поданный, не только снаружи, а также изнутри, глазами героя; такой мир проникнут субъективностью, мыслями, чувствами, поступками действующего лица.

*... Говорят, есть грань у времени.
Временные ритмы жмут.
Побелело уж на темени –
Разорвали тыщи пут...
... Хорошо ли плохо – чудится,
Будто звезды посекались.
Светит звездная Медведица:
От себя не отрекись.*

Настоящее несёт в себе дух почитания прошлого, оно является мерилем истины, связывая состояние человека с природой, с родовыми

распрями, а окраску цветов – с прегрешениями
далеких предков.

*...День просит красок у пера
Слов новобрачных, не случайных,
И новый век встает с утра
И облака фатой венчальной...*

Каждый из нас видит счастье по-своему:

*...Живу счастливой, с дождиком воркую,
С его скольженьем, песней и мечтой.
У жизни счастье чуточку ворую,
Свободная под желтою луной.
...И голоса, и смех и звон бокалов
Вбираю, чтоб запомнить наизусть.
Кричит душа в оставленных завалах
И наплывает расставанья грусть...*

*Останется, останется –
Все в радужных цветах,
Другим оно достанется,
Ты превратишься в прах,
Лепил нас Боже глиняных,
А дунув, оживил.
Ладощку выдал в линиях,
Как паспорт предъявил.*

*Живи! Покуда дышится,
Мечтай свершить полет.
Судьба травой колышется,
Душа свое поет.
Душа – она бессмертная,
Уж тыщу лет живет.
В страданьях безответная,
Все тихо счастье ждет.*

*А счастье пахнет хлебушком,
Пастелью – облака.
Глядят глаза на небушко.
И дар листу – строка.*

Разнообразие видов, которыми представлены стихотворения Л.Клиэ, создает многокрасочную палитру истин.

Поэтесса владеет прекрасной памятью, читая наизусть свои стихи. Умеет чётко излагать свои мысли, осмыслить сказанное, увлечь жизненной силой, оптимизмом – вот главные составляющие её творчества. Она обладает талантом красноречия, при котором словам тесно, а мыслям просторно.

Надо, чтобы какое-нибудь особое обстоятельство стеснило мысли и ограничило воображение, для того чтоб она могла наблюдать по частям мироздание, которое силится объять душой. У возвышенных натур есть общий язык, недоступный пошлым умам.

У неё что-то чудное, необычайное есть в самом складе ума. Земля являет ей в гармоническом сочетании своих царств зрелище, полное жизни, занимательности и обаяния, - единственное на свете, что никогда не утомляет ни глаз, ни сердца.

Мы обладаем душой, способной общаться с собой; она в состоянии составить себе компанию; у неё есть, на что нападать и от чего защищаться, что получать и чем дарить.

Лирическое освоение мира

Иосиф Данкин в 2013 году опубликовал книгу поэзии и прозы "Блажен, кто верует..." (Ашдодское издательство "Ахим"). Сосредоточим внимание на первой части книги – на поэзии автора. Стиховая культура всё более отчётливо осознаётся как необходимая форма лирики, которая позволяет воплотить в слове внутреннюю жизнь души в её изменчивых и многосторонних проявлениях. По мере формирования и развития классического стиха всё яснее становится его предназначённость прежде всего для лирического освоения мира. Сосредоточение мира в лирическом миге – общий жанрообразующий принцип стихотворения как содержательной формы.

Непосредственным объектом стихотворений Данкина являются конкретные факты бытия, интенсифицированное вчувствование в эти факты. Чем более поэт становится самим собой, тем прямее и полнее утверждается стремление постигать вещи и явления реального мира величайшим напряжением душевной жизни. Другое дело, что самый отбор вещей и явлений, постигаемых Данкиным, специфичен и периферичен. Но всё же это вещи и явления в их конкретном существовании. Отбор и восприятие этих вещей воплощают в себе некие признаки эпохи, времени. На переживания и явления, которые становятся предметом изображения в его стихотворениях, падает ответ общей картины современного мира.

Запоздалый рассвет
над мятущимся северным градом,
В канделябрах витых
угасал свет оплывших свечей.
В отрешённых очах,
как лишённая смысла бравада –
Кокадиновый блеск
петербургских угарных ночей.
... Утомлённый рояль,
невесомые всплески триолей,
И свидетель страстей –
в пышной раме зеркальный овал...
... Кто же верил тогда,
в том кружение неверного счастья,
В пароксизме страстей,
на изломе трагических лет,
Что так близок конец,
что грядёт лихолетье всевластье,
И что рушится мир,
возвращения к которому нет.

Стр.13.

.. Я не приемлю льстивого мычанья,
Завистливых и лживых не терплю.
Я ненавижу чинопочитанья,
А тихих хамов – просто не люблю!..
... Зверю я, когда мне заправляет
Свою мораль отпетый интриган.
Как больно мне, когда в меня стреляет
Ведомый чёрной завистью наган!..

В.С. Высоцкому к 75-летию. Стр40

И поэт ощущает свою связанность со всеми теми, кто страдает под его бременем. Сострадание и участие – вот чувства, которые господствуют в его стихах. Он не перестаёт вглядываться в этот мир, стремится постигнуть то, что видит. Данкин умеет постичь мир, непосредственно истолковывая и фиксируя некую внутреннюю суть воспринимаемых им отдельных явлений. Поэт предельно эмоционален.

*...Убегать от судьбы,
и пытаться её переспорить.
Е сдаваться тоске,
От хандры не спиваться тайком.
Избегать болтунов,
и чужих завиральных теорий.
И беречь свою честь,
своё имя, и память, и дом...*

стр.9

Эмоционально углубляясь в явления окружающего мира и вовлекая их в свой внутренний мир, И. Данкин делает критерием для определения и оценки этих явлений своё чувство.

Всему отрицательному, что поэт видит в мире, он противопоставляет силы человеческого духа, интенсивность душевной жизни. На передний план выдвигается лирика, непосредственно направленная на раскрытие внутренней структуры вещей.

В цикле стихов наблюдается различная методика художественной компоновки материала: в одних стихах преобладает лирическое начало в его самом непосредственном проявлении, в других – не

допускающее непосредственного включения личности сочинителя в ткань стихотворения.

У И. Данкина не деление слов на важные и неважные. Любое слово несёт особую нагрузку. Гибкость и проникновенность интонации отражается в многообразии ритмики. Всё это создаёт такой музыкально-эмоциональный тон, который облегчает восприятие смыслового содержания стихотворения. Стихи И. Данкина также динамичны и полны напряжения. Особенно насыщены динамикой стихотворения (на стр.6 и "В поисках метафоры" стр. 20...).

*Зачем так громогласна тишина,
В минуты, когда хочется молчанья,
Наполнена бессмысленным звучаньем,
И бесконечна, словно ночь без сна.
Сколь может быть слепящей темнота –
Как фейерверк обрывочных видений.
Они безлики, как клубок сомнений,
И многоцветны, как колпак шута.
Порой так многолика пустота,
Заносчива и мелочна без меры,
Без состраданья, милости и веры,
В делах грешна и в мыслях нечиста.
Как может быть мучительна любовь,
Запретный плод, взлелеянный украдкой –
Ни наслажденья, ни истомы сладкой,
Лишь горечь, отравляющая кровь.
Такой коварной может быть тоска –
Когда бежишь чужих прикосновений,
Советов глупых и досужих мнений,*

И мудрых наставлений свысока.
Невыносим словесный водопад
Бездарных фраз, сомнительных признаний,
Беспочвенных и глупых притязаний,
И клятв бесчестных. Данных невпопад.
Так часто жизнь бывает неправа,
Нас в угол загоняя, словно зверя.
Я только сердцу собственному верю,
Всё остальное – лишь слова, слова...

Стр.6-7

В поисках метафоры

Он долгожданным пилигримом,
Прохладой моря напоён,
Ворвался, страстью опьянён,
Могучий и неукротимый.
Звездой удачи осенён!..
...В нём дух привольный сенокоса,
И скудность вдовьего угла.
В нём пух лебяжьего крыла,
И твердь гранитного утёса,
И роскошь царского стола.
Летающим парусом вздымает
Окрон ажурную вуаль.
Богемский выборный хрусталь
В его ладонях оживает,
И дивный звук уносит вдаль.
И фалды скатерти крахмальной
Колышет лёгкою рукой.
Зачем смутил ты наш покой,
Пришелец, гордый и brutalный,
Своею мощью қолдовской?!

Стр.20-21.

Динамична поэтика многих произведений.
Привожу ещё одно из стихотворений, озаглавленное
"Возвращение".

*Здравствуй, старый наш дом,
в ореоле цветущих акаций!
Я вернулся к тебе
через время, сомненья и боль,
Чтобы вновь окунуться
в нирвану родных интонаций,
Чтобы вновь ощутить
на губах свежий ветер и соль...
... Здравствуй, старый наш дом!
Я вернулся тебе поклониться,
Искупить все грехи,
отмолить, что содеяно злом!
Истомилась душа,
сердце бьётся подраненной птицей.
Не отвергни меня,
отогрей своим добрым теплом!*

"Возвращение" стр. 29.

Размышления о новеллистке

Иосифа Данкина

В прорецензированных мною стихотворениях И. Данкина автор подавлял в себе свою грусть (книга "Блажен, кто верует" – 2013 г.).

Другая часть книги посвящена новеллистике. Здесь автор покоряется необходимости своей работы; и ему удаётся приводить свою душу в спокойное и плодотворное состояние. Он подавил в себе свою грусть. Он дышит силой, не возбуждённо, но не иступлённо. "Пусть ни одна минута не будет лишена лиризма" – как бы говорит поэт. Он постоянно во власти наплыва вдохновения. Его свободный ум, его образный язык производят сильное впечатление. Его критический ум позволяет ему подвергнуть беспощадной критике поведенческие и речевые "советизмы" в быту репатриантов, которые они ещё не в состоянии выкорчевать. Персонажи новелл пародируют партийный жаргон даже в тривиальном изъяснении в любви. Нельзя не отметить яркость речевого колорита "гомо-советикуса". С эпикурейским спокойствием взирает И. Данкин на страстишки людей дисгармонического общества, изобилующего богатыми бытовыми подробностями современной жизни.

Действия в новеллах развиваются стремительно. Герои постоянно находятся в движении. На их долю выпадают приключения, которые помогают

раскрытию особенности их характеров. Часто меняется место действия.

Автор казалось бы не пессимист и не скептик. Он хочет найти смысл жизни. Драма И. Данкина заключается в том, что он смотрит назад, а не вперёд, не считается с логикой развития истории. Автор сам герой пустынных горизонтов, которые не открывают никакой перспективы. Он лишь прослеживает типичное для советской демократии лицемерие – в вопросах любви, морали, этики, семьи, отростки этого явления в репатриантской среде – неминуемое наследие советских времён. Автор – человек, презирающий обывательскую пошлость, но не понимающий реального положения вещей и практических путей исправления мира. Герой И. Данкина "спасается" от житейского мира обыденщины и прозы в царстве шутовского. Его персонажи не могут жить в романтическом одиночестве. В описании господствует мягкий юмор, хотя и не лишённый горечи. Разумеется, автора трудно назвать романтиком по художественному методу; мир романтики служит ему для противопоставления и оттенения реальности – мира купли-продажи, "машинной цивилизации". Правда – это неразрешимые конфликты в окружающем обществе и в душе человека, теряющего в этом обществе самого себя. И. Данкин не становится слепым адептом какого-нибудь учения, будучи для этого слишком зорким. Опубликованные им новеллы чересчур облегчённые, слишком безмятежные. Его неясные романтические порывы ведут всё же к

попыткам познать мир и людей. Отовсюду он заимствует какие-то мотивы, иногда чисто внешние. Человек не может найти своё место в окружающем мире. В сущности его новелла – это истинная поэма в прозе. Современная жизнь теснит душу человека. Потери индивидуализма делают его слабым перед жизнью. Это – заветные мысли писателя, и они воплощены столь прямо и резко. Спокойная и внешне отстранённая манера изложения, ироничность и любимая автором интонация бесстрастного историка прикрывает критический анализ, умение различить и зафиксировать симптомы болезни своего времени. Но чаще всего повествование окрашивает мягкая лиричность и юмор. Автор, несомненно, человек становления и перемен, перемежающихся со значительной долей **пародийности**. В известной степени произведения И. Данкина – это новеллы – предостережения, хотя они и посвящены будничным, незначительным происшествиям, рисуют каждодневную жизнь незаметных, рядовых людей. Эти новеллы каждая на первый взгляд весьма пёстрая. Однако при более внимательном изучении можно установить внутренние связи, объединяющие этот эпический цикл. Трудность анализа цикла состоит в том, что входящие в него новеллы имеют как бы двойную хронологию – времена отражённых в них событий не совпадают.

Повествовательная форма – рассказ от первого лица, где изображение действительности даётся через монолог героя-повествователя. Новеллы И.

Данкина – лирическая исповедь автора – документ его духовной жизни. На материале, казалось бы, ничем не примечательной повседневности писатель выявляет те скрытые перемены, которые происходят в сознании простого человека под влиянием исторических событий. Мастерство психологического анализа в новеллах удачно позволяет разрешить сложную художественную задачу – раскрыть драматизм жизненной ситуации. Отчётливо проявилась большая объективность и точность, простота и лаконизм повествовательной манеры. Автор владеет композиционной техникой и искусством проникновенного анализа; он умеет достигать художественной выразительности простыми и экономными средствами: одна-две удачно подобранные детали метко раскрывают самое существенное в характере и настроении человека. Каждого из героев отличает характерный для его круга интересов стиль речи. Сатиру оттеняет насмешливая, иронически окрашенная тональность. Автор не прибегает к мелочному бытовизму, к фотографированию действительности. В этом его художественное своеобразие. Тайна его обаяния и своеобразие метода заключаются не в увлекательности сюжета, не в погоне за эффектом. Его новеллы являются разрешением назревших конфликтов. Герои сами обсуждают и объясняют случившееся, не дожидаясь, что это сделают читатели. И. Данкин порой беспощаден в своих ударах по нервам и эмоциям читателей, и тем активизирует его мысль.

Читайте новеллы И. Данкина – "Блажен, кто верует", "Гены пальцем не раздавишь", "Страсти по Малевичу", "Дорога к Храму", "Панда", "Приехали!", "А город подумал", "Чёрный глобус", "Головная боль", "Удав", "Чарльстон", "Ворошиловский стрелок".

Экзистенциальная тема в лирике Андрея Черепова

*Поэзия – выразитель
неизречимого.*

**Иоганн
Вольфганг Гёте**

Искусство слова возникает вначале как поэзия, в стихотворной форме. Поэзия синоним высокого искусства слова в её естественной противопоставленности речи прозаической.

Молодой поэт из Ришон ле Циона Андрей Черепов, автор книжки стихотворений "Внутри себя", Эра, Москва-Тель-Авив, 2006 г.", поистине, как отмечено в издательском послесловии к сборнику стихов, "экспериментирует... в области поэтической формы...", используя в стихе языковые дублетные формы, прибегая к поэтической вольности, переходя на верлибр, стих, отличающийся от прозы наличием заданного членения на стиховые отрезки, отмеченные графическим расположением слов.

Поэтические высказывания Андрея Черепова – не просто сообщение или некое суждение, а самобытное словесное "деяние". Хорошие стихи, если их переложить прозой, окажутся почти ничего не значащими, поскольку их смысл создаётся самим взаимодействием стихотворной формы со словами. Поэзия способна так воссоздавать живой поэтический голос и личную интонацию автора, что они опредмечиваются в самом построении стиха, в

рисунке фразовых ударений, словоразделов и пауз. Стих Андрея Черепова возводит сообщение о реальном жизненном опыте автора в факт художественный; между тем именно его стих потенциально позволяет воссоздать в лирической интонации непосредственную правду личного переживания, подлинный голос поэта.

Отношения между биографической личностью стихотворца и его литературным героем подобно отношению между житейским прототипом прообразам и художественным типом: эмпирические факты обобщаются.

Жизненной темой сочинения "Внутри себя" является авторское Я. Тема включается со своим эмоциональным тоном, создаёт определённую установку, управляющую движением смысла. Стихотворения А. Черепова охвачены не только темой нереализованности лирической любви, как у Петрарки, но и темой смерти как уничтожения главной ценности человека – его жизни и смерти как условия блаженной жизни духа. Это темы жизни и смерти, смысла жизни, любви, вечности, дружбы и одиночества, мечты и разочарования. Экзистенциальная тема в лирике А. Черепова не всегда выражена словесно, нередко она только мерцает, мелькает, появляется с тем, чтобы исчезнуть, порой появиться снова.

Лирическое развёртывание тем у автора книги напоминает диалектику теоретического рассуждения, с той разницей, что в рассуждении мы имеем логически оправданный ввод новых мотивов, а в

лирике ввод мотивов оправдывается эмоциональным развёртыванием темы (элегия – печаль, идиллия – умиление, сатира – горечь, гнев); для элегии и близкой к ней медитации – любовь и со всеми подтемами, смерть.

Переплавить опыт своих личных чувств в лирический образ – такова, вероятно, была задача А. Черепова, с которой поэт справляется с трудом. Лирическим пространством является авторское сознание Черепова. Он вмещает лирическое событие, в котором отвлечённое встречается с конкретным, субъективность с действительностью. **Совмещение** этих рядов не требует мотивировок, кроме той мотивировки, что совершается **оно** в авторском сознании. Он следует путями воображения, сохраняя достоверность общих контуров. В его стихах размышление всегда важнее, чем сюжетное развитие, которое имеет условный характер. Сплошь и рядом поэт вообще отказывается от разработки оригинального сюжета иногда довольствуясь бессюжетностью.

Вместе с тем А. Черепов сужает задачу искусства: всё воплощено оттого, что удалено невоплотимое, всё как будто выражено до конца потому, что автор отказался от невыразимого. Бытийный выход – в смерть – делает излишним самый предмет любви. Капитуляция перед наличной данностью вещей – вот единственное решение лирического героя, решение, суживающее мир поэта. Влюблённые расставляют сети. Они ищут оков. Духовно-эмоциональный мир А. Черепова –

безжизненная подделка под старину, переставшей быть даже традицией. От печальной души героя веет летальностью. Это – предельная камерность лирического голоса, однозвучность содержания, ограниченность эмоционального диапазона. Сужение душевного мира лирического героя сделало его рисунок графичным. А. Черепов – "самотворец" не только жизни, но и языка. Автор берёт обычные слова и выделяет в них минимальную смысловую единицу. Он часто скрывает "эпицентр" слова.

В творчестве А. Черепова можно видеть попытки избавиться от традиционной формы, приблизив язык стихов к разговорной речи. Отдельные стихотворения написаны им вне традиционных канонов. Тональность и стилистика основного корпуса его стихотворений – одиночество и отчуждение, безысходная печаль. А стихосложение у него самое самоправное.

Монотонность будней приглушает устремления героя к добру и красоте. Книжка рецензируемого автора – летопись разочарований и надежд как хроника повседневности. Река исторического времени быстро иссякает в сумеречной атмосфере. Апатия духа, невозможность достичь гармонии бытия болезненно ранят человеческую личность. Разнобой между неистребимой любовью к мифической женщине и судьбой – этот мотив проходит через всю книгу стихов. Сочинитель стоит в стороне от нового поэтического поколения, чтобы из этого сплава возник художественный язык, которого требует время. В стихах А. Черепова

преобладает уныние и бесперспективность. Наш лирик тяготеет не столько к идилличности, сколько к трагичности. И ещё: молодой поэт ограничивается лишь доминантой неразделённой любви, не стараясь изобразить её в многообразии и диалектике душевных свойств.

И всё же А. Черепов по-своему откликнулся на ту громадную ломку – быта, психологии, интимной жизни, которой ознаменовались первые десятилетия массовой алии из Советского Союза рубежа XX-XXI веков. Его зрение и слух воспитывались на причудливых формах и резко ускорившихся ритмах текущей действительности. Поэзия А. Черепова наполнена отголосками тех коллизий, драм, надежд, разочарований, которые порождала бурная действительность времён массовой репатриации.

«Я люблю вас, люди!»

Воды времени

Для понимания и исследования творчества драматической и философской поэзии Бориса Дадашева во всем своеобразии индивидуального развития исключительное значение имеют условия самоопределения автора.

Передо мной новый сборник стихотворений Бориса Дадашева «Воды времени, Израиль – 2011 г.». Как пишет сам поэт: *«Время – философская категория, обладающая универсальными свойствами длительности, неповторимости, необратимости... Время – это сцена, на которой Всевышний, драматург и режиссёр, воплощает свои замыслы. В качестве актёров задействованы все, даже зрители, даже неодушевлённые декорации играют свои роли... Наши мысли и чувства тоже в числе действующих лиц. Время – это река, в которую мы попадаем ещё до своего рождения и плывём всю жизнь... Окунаясь в волны памяти мы заново переживаем наиболее впечатляющие участки этой реки».*

Говорят, что тема является единством значений отдельных элементов стихотворений, представленных в совокупности. Так понимается тема в лирическом тексте как своего рода доминанта сборника стихов Бориса Дадашева.

У поэта первая строка стихотворения даёт эмоциональный и смысловой тон.

«Время вспять не течёт, увы...».

«Любовь поила и травила...»

В жанровой лирике каждый жанр – сочетание представленной темы. Ода – восторг, элегия – печаль, идиллия – умиление, сатира – горечь, гнев.

...Феерия счастья,

лекарство моё возрастное –

Я лучшего средства

от грусти пока не нашёл

...Печальная нота,

и та оптимизма полна.

Грустинка, пылинкой

сорвавшаяся с полуслова,

Зависнет картинно,

в цветном наполнении сна.

(стр.74).

Многозвучие поэзии Б. Дадашева. Разнообразие ритмов, размеров, гибкость формы, меняющиеся со сменой мысли, чувств – признак владения профессиональной техникой. Это в то же время признак содержательности поэзии Б. Дадашева.

Меня всё чаще кутает усталость.

Как будто старость топчется в дверях,

как будто очень мало мне осталось,

вцепясь в плечо судьбы-поводыря,

идти до взлётной нити горизонта,

где график сердца выражен прямой, и там,

забыв земные эпизоды, освоить высь –

подняться над судьбой...

(стр.164).

...Нам от бывлой любви в наследство

Остался серый пепел быта.

(стр.79).

Лаконизм – самый жесткий отбор характерных деталей, тропов, чёткость композиционного членения стихотворения и стремление к обобщённому, концентрированному выражению мыслей и чувств, строгость и точность, простота и ясность поэтической речи Б. Дадашева.

Книга разделена на несколько подразделов. Хочется выделить необозримую область любовной лирики. В мире словесности Б. Дадашев нашёл для себя неисчерпаемую лабораторию литературных опытов, которые ему захотелось проделать самому, богатое наследие образов и чувств, которые он понимает по-своему. словно художник рисующий образные картины он искусно шагает по лабиринтам поэтического искусства.

Вместе с тем отдельные стихотворения перегружены неразвёрнутыми образами, возникающими под влиянием весьма субъективных, а порой тусклых и туманных ассоциаций.

Вслушаемся в звучание стихотворения:

*...А время и душевные мембраны
Желали не обносков, а обновки.
И ночь плодила дерзко мурлы-Шуры,
Вне лексикой традиций, но по нраву
И девушкам, и юношам, на равных
Верстающим любовные брошюры,
Мечтающим и жаждущим нирваны
В блестящей звёздным наворотом шубе...*

(Из венка сонетов «Опыты первой любви»).

У поэта жизнеутверждающий дух выражен с такой силой, что даже отношение к любви у него своеобразно-особое.

*...И ночь сорвалась, увлекая в бездну,
Где губ и рук просящих, влажных, жадных
Стеснительность бредовая разверзлась
И затянула страждущих от жажды.
На вдох и выдох – краткие мгновенья.
Пугим объятьям, поцелуям – вечность!
О промежутках не могло быть речи –
Мы так заждались этих дерзновений...*

Б. Дадашев любит сложные семантические рисунки, колеблющиеся смыслы («недосказы»).

Судьба поэта во многом зависит от соотношения его творческого ритма с ритмом исторического сознания читателей. Настоящий поэт всегда современен. Он бывает злободневным, бывает сезонным; он может уловить обыденное незрелое, может поднять проблематику века.

А как у Б. Дадашева? Насколько широк его исторический охват? Актуален ли он? Соблюдает ли исторический ритм Б. Дадашев - поэт с историческим ритмом читателей?

*...Что шепчет снег? Как пахнут грёзы?
Что значит крылья для людей?*

(стр.18).

По первому впечатлению книга «Воды времени» отличается остроумием мысли. Автор обладает способностью пленять и радовать человеческий ум. Человеческая природа одинакова у всех разумных существ; и всё, что ей соответствует, найдёт ценителей среди читателей.

Б. Дадашев придаёт своему лирическому герою большую психологическую глубину и эмоциональное богатство, чей образ не лишен здравого смысла и подтверждается множеством живых примеров, выхваченных из гущи нашего быта. Причуды, предрассудки и странности добродушного автора составили содержание отдельных циклов стихов.

Что на самом деле нужно автору? Добро, нежное сердце, воодушевлённое желание всеобщего блага, сочувствие к человеку. Это даёт право братья за перо. Б. Дадашев пишет душой. Он, прежде всего, спрашивает себя, каков я?

В своей книге «Воды времени» автор развивает теорию самопознания. Человек, окружающий его мир, природа – всё это служит одновременно и объектом и субъектом познания. Талант Б. Дадашева в полной мере раскрывается в его стихотворениях, отличающихся тематическим разнообразием, оригинальной поэтической образностью. Для автора характерна пронизательность, умение метко вскрывать сущность за обманчивой видимостью. Перед нами проходит целая галерея персонажей.

*Приятно наивен твой ласковый жест,
Как будто начало весны, а не осень.
Как будто, сюжет отшумевших торжеств
Не сходит на нет – продолжения просит.*

*И вроде бы, есть, чем судьбу обмануть.
Но редкая страсть – щекотливая карта.
Мы поровну делим прохлады вину.
Минут драгоценнейших, многократных*

*Немного, увы. Впрочем, может быть, так
Ценнее мгновения радости терпкой.
И вяжущий вкус после жажды поста
Нам кажется чувственно великолепным.*

*Но кислые будни – прогорклым драже,
И непонимания разноголосье...
Голодный мой, жадный твой, ласковый жест
— Одно из чудес, что дарует нам осень.*

Каждое слово стоит на своём месте и выражает именно то, что должно выражать. Слова – то обыкновенные, но из всего обилия слов, имеющих в русском языке, надо выбрать только те, которые необходимы в данном случае, которые наиболее полно выражают идею произведения, то есть его основную мысль. Такие слова не приходят сразу, их надо искать, выбирать, а на поиски иногда тратить очень много времени, многократно переделывать написанное, пробуя то один, то другой вариант.

Для Б. Дадашева поэзия – это звучание слова, цвет, линия, совокупность ощущений и глубинный трепет слова, то, что несёт душа, и чем откликается она внешнему миру. Индивидуальная метафора поэта чем-то отдалёно напоминает пастернаковскую.

*Переплелись в глубинах корни,
Как будто пьют на брудершафт.
Но жар от солнечной жаровни
Пропёк до корочки ландшафт.*

(стр.63).

*Чем старше, тем ближе мы к тризне,
Отсюда и грусти ростки –
Осенние главы из жизни,*

Как правило. Не без тоски...

(стр.87).

Нет ничего, что сохраняло бы устоявшуюся форму, и наши привязанности, направленные на внешние предметы, которые неизбежно меняются. Всегда опережая или оставаясь позади нас, они напоминают о прошлом, которого уже нет, или предвосхищают будущее, которому часто не суждено наступить.

Меланхолией море болело.

Былось в скалах тоскливым прибоем.

отупело бросалось всем телом,

морщась, пенясь, стеная от боли,...

(стр.118).

В каждом стихотворении поэт обнажает свою внутреннюю природу.

Его поэзия содержательна и затрагивает ум читателя. Стихи содержат все необходимые элементы сюжета, и поэтому воспринимаются как микромодель, создающую цельную систему, свой вариант символики. Стихи Б. Дадашева раскрываются через метафору – это рифмованные мининовеллы, обрамленные ритмикой с интонацией неторопливого, вдумчивого осмысления происходящего восторга, судьбы репатрианта.

У Б. Дадашева стихотворение возникает непринуждённо, поэт фиксирует замеченную по пути обыденную реальность и свои размышления и чувства. Хочется отметить тенденции к целостной поэзии.

Всё самое важное происходит в сердце и душе
поэта.

*Может быть, в этом мире земном
Я остался, чтоб жизнь перелистывать...*

Новизна лучше повторения

В нашей критике мы редко говорим о традиции, хотя иначе с сожалением указываем на её отсутствие, и употребляем это слово. Читая стихи Бориса Есиповича (Россия, приложение к газете «Труд» №018, 12 января 1996 г. – «Литературная страничка», цикл стихов Б. Есиповича «Звездопад»), мы не можем сослаться на определенную традицию. В лучшем случае мы говорим, что такая-то поэзия «традиционна». Говоря так о Борисе Есиповиче, мы всё же находим то индивидуальное, что составляет его суть. Новизна лучше повторения. Умершие писатели далеки от нас, потому что мы знаем больше, чем они.

В цикле стихотворений «Звездопад» Бориса Есиповича переживания поэта делятся на два вида: эмоции и чувства. Впрочем, настоящая поэзия может создаваться без непосредственного использования каких бы то ни было эмоций, с использованием только чувства. Фактически память поэта – это вместилище, куда поступают и где хранятся бесчисленные чувства, фразы, образы, которые остаются там до тех пор, пока не набираются все необходимые элементы, способные соединиться и образовать новое сочетание, пока не образуется давление, в результате которого происходит этот синтез.

Б. Есипович – личность, в ком жизненные впечатления и опыт соединяются. Поэт «вспоминает» о своих прошлых впечатлениях. Однако перенесём

интерес с поэта на саму поэзию, поскольку это будет способствовать более справедливой оценке цикла любовной лирики. Впечатление такое – будто Б. Есипович ощущает потребность в творчестве, он живёт в поэзии. Как лирический герой он образ поэта в лирике. Мы имеем дело не столько с фактами биографии поэта, сколько с их эстетическим отражением («С мягких сумерек»).

*С мягких сумерек до рассвета
Бродят сказки весёлого лета,
Бродят, шепчутся с сонной
травой,
Да колдуют серебряной
тьмой...
...В кругу склика
насмешливых фей*

*Всё не спит, всё поёт соловей...
Мгла полна и печали и смеха,
И рождается дивное эхо
Что ли в воздухе, то ли во мне,
И плывёт на волшебной волне...*

Поэт не скрывает своё подлинное лицо под вымышленной лирической маской. Правдивость автора – это его искренность. Личность поэта ощущается как призма авторского сознания и облекается чертами биографическими, психологическими, выступает как фигура лирического героя вплоть до введения в лирику документально точных реалий («Твои руки»).

*Твои руки, ещё ничьи,
По роялю почти летели,
И как талой весной ручьи,
Догоняли друг друга трели.
Разбегаясь и вновь сходясь,
Мчались волнами полные звуки
Чуть скрипела педаль, сердясь,
В непонятной ей томной муке.
И, попав в звуковой поток,
Воспарив над рояльной крышкой,
Престарелый сердитый бог
Стал крылатым на миг мальчишкой.*

Это образ-переживание, это мгновение внутренней жизни, своего рода снимок её при вспышке магия: мы сразу оказываемся как бы в эпицентре переживания, которым охвачен поэт. Б. Есиповичу не надо для своего раскрытия сколько-нибудь развёрнутого материала. Всё умещается в считанные строчки («Я один сегодня на дороге»).

*Я один сегодня на дороге.
Ветер в спину, а в лицо столбы.
Беспристрастные прологи-эпilogи
Звёзды вниз свои склонили лбы.
Как я чувствую огромные
пространства
Одиночества и этой звёздной тьмы,
И боюсь немного постоянства
Неживой бледнеющей луны...
...Оборвусь. Но если падать –*

*В море. За столбы, за тьму.
Разбиться вдрызг. Но звучать
В великом пенном хоре.
В мире солнца и солёных брызг!*

В правду лирического характера Б. Есиповича мы верим потому, что выразили бы его чувства в той же тональности. Интуитивное озарение, интонация, ритмический рисунок, пауза, слог – вот что делает поэзию поэзией. Этими элементами автор внедряется в тот участок мозга, сердца, куда иным путем не вступишь, а только поэзией. Форма стихов Б. Есиповича обладает смыслом, пусть очень общим, многозначимым. Обращаясь к ней, поэт ценит её за то, что она потенциально несёт в себе смысл сложного, извилистого и вместе с тем завершающего хода поэтической мысли. Содержание каждого нового стихотворения цикла как бы накладывается на уже готовый смысловой каркас размышления, «диалектики души». Основная интонация «Звздопада» - элегическая, преобладают темы осмысления прожитого – время, когда писались стихи «конец века, рубеж веков» - далеко не бестревожное время, время лирических исканий, посильное высвечивание смысла каждой встречи поэта с природной жизнью, лелеять каждый миг, оттенок, крупицу необъятного мира, внимать щедротам природной яви. В лирике Б. Есипович склонен воздавать должное если не сердечной, то чувственной стороне созерцания и раздумья. Его пристальное наблюдение дано не как голое

умозрение, а как некое жизнемыслие – непрерывная переработка впечатлений и ощущений, поступающих и изнутри, из подсознательных кладовых личности, и извне.

Эмоциональный спектр лирической подборки в цикле «Звездопад» тем значительнее, чем больше проникается поэзия Б. Есиповича тревогами и драмами времени. Между тем в ряде случаев главные события, определившие судьбу лирического героя, выведены за пределы повествования. Быть может, поэтому лирический герой – скорее фигура, нежели характер; он более портрет, чем личность. Герой лишён внутренней динамичности.

Контекст цикла «Звездопад» внушает уверенность, что это произведение заслуживает поддержки. Вот почему наша критика звучит, как похвала, а недовольство кажется лаской.

Виденное и пережитое или

*Плод творческого воображения и
требовательного вкуса*

Книга Фриды Шутман "Домик в деревне" вышла в свет в Ашдоде в 2012 году – "Рассказы и повести".

Я более кратко, чем того заслуживают высокие достоинства произведений автора уделю внимание лишь рассказам. Сочинительница обратилась к жанру короткого рассказа. Всё и каждый из них прекрасны. Им чуждо стремление к эффектам. Зато они насыщены большой оригинальностью мыслей. Мы то и дело встречаемся с новыми сочетаниями. Книга доставляет читателю тихое удивление от того, что мысли, казалось бы, очевидные не приходили ему в голову прежде. При всей яркой своеобразности манеры и слога, Фрида Шутман написала рассказы, обладающие одной общей чертой – спокойной и смягчённой манерой. Видимость лёгкости достигается большими усилиями. А под спокойной поверхностью непрерывно течёт струя, которая будит мысль. Словом, сочинение Фриды Шутман является плодом подлинно творческого воображения, которое сдерживается и отчасти подавляется требовательным вкусом. Её притягивает "невыразимое", "неизречённое", оно и есть прекрасное. Именно короткий рассказ таит в себе наилучшие возможности для проявления писательских навыков и способностей. Капля должна точить камень. Чрезмерная краткость вырождается в

эпиграмму, но грех чрезмерной длины ещё более непростителен.

В коротком рассказе автор имеет возможность осуществить свой замысел. Пока длится чтение, душа читателя находится во власти автора. Она не подвергается внешним влияниям – результатам утомления или помех.

Некоторые из лучших рассказов "Домика в деревне" представляют собой логические рассуждения. О красоте уместнее говорить в стихах. Иное дело – страх, страсть, ужас и многое другое.

Отличительной чертой Фриды Шутман являются вымысел, творческое воображение, оригинальность. Изобретательность её ума часто выявляется в новизне тона, как и в новизне темы.

Выбрать из этих рассказов лучший довольно трудно. Поражает искусность, с какой автором развита отнюдь не новая мысль и хорошо известное событие.

Слог рассказов необычайно чист. Богатая фантазия сверкает на каждой странице. Я сожалею лишь о том, что размеры журнальной статьи не позволяют вполне воздать должное автору, что при возможности с большой охотой сделаю.

Испытание духом

Передо мной книга Светланы Даниловой «Разорванный круг» (New-York 2012 Повесть, Статьи и Очерки). С. Данилова - главный редактор нью-йоркского журнала «TOVUSHI». Читая её, я обретаю то приятное отдохновение, каковое приносит достоверные познания из ещё не столь старой истории. Мы ещё не всё знаем о том, что произошло с горскими евреями, которые, оставаясь в пределах Нальчика во время развязанной гитлеровцами Второй мировой войны, чудом выжили. У автора собственное мнение относительно того, что произошло с евреями в эту ужасную пору в пределах Кабардино-Балкарии. Истина навечно вкладывает в предметы определённую ценность, которая не может меняться под влиянием случая и людских мнений. Тот сам себя опорочит, кто станет судить о вещах не по тому, чем они являются на самом деле, а по тому, чем они кажутся. То, что мы вычитали у Светланы Даниловой, сокрушает человеческий ум. Это было время, когда горе и трагедия бродили по дорогам Нальчика. Мужчины ушли на фронт, а женщины и старики остались ждать родных с войны и старались выжить в эти трудные для всех времена.

Лукреций говорил, что только в беде человек проявляет свою подлинную сущность.

Роль, выпавшая на долю Наамо не из легких. Город Нальчик охвачен брожением - на дорогах немецкие захватчики и румынские мародеры. Любовь еврейской девушки к немецкому солдату до

последних дней остаётся её сокровенной тайной. Только перед смертью Наамо рассказывает Борису об отце Иоганне, который волей случая оказался в том же городе, куда впоследствии эмигрировал сын с семьёй.

Именно Иоганн помог не умереть с голоду, так как был ответственным за питание в немецкой армии и сообщил о готовящейся операции по уничтожению евреев. *«Можете ли вы где-то спрятаться? Скоро всех вас расстреляют, рвы готовы и списки тоже. Уходите»*. И они ушли под покровом ночи. Тино и двух её детей спасла кабардинская семья, спрятав в подвале своего дома.

Бесчеловечные еврейские погромы являлись показателем страшной слабости перед лицом нравственности и морального величия души еврейской. Непримируемую борьбу против евреев вела посредственность со всем, что ее превосходило. В еврейских руках всегда сверкал неугасимый факел страстного протеста против подлости и низости, против грубости и насилия над личностью. Еврейские семьи были спаяны сильными чувствами, её члены оказывали друг другу всяческое уважение; почтение к старшим – в общине царил нерушимый закон предков. Тяжело было еврейским женщинам стеречь семейный очаг, сохранять дух, бережно нести сквозь ручьи крови гнёт насилия и священный огонь сопротивления, стараясь не потушить его.

Читаю и чувствую: пережившая ужасы войны, красавица Тино хранит верность мужу, и она вопреки всему прощает его предательство по отношению к

ней, живя в одном доме вместе с молоденькой Наташей и её маленькой дочерью, которую Урииль привез с собой. На тонком эмоциональном уровне Тино чувствует, что муж, которого она ждала, бросил её. Их отношения распадаются как осколки. Она блокируется потребностью быть правой, держаться за своё мнение, а не сдаться на милость любви. Ведь это означает потерпеть поражение и позор. Глотая собственную боль, Тино приходит к мудрому решению, понимая, что только время всегда деятельно: оно или даёт тебе новое, или отнимает данное. Происходит чудо, божественная тайна... Две женщины одного мужа и их дети живут одной семьёй. Что значит человек... в сравнении с этой живой загадкой, может быть, самой необъяснимой и самой великой в истории горского народа?

Жалкие в своей личной драматической жизни горянки (горские еврейки) становятся вдохновенными борцами, одухотворенными и сильными. У них лишь один смысл жизни: мир должен стать воплощением духа, окрылявшего поколение многострадальных жителей Нальчика. Любой триумф несправедливости бессилён перед вечностью духа, вспыхнувшего в те времена.

Накал страстей на Кавказе был велик. Пытаясь разгадать язык, на котором говорили горские евреи, узнать секреты и прочесть мысли, немецкие захватчики тенденциозно выпрашивали о них. Но местное население, чтобы спасти евреев утверждало, **что это горский народ**. Немецкие захватчики вместе с румынами разоряли дома, занимались

мародёрством, убивали евреев. *«Им бросалось в глаза, что быт не был похож на привычный, для евреев. Грудные младенцы лежали в каких-то люльках, на стенах висели медные тазы, в общем, непонятно, кто они... каждый день приходили солдаты и требовали ценности, которых у них не было... люди помнят, как спасал горских евреев дядя Коля. Он владел немецким языком и убеждал фашистов, что это горский народ».* Чувствовалась, что нарождается тирания... гораздо более страшная, чем маленький еврейский народ, подкупающий своей стойкостью в борьбе за жизнь, своей неугасимой верой в торжество правды, верой, без которой нет человека, ибо древний еврейский народ, переживший ад Холокоста, не становясь адвокатом зла, жертвует жизнями близких людей ради мира.

Герои повести Светланы Даниловой «Разорванный круг», понимают и осознают, что на **наш народ** возложено нести достоинство человека. Всю свою жизнь **он** жертвует всем во имя мира. Истории жизни Наамы, Наташи, Тино, Иоганна, Уриила, вкрапленные в повествование, производят потрясающее впечатление.

Определяя сущность трагического, Аристотель выдвигал учение о катарсисе, являющемся попыткой объяснения сущности сопереживания, которое испытывает зритель от трагедии, возбуждающей в нем чувство страха и сострадания.

Автор, несомненно, проявил большую зоркость, показав, что в одном городе могут жить люди с разными привычками и вкусами, идеалами и

интересами, обычаями и традициями. Невыносимы условия нечеловеческого существования евреев при гитлеровском режиме. Их трагическая участь – лейтмотив произведения. Медленная смерть, бесконечная несправедливость – таковы условия существования горских евреев в тоталитарном режиме. Идейная позиция находит полное соответствие в ярком своеобразии её творческой манеры. Автор присутствует на каждой странице в качестве «участника» развертывающихся событий. Голос её громок, интонации удивительно многообразны. У неё открылось второе зрение, позволяющее в любых положениях угадывать истину; или вернее, какая-то сила, переносящая её туда, где она должна или хочет быть.

Лица читателей изменяются по мере того как они, попадая в водоворот событий, ощущают безысходность положения еврейского народа. «Разорванный круг» - это словосочетание волнует душу, обращенную к читателю-собеседнику. Автор как бы риторически вопрошает: «Неужели нам мало гитлеризма и сталинизма?»

В произведении правильно соблюдаются время, место, условия, нравы и страсти; всякий персонаж действует согласно своему характеру. Талантливо владеющая пером, Светлана Данилова приходится по вкусу читателю. Она дарит нам повесть, в которой ощутимы постижения характеров, глубокое проникновение в природу страстей, умение, распорядиться этническими особенностями языка персонажей.

Простые сюжеты никогда не терпят неудачу в руках автора, искусно владеющего слогом. С. Данилова не теряет из виду ни одного персонажа. Изображения любого события предопределяют развязку, объединяют все остальные события, как центр объединяет радиусы. События у писательницы подготовлены с изобретательностью и представляют собой следствия обстоятельств, возникающих в ходе развития сюжета. Она старательно документирует своё повествование. Верность тщательно выписанных деталей отнюдь не заменяет глубины историзма, связанной со скрупулёзным выбором узловых, поворотных конфликтов. Здесь сказалось мастерство писательского монтажа. Благодаря умелой комбинаторике все части произведения внутренне обусловлены, уместны, целостны, взаимозависимы, необходимы; они создают широкую панораму страданий и сопротивления горско-еврейского народа. Использование газетно-журнальных жанров, особенно документальных, усиливает публицистический накал повествования.

Зоркий ум способен уловить нить, связующую то, что мы называем недостатками, с тем, что мы называем красотой. Они часто бывают естественным, необходимым, неизбежным условием достоинств. Бывает ли медаль, у которой нет обратной стороны? Иной недостаток является, быть может, лишь неотъемлемым следствием той или иной красоты. Какой-нибудь резкий мазок, неприятный на близком расстоянии, дополняет впечатление и придаёт живость целому. Уничтожив одно, вы уничтожаете и

другое. Между тем то и другое вместе составляют **самобытность**. Писательница должна быть неровной. Нет высоких гор без глубоких пропастей. Засыпьте долину горой – и вы получите лишь степь, пустошь, равнину вместо Эльбруса; жаворонков, но не орлов. Такие недостатки укореняются только в добротных произведениях – это беспощадная правда жизни.

Жизнь – только цепь испытаний, не важно, какого рода будут эти испытания, лишь бы достигнуть того результата, к которому они направлены, и что следовательно, чем эти испытания больше, сильнее, многообразней, тем выгодней проявить в них стойкость. Самые жестокие горести теряют силу для всякого, кто видит перед собой великую и верную награду; уверенность в ней была главным плодом, который я извлекла из предшествующих размышлений.

Повесть «Разорванный круг» обращена к людям и должна быть непременно услышана.

Старая пословица говорит, что книги, как и люди, имеют свои судьбы. Повесть Светланы Даниловой, выразившая веру в духовные ценности своего народа, яркое тому подтверждение. Она, несомненно, станет близкой и дорогой нашему читателю.

Отражённый свет памяти

*Даруй свет, и тьма исчезнет
сама собой.*

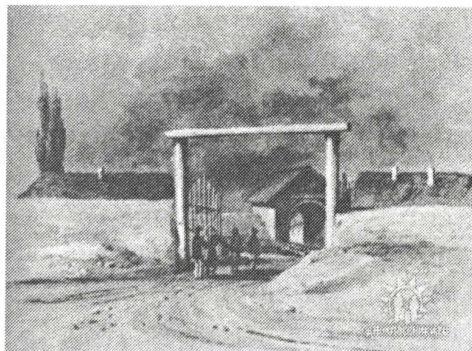
**Эразм Роттердамский
(1469-1536).**

*Чувство вины за всё
совершаемое вокруг –
это чувство свободного
человека.*

Николай Бердяев.

*...А народа жизнь бессмертна,
что бы ни было бы с ним.*

Николай Тихонов.

Передо мной новая **книга** "Община горских евреев Чечни" (Израиль, издательский дом "Мирвори", 2012 г. - 232 с.) израильского публициста, Михаила Елизарова, дающая силы

обрести цельность души, быть самим собой; об исторической памяти и надежде восстановить свой дом, в котором мудрец станет цениться выше богача, а праведник выше вельможи.

Сюжет монографии основан на реальных событиях, подлинных человеческих страстях и раздумьях. Мы выбираем свою судьбу или судьба выбирает нас? Что побудило Михаила Елизарова с прибыльной специальностью мастера бытового обслуживания более 30 лет собирать материалы по истории горско-еврейской общины г. Грозного, что искала его беспокойная, жаждущая справедливости душа?

Речь человека, родившегося на Кавказе, отличается гулкостью, открытостью, лёгкостью, ровностью интонации, она напоминает золотых дел мастеров и ювелиров, которые работают с драгоценной породой, богатой сверкающими камнями. Привыкший мыслить он, не позволяет себе прервать чёткость мысли. Точно так же, смешивая краски, художник достигает небывалой прозрачности цвета и небывалой яркости.

История горско-еврейской общины Грозного описана с самого начала ее зарождения – с первой половины XIX века. Причем все это подается на фоне истории самого города Грозного. Вырос город Грозный из крепости Грозная, построенной в 1818 году. В 1869 году ему было присвоено звание города. Горские евреи имели еврейский квартал. В 1900 году для евреев была построена большая купольная синагога из кирпича.

Приводится большое количество исторических фотографий, найденных автором уникальных правительственных и административных документов, подтверждающих результаты исследований автора. Поражают документальные демографические данные о количестве горских евреев, местах их проживания, перемещениях в общине с приведенными картами-схемами. Читателя ожидает увлекательнейший рассказ о перипетиях в жизни горских евреев, о взаимоотношениях с местными и российскими властями. Драматические события установления советской власти на этой территории так подробно описаны, что читатель как бы сам принимает участие в них.

Монография наделена временным и пространственным бытием. И потому обозрима. Изображаемое пространство способно уподобляться току времени. Обращение к памяти персонажа как внутреннему пространству для развёртывания событий очень важно; прерывистый, обратный ход сюжетного времени мотивируется не авторской инициативой, а психологией припоминания — синхронный репортаж из души героя.

Благодаря устранению автора как рассказывающего лица широкие возможности открываются перед монтажом — пространственно-временной мозаикой. Фигура литератора имеет право говорить с читателем от собственного имени, но только определённым, санкционированным вкусом эпохи, образом.

Пребывание автора в своём городе в горячей точке позволило ему обстоятельнее и полнее раскрыть животрепещущую тему, обнажить кровоточащую рану многострадального народа.

Живший заботами и страданиями горско-еврейского народа М. Елизаров находил высший авторитет для осмысления событий в своей душе.

...Непрерывный поток беженцев из города Грозного, душевная и физическая боль и трагедия народа, - эта тема побудила его к написанию книги. Он искренно и задушевно пишет о величии духа граждан Чечни.

Автор не обременяет себя стараниями об изысканности стиля письма. То, перед чем другие отступают или надламываются, для него служит новым побуждением, разжигающим его порывы.

Открытая душа подчиняет себе и внутренний и внешний мир человека. У писателя яростный порыв действовать во имя справедливости, того, в чём душа находит удовлетворение.

Писатель усиливает впечатление, сделав пережитое сначала зрительным, потом ещё и слуховым. Звуки города в руинах с многочисленными выбоинами — следами бомбардировок — рождают зрительный образ поверженного очага.

... Больно и трудно рассказывать об этом.... В 1995 году после короткого затишья вновь началась бомбардировка. Испуганные люди, расталкивая друг друга, устремились к подвалам, чтобы хоть как-то укрыться. Василий Богатырёв стоя у входа в подвал,

пропускал вперёд стариков, женщин и детей. И вдруг раздалась автоматная очередь. Стреляли по бегущим людям. Несколько осколков попали в спину Василия. Его безжизненное окровавленное тело затащили в подвал. Жена и дети не могли поверить в случившееся.... Мать Василия, узнав от людей, что с сыном произошла беда, помчалась к его дому. Задышавшись, вбежала в квартиру, увидела тело сына, упала возле него на колени, прорыдав несколько часов, она вдруг умолкла, уронила голову ему на грудь и умерла...

Как сказал Шарль Рише: "Сущность войны заключается в том, что торжествует всегда не тот, кто прав, а тот, кто сильнее".

Я читала со слезами на глазах, так как каждый уголок родной земли вставал в моей памяти, и если бы не обстоятельства, то никогда не покинула бы родину своих предков, где прошло моё детство и юность. Эхо чеченских боев, вопреки моим мыслям, докатилось и до нашей страны, отозвавшись слезами боли и отчаяния во многих израильских домах. Каждому известно, что в войне всякая победа есть поражение.

Корни всех важных событий, происходящих сегодня – уходят в прошлое. Без знания прошедшего нельзя управлять настоящим.

М. Елизаров - враг всяческого многословия. Он прямо движется к существу дела, мгновенно фиксируя каждое ощущение во впечатляющих штрихах.

В своей монографии М. Елизаров опирается на достоверные факты, которые находились в его поле зрения, на собственные впечатления и воспоминания.

Живописуя характеры горского народа, автор побуждает людей мыслить и чувствовать, сопереживать и делать выводы.

Он начал писать книгу, когда впервые ощутил в себе потребность рассказать о своём городе – широкому кругу читателей, предпочтительно тем из них, кто никогда не слышал и не сталкивался с представителями этого народа.

Далеко не везде глаз стороннего наблюдателя выхватывает их как нечто целое из толпы и определяет их тем странным названием, под которым они вошли в историю – «горские евреи», еврей-горцы. В Израиле они занимают место где-то посередине между «русим», выходцами из Советского Союза, и «сфарадим», не менее многотысячной массой людей, прибывших из стран Востока. Горские евреи – это простые люди, привыкшие с уважением относиться к своим собственным авторитетам, происходящие из известных и заслуженных семей. Они отличаются храбростью, предприимчивостью, прекрасно владеют оружием, хорошо ездят верхом.

Очень важен в книге сквозной философский мотив – идея связи времён. Чем лучше люди знают и

понимают своё прошлое, тем большим смыслом обладает их жизнь. В художественном плане эта идея реализуется в монографии как взаимопроникновение конкретно-исторического и общечеловеческого.

Слово М. Елизарова говорит о чувстве собственного достоинства, о справедливости, дружелюбии, широте взгляда, решительности и отваге. Его мысли, выраженные в произведении, пробуждают живой и пристальный интерес в сердце каждого человека.

Он создал подлинный документ эпохи, начиная с царских времен, сталинских репрессий и заканчивая последней чеченской войной, длившейся десятилетия.

Монография остро воспринимается благодаря жизненности представленных в книге характеров. Многие страницы книги появились из давних записей и дневников, которые автор тщательно сберёг со времен своей юности. Живописуя характеры горского народа, автор побуждает людей мыслить и чувствовать, сопереживать и делать выводы.

М. Елизаров стремится показать исторический процесс формирования национального самосознания в условиях фактического национального неравенства малых народов в дореволюционной России и обстановкой двоемыслия в наши дни. С большим мастерством описаны особенности жизни и быта горских евреев, что придает повествованию исторический национальный колорит.

"Община горских евреев Чечни" – этнографический материал, повествующий о горских евреях. В книгу положена монография об истории, быте, традициях и культуре, известных людях и важных событиях происшедших в жизни горских евреев Чечни.

...Если читатель, закрыв книгу, продолжает думать о судьбах героев, домысливать их поступки, сопоставлять какие-то факты своей биографии с судьбой героев, значит, автор попал в точку и его произведение имеет право на плодотворное существование.

Слав вечного и злободневного

Книга повестей и рассказов «Ветры судьбы» Мирьям Хейли с предисловием Председателя Федерации союзов писателей государства Израиль Эфраима Бауха (2010г.) вызвала живой интерес в Израиле. Действующие лица произведений горские евреи, рассеявшиеся по миру – ветры судьбы! Вот, например, «Абрамовы» (так называется первый цикл рассказов). – «Но разве могут наши сердца забыть дома, стены которых помнят наши радость и горе, улицы, на которых навсегда остались следы наших ног...», - читаем в издательском предуведомлении к книге. Первый рассказ озаглавлен «Бакинский дворик». «Город моего детства и моей юности», - замечает автор – обдуваемый ветром Баку. В конце двадцатого века ветер «разбросал по планете часть его жителей». «И теперь в разных частях света чужие ветры обдувают нас». «Такова была «роза ветров» в это время».

А теперь можно поблуждать по самому городу... Но где же он? «Где наш Бакинский дворик?».

Сложно рассказать обо всех обитателях двора. Давайте, говорит автор, выберем одну семью и расскажем об одном дне, прожитом одной семьёй в своём уютном Бакинском дворике.

Рассказывая содержание новеллы «Симон», я нарочито прибегла к конкретике его текстовой фактуры, чтобы сохранить его специфический колорит и семантику, характерные для того времени.

И вот мы приблизились к Симону – главному лицу рассказа. Вы не знаете Симона? Его знают все, его знаменитую будку, так вписавшуюся в пейзаж города. Симон сидит в этой будке с того времени, как вышел на пенсию. Он стал «достопримечательностью» города. Остановившись возле его будки, горожане могли не только купить билетик спортлото, но и узнать последние городские новости. Он был доброжелателен к людям и порядочен. И не любил сплетен. Но зато мог рассказать вам что «выкинут» сегодня в Старом универмаге, за чем с утра выстроилась очередь в ЦУМе, что в Продмаг сегодня завезли селедку и цыплят...

Вот он, старый еврей, идёт с работы на обед: невысокий, коренастый, чуть сутулый, припадая на правую ногу. Прожитые годы превратили взгляд его больших карих глаз из весёлого и восторженного – в грустный и все понимающий. Вот он заходит в свой дворик. Симон живёт в этом дворике с самого детства. По вехам его жизни можно изучать историю страны: полуголодное детство, семилетка, комсомол, армия, фронт, партия, работа на заводе, пенсия, и наконец, - будка «Спортлото». Всё так похоже на наши с вами, читатели, биографии. Как и Симон, мы стали жертвами пропаганды. Как он и его сверстники мы не были карьеристами. Просто искренне верили партии. Верили, что доживём до коммунизма.

Рассказ воскрешает прошлое, довоенное время, когда молодой Симон после недолгого знакомства с девушкой, Капитолиной, «как честный комсомолец»

и интернационалист, решил жениться на ней вопреки воле опасливого отца: дескать, «вино не мешают с молоком». «Завтра же пошлю мать искать тебе горско-еврейскую невесту», - промолвил отец. Так познакомился юноша Симон с девушкой Шифрой, представившись по обычаю того времени: работаю на заводе, ударник труда, член комитета комсомола завода, подал заявление на вступление в партию.

Впереди обручение. Но война остановила порыв молодых. После войны они поженились. Она вела дом. А он ходил на партсобрания, водил сыновей на футбол.

К коммерции Симон не был приспособлен. Предпринимательство было не его делом. У него не было коммерческой жилки. Он был просто фрезеровщик высокого класса.

Читатель-репатриант листает книгу «Ветры судьбы» как некую реминисценцию своего прошлого. Она пробуждает воспоминания о советском периоде жизни с его установками, нравами, моралью и соответствующей атрибутикой. Как мало пройдено дорог, как много сделано ошибок!

«Ветры судьбы» - это книга о судьбах советских людей – горских евреев – в эпоху развала СССР. Это новаторское произведение и по характеру героев и героинь, и по выводам, к которым писательница подводит своих читателей. «Ветры судьбы» – это сплав злободневного и вечного.

Мирьям Хейли – член Союза писателей Израиля. В 1990 г. репатрировалась с семьей в Израиль.

Вместе взятые рассказы «Ветры судьбы» составляют единый эпос эпохи, в котором отразились красота и страдание, высокие надежды и разочарование. Новеллы охватывают жизнь горских евреев в целом. В них дана жизнь разных слоёв. Контрастные стороны, противоречия, противоположности отражаются в книге. Мирьям Хейли умеет воссоздать национальную жизнь и затронуть главнейшие вопросы советской действительности. Писательница одарена и проницательна. В рассказе мы всюду ощущаем нравы и быт. Показанное точно соответствует действительности. Из произведений М. Хейли косвенным путём, но всё же вполне осязаемо можно узнать, что было питательной почвой репатриации горских евреев. Это также проистекает от внутренней природы художественного творчества М. Хейли. Как и «Симон» - основные, самые богатые содержанием и художественно выразительные рассказы посвящены быту и нравам простых людей. Здесь писательница особенно наблюдательна и зорка – каждая подробность прочувствована и обдумана ею со всех сторон. Какой бы неприглядной ни была жизнь отдельных персонажей, она для М. Хейли внутренне значительна. Опыт собственной биографии раскрыл перед ней жизнь горских евреев с её непоказной стороны. Новелла «Симон», быть может, лучше других поясняет, в чём состояли основные темы М. Хейли. В образе героя выражены существенные моменты национальной истории горских евреев в переломную эпоху рубежа веков.

Биография Симона – характерная история его народа. Писательница наделена удивительным чутьём правды. Честный Симон ищет, где честнее, никак не уживаясь с людской злобой. Люди его уважают. Не собственные обиды заставляют его возмущаться, но обиды, чинимые другим, нарушения долга, обязанностей.

Мы встречаем в книге искренние и убедительные картины, повествующие о том, насколько стеснено обстоятельствами т.н. «развитого социализма» сознание людей, насколько ограничены для них практические возможности, как того требует высокая человеческая нравственность. У них не было свободы выбора.

Тревоги и драмы времени, или Горечь духовного одиночества

*Любовь расставляет
сети тонких шелков.
Влюблённые, как дети,
ищут оков.
Вчера ты любви не
знаешь,
Сегодня весь в огне,
Вчера   меня
отвергаешь,
Сегодня клянёшься мне.*

Кузми

Н.

Израильтянка Людмила Горенштейн опубликовала в литературном альманахе «Хронометр» №30 (Тель-Авив, 2013) свой короткий рассказ «Верочка», действие которого, как указывается автором, происходит в XIX веке. Одно из главных требований, предъявляемых к короткому рассказу, - заставить читателя сразу и безоговорочно поверить. Каждая фраза должна служить своего рода стрелкой, указывающей только правильное направление: читатель должен знать, что он вправе довериться этим указаниям. Медленное нарастание ужаса оглушает сильнее, чем многочисленные любовные атаки; то, чего ждёшь, страшит больше, чем нечто непредвиденное. Достаточно напугать один раз в самом начале, а дальше весь фокус в том, чтобы играть на этой струне, на этом нерве. Медленное нарастание ужаса у Людмилы

Горенштейн и впрямь оглушает сильнее, чем многочисленные любовные атаки; доводят читателя до необходимого напряжения.

В рассказе «Верочка» речь идёт о событии, характер которого раскрывает одна ретроспективная вспышка. Проанализируем технологию этого рассказа и искусство создавать у читателей ощущение движущегося времени. Личность, избранная автором в качестве зеркала, в котором отражаются предлагаемые события, занимает в рассказе такую позицию, откуда возможен наилучший обзор всего происходящего. Писательница в стремлении к безусловной достоверности учитывает, что персонаж, служащий зеркалом, не должен фиксировать то, что не может открываться ему с его наблюдательного поста. Сделав это, писательница как бы переселяется в своего избранника и пытается видеть, чувствовать и реагировать в точности как он. На первом плане у неё действие. Тип, то есть характер в самых общих чертах, набрасывается несколькими штрихами. Говоря о технологии рецензируемого короткого рассказа, следует заметить, что на первом месте в нём – ситуация. Отсюда можно заключить, что эффект, достигаемый в «Верочке», почти всецело зависит от формы, в которую он облечён. Л. Горенштейн стремится к тому, чтобы показать, изложить историю возможно живее. Всё это продумано заранее со всей тщательностью и искусностью, которые обернулись безыскусностью подлинно художественного достижения. Автор знает,

под каким углом показать то или иное происшествие, понимает, почему именно этот и никакой другой угол зрения является в рассказе единственно правильным. Л. Горенштейн предлагает свою историю в качестве естественного, ничуть не прикрашенного фрагмента действительности, отделённого от неё, как спелый плод от ветки. Произведение завершается так, что тут уж, как говорится, ни прибавить, ни отнять. Завершение темы у сочинительницы предрешиено с момента зарождения. И это понятно, поскольку траектория короткого рассказа настолько коротка, что вспышка и звук воспринимаются почти одновременно. И действительно, первые мазки сделаны в рассказе живо и ярко. Если бы не это, ничто не заставило бы читателя удерживать в памяти историю жизни героев и персонажей. Л. Горенштейн сумела привлечь внимание читателя броским зачином. Подобно тому как рисовальщик несколькими штрихами передаёт характерные черты лица или пейзажа, так и наша рассказчица даёт абрис своей новеллы в самом его начале, абрис, который стал ключом ко всему недосказанному. В силу естественной ограниченности «малой формы», препятствующей правдивому воссозданию действительности за счёт разработки характеров, Л. Горенштейн как можно жизнеподобнее излагает саму интригу. Умение **отбирать** прошло у неё сквозь фильтры терпеливого вынашивания замысла.

А теперь пройдемся по фабуле рассказа «Верочка», изложим действия и происшествия,

изображённые в нём в их последовательности. Изображается семейство владельца мануфактурных магазинов Дмитрия Федоровича Агапова. Действие происходит в XIX веке. Мы знакомимся с его семьёй – супругой Антониной Васильевной, с сестрой Дмитрия Федоровича - Лидией Федоровной и, наконец, с единственной дочерью Агапова Верой, худенькой невзрачной девицей. Ей, Верочке, сделал предложение Алексей Колокольцев, ухаживавший за ней полгода. А плохое настроение Веры объяснялось тем, что утром, проходя мимо кабинета отца, она услышала, как тётушка говорила ему, что Алексей решил жениться на Верочке из-за приданного. Алексей оказался единственным мужчиной, ухаживавшим за ней. Такова экспозиция рассказа.

Веру тётушка Лида считала неудачницей, которую, несмотря на приданое, никто не любит. Что касается самой Верочки, то она ещё не готова дать ответ жениху.

Позднее Верочка, неожиданно приоткрыв дверь детской комнаты, увидела Алексея, целующегося с маменькой Антониной Васильевной, красивой пышной блондинкой, этакой «ягодкой опять». Верочке стало страшно лишиться маменьки, если та уедет куда-то с Алексеем. К ужину она не вышла, запершись в своей комнате. «Ты мне больше не мать!». Антонина вынуждена оставить дом, оставив записку о своём отъезде. Верочка не сомневалась, что мама уехала с Алексеем. Но к её удивлению Алексей Колокольцев явился к ним как ни в чём не бывало. Он не знал об отъезде маменьки! Удивился и

не может взять в толк, что толкнуло Антонину Васильевну совершить такое. Вера ему отказала. Алексей подумав, решил, что девушка из-за отъезда матери тронулась умом.

Вскоре Верочка поняла, что бесследное исчезновение маменьки напрямую связано с ней. Маменька навсегда ушла из семьи, чтобы Вера смогла связать свою жизнь с Алексеем. Тревога съедала Веру изнутри.

Прошёл год. Осенью лил сильный дождь, когда Алексей Колокольцев возвращался со службы домой. Проходя мимо нищенки с протянутой рукой и взглянув на неё, он вздрогнул – это была Антонина. Он не мог её оставить под дождём и предложил пойти к себе домой.

- Ты разве не женился на Верочке? – изумилась Антонина Васильевна.

- Нет! – коротко ответил Алексей.

Антонина Васильевна заплакала. Она поняла, что её жертва была напрасной. Между тем её быт как-то устроился в убогой коморке Алексея. Но вскоре на Алексея упала с крыши ледяная глыба, убившая его насмерть. После поминок Антонина Васильевна вернулась домой к всеобщей радости семейства. Обедали молча. После обеда Антонина Васильевна зашла в свою спальню. Заглянула в зеркало и остолбенела: как она изменилась!

Во время пребывания в жалком жилище Алексея Антонина познакомилась с соседкой Ксенией Илларионовной, вдовой учителя гимназии, и стала заглядывать к ней.

...Через два года Верочка вышла замуж за племянника Ксении Илларионовны. Она сильно любила своего мужа.

Ткань произведения прошита яркими штрихами русской жизни в XIX веке в её социальной и временной характерности. Героев пугает одиночество в большом городе, где людей объединяет только маршрут конки. Сквозь романтическое представление проступает облик уродливой действительности, где каждый боится взглянуть в глаза правде. Алогичные сопряжения мотивов и тем приобретают содержательный смысл, становясь знаками нелепости сущего. Таков выразительный результат, когда колорит имеет эмоционально-психологический смысл – горестный знак земного. Личные мечты героев здесь словно сожжены и развеяны суровыми ветрами реальности. Лихие ветры гонят по бескрайним просторам. Настроение отверженности, непонятности. Подобные эмоции сгущаются в тонах "чёрного юмора». Преобладает интонация рыдающего отчаяния. Сквозь речевую маску рассказчика то и дело пробивается авторский голос, исполненный лиризма, а в книжную речь вторгается поэтическая образность. В языковой сфере повествования явлен его замысел об искомом взаимопроникновении народного и интеллектуального начал. Пространство, замкнутое в плоских четырёх стенах есть символ уединённого сознания героев. В произведении уживаются эпичность и авторский лиризм; острая субъективность смещает очертания реальной

картины, придавая ей особую выразительность. Возникает острое осознание неблагополучия жизни, неотступное чувство катастрофы. Тревоги то чаяния, то отчаяния сообщают внутреннему миру писательницы особый эмоциональный тон, взволнованный и волнующий, открывая неведомые возможности художественного видения. Л. Горенштейн стремится воскресить путём стилизации, искусного маскарада атмосферу ушедшей эпохи, ампирной Москвы.

Лирический репертуар Л. Горенштейн не исчерпывается стилизацией. Одарённая рассказчица стряхнула с себя ветошь капризной лёгкости. Главный собеседник автора – читатель в потомстве. Задача – обменяться сигналами веков.

У сочинительницы сложилась своя жизненная философия. Её волнует проблема «Человек и среда». Человек находится во власти инстинктов. Они неодолимы, и человеку остаётся одно – покориться им. Это сфокусировано в образах матери и дочери: настроения обречённости, трагизма, страха перед жизнью.

Необычайно выразительна в рассказе картина семейного деспотизма, униженного положения женщины в семье и обществе.

Лику времён, или Сила поэтического самовыражения

Не бегая вперегонки с историей, можно ощущать давление времени в своей крови. Иерусалимка Галина Подольская умеет пощупать и понюхать старую вещь, чтобы усвоить принцип эпохи. Поэтесса сложного семантического рисунка, она шире многих постигла образ и давление времени; читатель проникается её синтаксисом и графической конструкцией фразы.

Писательница видит, что житнотворное начало заключается в различии, а не в сходстве. Будущее само позаботится о себе. Это многозначное слово «различие» и определяет обширное поле её деятельности. Есть в жизни такие явления, которые почти не подвержены переменам. По-прежнему придёт весна, будут всходить и заходить звёзды и снова через определенные промежутки станет зеленеть трава, но обществу предстоят перемены.

В 2006 г. в Иерусалимском издательстве «Филобиблон» вышла книга «Мистический осколок». Её содержание: лирические фантазии Галины Подольской и живописные фантазии Иосифа Капеляна и Аркадия Лившица. В своём обзоре я остановлюсь на лирических фантазиях Галины Подольской, хотя её миниатюры, как сказано в предуведомлении к книге, поистине «сливаются с музыкой живописи» И. Капеляна и А. Лившица. Этим талантливым художникам редакция журнала

«Мысль» намеревается посвятить специальное внимание.

...Возражая против «всеядной» поэзии, Г.Подольская очертила **круг тем** и образов, изображение и поэтическое перевоплощение **которых** соответствует характеру её дарования.

В обращении к читателям поэтесса замечает: «В художественном воображении возникли образы древних городов Святой Земли... Исконные города Эрец-Исраэль из конкретных топонимов трансформировались в аллегории и символы... Мистический осколок смальты древних мозаик... Пусть сквозь его призму распахнётся Вселенная Прекрасного и для Тебя, читатель!».

В послесловии автора читаем: «Мистический осколок» - обретение новых жизненных установок, освоение себя на Земле Обетованной как продолжение собственного творческого «Я». Подлинный талант не нуждается в замысловатом сюжете или «красивой лжи» - он умеет находить красоту среди «осколков» и руин. Все вместе и каждое стихотворение Г.Подольской в отдельности отмечены пристальным вниманием к жизни тех, кто создал и создаёт этот мир своими руками и впечатляющей силой поэтического самовыражения.

Мы следуем за порядком, установленным автором; стихи о «золотом Иерусалиме», затем – о синеглазом Цфате, молочном брате Иерушалаима; пролетает яффская чайка. Но вот знаменитый город магических мозаик – древний Циппори. Его главная достопримечательность изображение Афродиты,

названной «Моной Лизой из Циппори» - некий «мистический осколок».

«Это было так давно, что кажется едва ли правдоподобным. Один злой человек влюбился в изображение Галилейской Моны Лизы. Без лишних раздумий он решил «унести» в своё жилище потрясший его воображение мозаичный портрет. Но смальты были скреплены так крепко, что не отделялись. Красавица словно говорила ему: «Не спорь с вечностью! Безумец! Я здесь – навеки!».

Очень не понравилось это злому человеку. в возбуждении он не слышал ни голоса рассудка, ни голоса красавицы. С упорством одержимого он начал разбивать смальтовые полы, повторяя расхожую даже в столь отдаленные времена фразу: «Так не доставайся ты никому!».

Мозаики «сопротивлялись» молоту. Удар... первый, второй, третий, много ударов... И, когда некоторые из мозаик начали крошиться под натиском безумца, они застонали, воззвав к небесам. Неожиданно началась буря, унеся злодея Б-г знает куда. Но она же разнесла по свету и осколки выбитых им смальт. Кому-то они попали в глаз, а кому-то в сердце, вдохновляя романтиков преодолеть вереницу лет, чтобы мистически участвовать в событиях, запечатленных в смальтах древнего Циппори».

*Волна к волне всегда полна влечения,
От глаз к глазам неисчерпаем свет,
И вечны в вечности летящих лет
Мозаики бессмертных откровений.*

*В них – млечный путь далёких сновидений,
Что для мечты отчаянной открыт,
Здесь Мона Лиза душу исцелит
Улыбкою в безумье дерзновений.*

*Свободна от терзаний и сомнений,
В тенетах немоты и слепоты
Она сияет мерой красоты,
Она спасает мир от всеожжжения.*

*О, Мона Лиза смальтовых видений!
Ты – светоч в вечности летящих лет!
Волна к волне всегда полна влечения...
От глаз к глазам неисчерпаем свет...*

(Галилейская Мона Лиза, стр.

61).

*От глаз к глазам неисчерпаем свет... и может
произойти все, что угодно, вопреки высокой
стилистике вечности.*

*Однажды один романтически настроенный,
интеллигентный студент-археолог с исторической
путаницей в голове и мозаичным осколком в сердце,
гулял по Римской вилле. Странно было смотреть на
молодого человека. он не ходил прямо, - постоянно
что-то обходил, выделявая всякие выкрутасы,
словно опасаясь шума собственных шагов.*

*На самом деле в его поведении не было ничего
странного: он боялся наступить на некоторые из
изображений. Они были для него живыми. Молодой
человек разговаривал с ними...*

Галилейская Мона Лиза...

*На меня она смотрит снизу.
Я гляжу на неё и таю,
И... мечтаю? Мечтаю! Мечтаю...*

(стр. 61.).

В этом порядке расположения поэтических миниатюр возникают сквозные ассоциации. Первое стихотворение даёт здесь пространственно-временную локализацию. Далее следуют строки, заключающие образ в духе поэтики времён Леонардо да Винчи. Локализация усиливается, достигая высшей точки — ситуация переносится в ограниченное пространство с зримыми «атрибутами» этой ситуации.

Здесь многое зависит от соотношения творческого временного ритма с ритмом исторического сознания читателей. Г. Подольская современна, поскольку писательница может быть современна в очень разных ритмических категориях. Происходит совпадение между историческим ритмом писателя и читателя; поэтесса переживает несколько поколений. Лирика для неё — это преображение внутреннего опыта и энергий. В лирическом стихотворении читатель хочет узнать не столько поэта, сколько себя; отсюда парадокс лирики: самый субъективный род литературы, лирика: как никакой другой, тяготеет к всеобщему. Эту книгу, этот «Мистический осколок», не обжигаясь, нельзя держать в руках.

Лирика Г. Подольской идёт непосредственно от жизни, она лишена метафизических обертонов. Великолепны описания времён года; для каждого из

них она находит звуки и краски, заимствованные у самой природы. Образы её поэзии весомы, зримы, пластичны и одновременно прозрачны, исполнены внутреннего света. В ней, говоря словами Анны Ахматовой, «всё перламутром и яшмой горит, но света источник таинственно скрыт». Жизнелюбивая тональность поэзии Г. Подольской нисколько не мешает ей рисовать Иерусалим, нашу древнюю Родину как трагическую землю. Логика чувства и разума и сама природа родного края наталкивают людей на мысль о солидарности.

Особое место в поэзии Г. Подольской занимает философская лирика. Поэтесса насыщает свои стихотворения подстрочным смыслом, вкладывая в созданные ею образы некое обобщенно-философское содержание.

Богатство ритмов и интонаций, необычайный цветовой колорит словесной живописи, импровизационное разветвление основной темы, завораживающие повторы – характерные черты представленных на суд стихотворений.

Г. Подольская в своих стихах создаёт своеобразные каталоги - перечней предметов, вещей, явлений. Как правило, они красочно и хорошо организованы (в них ни один предмет или образ нельзя переставить). Вереница образов, выхваченных из окружающей поэтессу действительности, иллюстрирует философскую мысль о круговороте материи.

Читатель захвачен ощущением радости бытия: её стихотворения залиты солнечным светом, овеяны

ветрами, пронизаны свежестью утра, омыты свежими брызгами дождя.

В отдельных стихах поэтесса прибегает к речевой манере библейских пророков (библейский речитатив). Диапазон чувств, настроений, тональности необычайно широк – от ораторского пафоса до тончайшего лиризма.

Большое значение Г. Подольская придаёт содержанию. Все стихи проникнуты пережитой правдой, мудростью, добротой и любовью. Автор напоминает человеку о его высоком назначении. Без него заглохла бы нива жизни.

Поэтесса соблюдает специфические художественные приёмы: на Святой Земле всё одушевлено и очеловечено: облака, птицы, растения. Сказочно прекрасен процесс оживления Моны Лизы. В поэтических иносказаниях представлено главное в жизни человека: рождение и смерть, веселье и труд, любовь, творчество, дружба, битва с врагами. Её стихи – это венок чудесных мифов. Поэтесса умеет выразить разнообразные эмоциональные оттенки.

Метафоричность языка, поэтические гиперболы, красочность – всё это доставляет читателю глубокое и чистое удовольствие.

Лирический автопортрет

В Тель-Авиве в 2011 г. вышла книга Ирэн Голды «Сквозь призму сердца». В самом её конце автор неожиданно в post scriptum в стихотворной форме дописывает то, что не успела сказать:

*Мои стихи – не сладкое вино,
Они скорее самогон домашний,
Настоянный на диких, горьких травах..
...Мои стихи резки, порою пряны..
...Они вольны, как ветер, и упрямы..
В них жилы рвутся, грозно бьют тамтамы.
В них страсть захлёстывает разум, ноют
раны,
И боль кричит, обида слёзы льёт,
Кровавым потом увлажняется чело..
В них судеб сломанных все шрамы налицо...*

Всё, что сказано И. Голдой, рисует её как существо, охваченное страстью понять душу свою, достичь глубины. И это при аналитической остроте ума. Звучание её стиха добивается гипнотического воздействия соединённых в стихах звуков, их ритмического звучания. Рифмы И.Голды имеют характерную особенность: они нужны по складу речи, а не только как отметка в конце стиха. У неё три назначения рифмы: смысловое, звуковое и символическое. Её вдохновенная фантазия не исключает из творчества интуицию, подчиняя её рассудочной логике. Тема утраченной любви для неё

– характерная тема. Она не замыкается в рамках психологической автобиографии. Пылкое воображение и дар красноречия воссоздают борения противоположных порывов в душе героини.

В этой книге метафорически рассказана жизнь Ирэн, прошедшей путь «от инженера-конструктора до начальника отдела» и... в 2003 году репатрировавшейся с семьёй. Стихи писала с детства, публиковалась в «Пионерской правде». Далее печаталась везде – главным образом в периодической печати; в последнее время в Израиле вышли три книги И.Голды. Поэтесса обладает несомненным лирическим дарованием. Лучшие её произведения, созданные в жанре любовной лирики, отличаются пластичностью, красочностью описаний, музыкальностью. Её сонеты – проникновенная любовная лирика. И. Голда как бы отделяет изображаемую психологическую ситуацию от конкретно-бытовых и исторических ориентиров. Читатель порою не знает, где и когда происходит изображаемое, но впечатление от горькой поэзии не ослабевает.

Для поэтической индивидуальности поэтессы характерна строгость, сдержанность, но неизменная гармоничность, ясность мысли, неприятие мещанской скуки и хаотичности бытия и сознания. При чтении её стихов в воображении возникают значительные образы. Широкий диапазон её интонаций – от «шепота» до «форте фортиссимо».

Поиски опоры в запредельном придали абстрактно-аллегорический характер любовной

лирике Голды. Вечные вопросы бытия, разочарование в жизни – эти мотивы так или иначе соотносятся с драмой нации, с образом исторической Родины – обетованной земли, обогащаются углублённым лирическим самовыражением поэтессы, энергией и приподнятой эмоциональностью. Это лирика с непосредственным проникновением в сокровенные недра души, порождающей бесконечное обилие оттенков и граней. Характерен психологический драматизм стихотворений, воссоздающих борения противоположных порывов в душе поэтессы.

Произведение И. Голды могло быть названо «Книга моей души, или Лирический автопортрет». Поэтесса заблудилась в лабиринте, в непролазной чаще своей собственной груди. Эта смятенность парадоксально определяет патетический колорит её стихов.

Погружаясь в глубины человеческого одиночества, И. Голда исследует уже не только «норму» душевной жизни, но и сумеречные её состояния. Автор пользуется суггестивными приёмами, всё настраивая деталями. Ритм стихов усиливает выразительность каждого отдельного образа, каждого слова. Свободный тонический размер, не зависящий от счёта слогов и подчиняющийся лишь ритму ударений – она (автор) почувствовала в этом «неправильную» структуру строфы. Но именно эта «неправильность» позволила поэтессе свободно варьировать звучание в зависимости от смысла. И вот результат: стих И. Голды поражает свободой, стремительностью,

полным отсутствием «вымученности». Она экспериментирует в области метрики, в сфере лексики и образности, ища средства поэтической выразительности.

Дыхание времени

(Заметки на полях книги)

Книга «Листая календарь судьбы» – стихотворный фонд литературы «из ящиков письменного стола» (Москва – Тель-Авив, 2006г.) – знакомит нас с необычайно важными качествами Семёна Цванга, определяющими его как личность. Он умеет организовывать мышление и направлять его по нужному руслу, заставляя читателя познавать особенности склада ума. Его воля направлена к большой цели – служению Святой земле. Книга носит характер философского раздумья и исповеди.

Поэт не отделяет себя от тех, о ком пишет, чётко излагает свои мысли, осмысливает сказанное, увлекает жизненной силой, оптимизмом – это главные составляющие творчества Семёна Цванга. его мысли писателя и ограничило воображение для того, чтобы он мог наблюдать по частям мироздание, которое силился объять душой. У возвышенных натур есть общий язык, недоступный пошлым умам. Если книга возвышает душу, вселяя в нее мужество и благородные порывы, судите ее только по этим чувствам: она превосходна и создана рукой мастера. В ней глубина мысли, неповторимость письма. С. Цванг умеет писать о заурядности, даже о банальном так, что в его стихах открывается взгляд поэта, сохранившего живую, не слабеющую связь с миром, хотя и встречается любовная размолвка с бытием. В ней есть черта, свойственная просветителям, – желание поделиться с окружающими своим

духовным богатством. В ней нас сегодня привлекает нерастраченная свежесть восприятия, душевная молодость и та доза хорошего легкомыслия, которая, по выражению одного мудреца, «свойственна только очень умным людям». Прониновенность, искренность, теплота вызывают любовь и признательность всех, кто хотя бы раз читал его стихотворения.

*Не люблю искусственных цветов
И застывших взглядов манекенов.
Не терплю слащаво – льстивых слов,
Торькую оскомину измены.*

*Не родился в царстве нимф и роз,
С детства не учился благородству,
Но в красу земную сердцем врос –
Презираю всякое уродство.*

Стр.38.

Разнообразную гамму человеческих чувств Поэт выразил в своих стихотворениях. Они подкупают непосредственностью и глубокой искренностью. Его творчество находит читателей. Нет награды лучше, чем их благодарность. Но всё же, несмотря ни на что, он продолжает экспериментировать, находясь в постоянном поиске. Река поворачивает в сторону, когда встречает возвышенности; так и фортуна поворачивает в сторону, когда на дороге встречает людей с благородными мыслями и возвышенными чувствами. Стихи изобилуют смелыми интонационными переходами.

Каким глубоким по мысли, неповторимо самобытным и оригинально-талантливым поэт может быть во всём! Радость, испытанная от преодоления препятствий, - это сигнал о том, что он действует в правильном направлении. Требуется необыкновенная чуткость и такт, чтобы почувствовать всю сердечную тонкость, которой полны его стихотворения.

В поэзии С. Цванга заложено его отношение к прошлому и будущему. Грусть пронизывает человека и его жизнь гораздо быстрее любого другого чувства. Метод его письма включает в себя соотношение между действительностью и воображаемым миром автора, между идеалом и реальностью. Формы лирического достаточно многообразны. Лирическое переживание может скрываться в обобщенных рассуждениях, в повествовательном сюжете. С. Цванг взвешивает каждый предмет на весах разума. Опыт всегда обогащает.

Поняв, что наша жизнь — только цепь испытаний, не важно, какого рода будут эти испытания, лишь бы достигнуть того результата, к которому они направлены, и что, следовательно, чем эти испытания больше, сильнее, многообразней, тем сподручней проявить в них стойкость. Самые жестокие горести теряют силу для всякого, кто видит перед собой великую и верную награду; уверенность в ней была главным плодом, который автор извлёк из долгих размышлений.

Любовь и сострадание, честь и долг являются проявлениями духовной сущности, которые, будучи облачены в различные внешние формы, создают

культуру и представляют собой движущие силы для их жизни. В зависимости от того, было ли отдано первое место любви в самом общем ее понимании или понятию чести как таковому, соответствующим этой духовной целеустремленности образом развиваются мировоззрение. Та или другая идея создавала меру измерения для всего мышления и всех действий. Но для того, чтобы создать определяющий критерий, должен первенствовать тот или другой идеал. Нигде еще борьба между этими идеями не была столь трагичной. Жизнь без принципа для С. Цванга прозябание.

*Настанет час – я этот мир покину.
Ни в рай, ни в ад и ни в страну богов,
Я в мир иной, частичкою нейтриню
Умчусь тотчас, чтоб возродиться вновь.*

*И все равно я буду знать едва ли,
Что жил и только повторился там.
Мы мчимся по таинственной спирали
Неведомой великим мудрецам...*

«Таинственная спираль», стр. 138.

Поэзия С. Цванга – это зеркало индивидуальности, которое преобразует то, что искажено. Внутренняя красота в искренности, простоте и естественности. Поэт расширяет сферу воображения, образует новые вместилища, которые жаждут, чтобы их наполняли духовной пищей. Его книга может многое рассказать о страхах, сильных сторонах и нераскрытом потенциале, любви и

отчаянии, иронии и юморе. В этой книге мы начинаем листать календарь его судьбы.

*... Вот друзья мои в касках, шинелях,
Все до боли знакомые лица.
Ну, а сердце стучит: - Неужели?
Неужели война повторится?
Скоро, друг фронтовой, нас не станет,
Есть у возраста тоже границы.
Тень тревоги в глазах ветерана:
Неужели война повторится?*

2005 г. «Обратный отсчёт», стр.46.

Из цикла «Память седины».

Темы стихотворений навеяны войной, трагизмом, лишениями, потерей фронтовых друзей. Семен Цванг - бывший фронтовик-танкист - не остаётся в стороне от событий, происходящих в Израиле и в мире. Книга «Листая календарь судьбы» лирическая исповедь человека, поражающая читателя глубоким диапазоном интересов: искренностью, юмором, добротой, душевной теплотой.

*Меня нещадно жизнь трепала,
Так, что трещала голова.
Казалось мне осиным жалом
В анкете «пятая графа».
Глотая воздух униженья,
Я духом не упал, не скус.
Не став пред властью на колени,
Приказывал себе: - Держись!*

*И наконец я независим!
Звоню домой, кричу: - Ура!
В руке спасательная виза
В страну свободы и добра.
Звук сердца собственного слышу,
Его ничем не заглушить:
Терпел. Не унижаясь, выжил.
Обрёл свободу, чтобы жить.*
«Откровение», стр.76

Автор приглашает нас в путешествие по тропам истории своей судьбы. Дыханием времени веет с её страниц, листая которые попадаешь в атмосферу острейших социальных конфликтов, энтузиазма, подвига, свершения великих дел. Книга обладает познавательными источниками, позволяя заглянуть в интимные моменты творчества:

*Я рождён в созвездии Тельца
Майским днем, в большой семье еврея.
А любовь, роднящую сердца,
Встретил я под знаком Водолея...
...С болью в сердце я покинул Русь,
Не тая в своей душе обиду.
Сам избрал среди планет свой курс
И отправился к Звезде Давида.
1991г. «В созвездии Тельца», стр. 112.*

*...Я не нашел тебя, а вдруг открыл,
Как открывают звёзды во Вселенной.
Я никого так сильно не любил,
Так запоздало и самозабвенно.
Стр.115.*

*Люблю красивых женщин. Разве грех
Красавиц провожая долгим взглядом...
... Одна из них войдёт в мою судьбу
Из созданного мною зазеркалья.*

**«Виртуальный гарем», стр.
120.**

Порыв и сдержанность, яростный взрыв душевной энергии и тихая внутренняя сосредоточенность – эти переливы авторской палитры являют собой органическое единство индивидуальности.

Мы ценим содержательную ёмкость созданных С. Цвангом картин подлинных драматизма и масштабности.

Книга С. Цванга отразила присущее сочинителю стремление охватить все стороны жизни, не упуская ничего интересного. Это привело к некоторому нарушению художественных пропорций. Подумайте сами: внутри книги читатель находит такие рубрики, как «Память седины» и «Зверинец», «Сомнение и вера» и «С песней по жизни», «Акростихи» и «Мой гороскоп» и т.п. – логическая строптивость композиции. Описательный элемент преобладает над субъективной рефлексией. Внимательный и тонкий наблюдатель, автор, однако, не слишком увлекается деталями. Многословие и напыщенность рассеивают внимание читателя. грациозно-шаловливый стиль, пиндарическая направленность, романтическая вычурность и цветистость заметно контрастируют со

стремлением поэта жить сразу в нескольких временных измерениях – в читательском времени, которое надобно С.Цвангу на сочинение своей биографии; во времени, когда свершились описываемые им происшествия, и во времени его воспоминаний. Автор обращается к ситуациям, характерам и сюжетным ходам, уже использованным многими. Переживания поверхностные, мимолётные, зыбкие – любви на час; эгоцентрический культ чувственных радостей бытия. Разум здесь как бы проверяет самого себя то шутливо юмористически, то драматически серьёзно, вытесняя пределы собственной суверенности. Понадобился, конечно, драматический (и даже трагический) исторический опыт, включающий и советский период. При внимательном рассмотрении этот беллетристически воплощенный опыт обнаруживает глубокий подтекст. Так автор выводит истину из сферы знания для избранных. Свободные переходы от настоящего к прошлому, непринуждённость, естественность интонаций – таковы характерные черты повествования. Лирическое восприятие природы в сочетании с мечтательной рефлексией поэта-созерцателя, стремление к простоте и естественности в выражении чувства, задумчивая рефлексия и мягкий лукавый юмор – такова стихия поэзии С. Цванга. В самом ритме, метрике и интонационном строе стихов угадывается непосредственная связь с разговорной лексикой. Его стихотворения можно понять и буквально, и метафизически, причём двойной смысл придаёт особую прелесть лукавому,

насмешливому тону всей вещи. Пародийно-сатирические травести (травести – итал. переодевать; вид юмористической поэзии, близкой к пародии), весёлость, ироничность, шутливость – характерная примета поэзии мимолётностей С. Цванга. Экспромты, эпиграммы требуют лаконичности, лёгкости, ёмкости, отточенности – всё это формообразующие признаки стиля.

Книга «Листая календарь судьбы» оказалась очень личной; в ней присутствует прежде всего опыт одного человека. Для С. Цванга понять других – это понять самого себя, что позволяет судить о взглядах поэта. Поэзия С. Цванга, его поэтические раздумья рождены живой и противоречивой действительностью. Она несёт в себе глубокие и самобытные обобщения.

Суждение вкуса, или

Альфа и омега человеческой мудрости

В психологическом механизме творчества существенную роль играет момент внутреннего освобождения, которым разрешается потребность творческой индивидуальности в исповеди; желание поделиться глубоким переживанием или ярким впечатлением. Творческий процесс немыслим без воображения.

Энергичное отрицание советского прошлого и радостная надежда на будущее - характерная черта творчества Ирины Рувинской, заключающая в себе общечеловеческий и жизнеутверждающий смысл.

*Юною быть перестала,
взрослою стать не смогла.
Старых друзей растеряла,
новых друзей не нашла.
Из настоящего жадно
смотрит и смотрит назад...
Ловит судьба беспощадно
этот беспомощный взгляд.*

Назначение искусства – избавить нас в царстве прекрасного от абстрагирования, облегчить нам сосредоточение нашего внимания.

...Ничего не может быть достойнее и приличнее простой природы. Грубость и беспорядок также далеки от неё, как высокопарность и вычурность – от всего возвышенного.

*Привычка эта, словно сеть,
но между «напевать» и «петь»
ясна граница,
и может, лучше не уметь,
чем научиться.*

С творчеством Ирины Рувинской я познакомилась, когда впервые увидела её стихотворения в альманахе «Огни столицы» 2007г. Иерусалим «Скопус». Поразило стилистическое единство опубликованной подборки.

*Покайся и тебя простят
смешная дурочка растяпа
и в сорок пять и в пятьдесят
пока есть папа
летит не вечное родство
а дочь в лицо такое бросит
она прощения не просит
и не прощает ничего.*

Стихи Ирины Рувинской несут на себе отпечаток своего времени, когда распалась связь времён. Она создаёт для своей действительности целый мир идей и чувств, применительно к ней и её движению («Навсегда»):

*...как от пронзительного звука
От вести что с тобой беда
Последняя разлука
Совсем и навсегда...*

И.Рувинская, болезненно перенёсшая удары судьбы, предстаёт со своими переживаниями, сильными ощущениями, от которых человек быстро

изнашивается, которые поднимаются из груды обломков. Это больше, чем отзвук – это мощный ответный гул.

Личность поэтессы настолько прочно запечатлевается в стихотворениях, что возможно установить автора по структуре и стилю, по неповторимому сцеплению слов. Уделяется внимание и роли подсознательных моментов в творчестве поэтессы.

Человека нельзя понять путём простого созерцания, нужно обнаружить внутреннее строение, запечатлеть в себе сокровенное, то, на чем покоится все остальное. Только тогда удаётся действительно увидеть и воспроизвести то, что живыми волнами движется перед нашими глазами как прекрасное и неделимое целое.

В её стихах развивается во всём богатстве оттенков целый ряд идей и мыслей.

Я смотрю на её произведения, как на альфу и амегу человеческой мудрости. Её стихи пронизаны эхом жизни. Кант говорил, что наслаждение, которое определяет суждение вкуса, свободно от всякого интереса, и что это есть суждение о красоте, к которому примешивается малейший интерес.

*На мысли, дышащие силой,
Как жемчуг нижутся слова.*

Михаил Лермонтов.

*Природу трудно изменить,
Но жизнь изменчива, как море.
Сегодня – радость, завтра – горе,
И то и дело рвётся нить.*

Лопе де Вега.

Живое дыхание слова

Передо мной книга Ирины Фрейдиной «Хочу это помнить». Она отличается от других произведений тем, что автор пишет не столько остриём пера, сколько остриём души. Там, где присутствует чувство, неизбежно возникает воля. «Хочу это помнить» – повесть. Обычно создание такого произведения направляется стремлением автора осмыслить свою жизнь как целое, заново связать и оценить прошедшее, выявить его смысл. Она написана в мемуарном русле, граничащем с исповедью. Книга достоверна, преисполнена отвращения к фальши. Она говорит нам: взвалим груз на плечи и отправимся в путь по дороге, освященной надеждой. Пусть ощутят люди возвышенный дух сопротивления неправде, несправедливости, отщепенству. Напоим жаждущего, возвестим благую весть, не впадая в поверхностный оптимизм, отдадим себя другим,

чтобы стать собою. И. Фрейдина преподносит нам что-то новое, оригинальное потому, что умеет говорить о вещах так, будто это никогда не было сказано до неё.

К вопросу о характерах. В сочинении «Хочу это помнить» выделяется автобиографический характер главной героини. Её рассуждения и действия приобретают большую энергию. Энергичное поведение и чистая совесть составляют то, что зовётся силой характера. У неё сильный характер.

Сюжетным стержнем повести являются временные отрезки на разных этапах жизни главной героини: это и военное время, и переезд в Омск из блокадного Ленинграда, детские и студенческие годы, получение специальности, любимая семья, дружба и неприязнь к некоторым людям, самоуважение и понимание своего места в этом мире.

В повести выведено большое число персонажей, в разной мере удавшихся автору. Они принадлежат к разным общественным слоям и создают правдивую картину жизни. Среди персонажей обращает на себя внимание: мама и сестра Элла, сын Григорий и дочь Алёна, подруги и пациенты, коллеги по работе и т.д.

Неповторимая тональность повести «Хочу это помнить» заключается в том, что сквозь извилистое психологическое движение проступает отчётливый аналитический чертёж. Авторский анализ (от лица рассказчицы) сгущается порой резко очерченными афоризмами. Иногда максимы врезаются в повествование как острей.

Смирненное величие – в этой формуле сосредоточено ясновидение мысли повести И. Фрейдиной. Это исповедь дочери века.

Слово нуждается в живом дыхании, - говорит доктор Ирина Фрейдина. Героиней повествования является она сама, обладая индивидуальностью, своеобразием, неповторимостью и вместе с тем обобщённостью всех этих черт, придающих ей универсальность.

У неё открывается своего рода второе зрение, потому, что она врач, занимающийся иридодиагностикой, позволяющей в любых положениях угадывать истинную причину заболевания по радужной оболочке глаза.

«Я стала смотреть её глаза и увидела там явное воспаление лёгких... Выяснилось, что больна она уже пару недель, страдает сильным кашлем, слабостью, потливостью, но температура невысокая... Пациентов в этот день у меня больше не было, кассиру я сказала, что больную я смотреть не стала, в этом нет необходимости. Поверить в это было не трудно, весь осмотр занял у меня минут пятнадцать, а иридодиагностика занимает не меньше часа. Я была рада, что бабуля эта сохранила свои деньги. Подошли к моему дому, жила я на четвёртом этаже без лифта. Я попросила мою больную подождать внизу, и через пару минут вынесла ей необходимые препараты... Прошло недели три-четыре, и в моей квартире раздался звонок. На пороге стояла моя пациентка... Я задала ей только один вопрос, как она ко мне попала,

откуда узнала о кабинете иридодиагностики. Она сказала, что соседка послала её в наш центр ко мне и сказала, что я обязательно ей помогу. Что за соседка, я не знаю, но было приятно это слушать, и ещё приятнее, что я не обманула её надежд».

Какая-то сила переносит её туда, где она должна быть. Что-то необычайное есть в самом складе её ума; в ней столько занимательности и обаяния, которые никогда не утомляет ни глаз, ни сердце.

Слово – строительный материал образа. Оно вбирает в себя весь опыт человека и становится формой мышления. Сочинительница насытила слово ассоциативным видением мира и подготовила к художественному отражению жизни. Слово И. Фрейдиной гибко, подвижно, изменчиво. Оно трепещет в руке автора, как только что пойманная рыба. У И. Фрейдиной слово – пластичный материал. Её мемуары находятся на границе литературы с историей, включают в себе философию жизни героини. Её мысль выражена художественно, в реальном переплетении и взаимодействии различных свойств и особенностей. Каждая фраза является как бы единственно возможной, в ней ничего нельзя изменить без ущерба для выразительности и смысла произведения.

Импульсы вдохновения способствовали «выбросу» накопленного жизненного опыта, а вдохновение рождало творческую энергию. В этом состоянии достигалось оптимальное сочетание интуитивного и созидательного начал в творческом процессе.

Потребность творческой индивидуальности в исповеди, желание поделиться глубокими переживаниями и яркими впечатлениями – настойчивое веление души автора. Благодаря воображению в сознании И. Фрейдиной возникают живые картины: лица не дают покоя, позируют в сценах, она слышит их разговоры – и это всё носится в воздухе возле неё и ей только надо смотреть, вдумываться и писать.

...Секрет красоты – секрет жизни. Изнуренный смертельной болезнью Генрих Гейне вышел в один из весенних дней 1848 года на сияющие солнцем и обрамлённые зелёной листвой улицы Парижа. Преодолевая слабость, он добрался до Лувра и остановился перед мраморной статуей Венеры Милосской. Прощаться с жизнью поэт шёл в сокровищницу искусства. Расставаться с жизнью для него значило расставаться с красотой.

И. Фрейдина способна управлять своим настроением, убавляя сомнения и тревоги, уверено и спокойно владеть собой. Ни на миг не теряет бдительности! – Знает, что и где сказать. Книга «Хочу это помнить» – не обычная биография, а документально-художественное произведение. День за днём описывает И. Фрейдина события из своей жизни, завершившиеся, в конце концов, приездом в Израиль, в святую землю предков.

Образы персонажей сложны и противоречивы, возвышены и обнажены; причудливо переплетаются романтика и проза, самопожертвование и эгоизм,

великое бескорыстие и тщеславие. Писательница необычайно красноречива.

Время и место, благодаря взаимодействию «потока сознания», обретают в повести характер реальности; прошлое перемежается с настоящим, образуя целостную картину житейских переживаний героини на протяжении всей её жизни.

Следует отметить, что в этой книге проявилась удивительная способность автора органично сочетать прошлое и нынешнее, разные временные пласты.

В своей работе И. Фрейдина опирается на ту часть действительности, которая находилась в её поле зрения, на собственные непосредственные впечатления и воспоминания. Чувство человечности пронизывает всё произведение. В книге показано, как непросто складываются отношения между близкими людьми, сколько требуется мудрости и доброты для взаимного счастья и как важны в повседневной жизни терпимость, деликатность, сердечность, отзывчивость. Она владеет секретом динамичного развития действия, выпукло очерчивает свои образы, умело строит диалог, всегда с глубоким подводным течением мысли. И. Фрейдина сумела найти форму для выражения самых существенных явлений описываемого времени, проявляя романтический интерес к личности. Логика развития типических ситуаций и образов повести соответствует жизненной правде, логике самой жизни.

Давно я не читала такой хорошей повести, дающей такой злободневный урок, как эта книга. Автор подчёркивает большую нравственную силу

простых людей труда. Правдивое и осмысленное освещение тем и проблем, выдвигаемых жизнью, сочетается у И. Фрейдиной с искусством создания образов, выраженных характерных черт действительности. Воссоздавая духовный мир своих героев, проводя их через тяжкие раздумья, И. Фрейдина отталкивается от сложной и противоречивой действительности. Она решает проблему положительного героя нашего времени.

*Дела переносить на завтра неумно
Что завтра может быть, нам ведать не дано.*

Фирдоуси

*Сегодня, не имеющее вчера,
не имеет завтра.*

Марина Цветаева.

Скрытые рудники души

Что такое художественное познание? Мы знакомимся как с внешними, так и с внутренними чертами человека. Нам показалось, что мы уже определили, какой у него характер, ум, темперамент... Его образ жизни, его слабости, его привычки нам известны. Мы можем перечислить все его достоинства и недостатки. Соединив вместе всё, что мы знаем о нём, мы обнаружили, что всё-таки мы этого человека не знаем, что его душа для нас потёмки. Мы знаем не его, а о нём. И наш отрицательный результат получился потому, что наш метод в данном случае не был художественным. Мы анализировали человека, психологически анатомировали его. И мы узнали эти части. Но ведь человек не сумма своих частей, а их психологический синтез. Этот синтез нельзя получить простым суммированием душевных элементов – его нужно создать, для него требуются приёмы художественного мышления. Нужно взглянуть на человека, когда он огорчён, обрадован,

рассержен, тронут, счастлив, несчастлив, понять его в данном положении. Среди данных обстоятельств его жизни! И тогда душа его начнёт раскрываться нам в её существенных чертах. Это и есть художественное познание.

Ирина Фрейдина – индивидуальность. Она хочет художественно понять человека, пережить хотя бы некоторые важнейшие моменты его душевного проявления, когда его душа раскрывается и доступна сочувственному пониманию. И. Фрейдина – это такой ум и натура, которым незачем переживать чужие радости и скорби, чтобы интимно понять человека. Она входит в его положение и разгадывает его душу силой симпатического воображения.

Психология художественно-творческого процесса подсказывает нам, что между художественным творчеством и нашим обыденным, житейским мышлением существует тесное психологическое сродство: основы первого даны в художественных элементах второго. И. Фрейдина показала, что она умеет силами своего воображения воссоздать художественные образы.

Перо для мышления – всё равно, что палка для ходьбы. Но как для самой лёгкой походки не требуется палка, так и самое совершенное мышление не происходит без пера.

Отличие настоящего образа от обыденного состоит в том, что первый, оставаясь индивидуальным, в то же время типичен; между тем как второй по преимуществу индивидуален, и в нём черты типические заложены иными, нередко

случайными или совсем не характерными. Автор выполняет задачу очистки обыденных образов от случайных, усиливает в них черты типические. Производя эту работу, он обобщает действительность; он добирается до типов, и в этих образах-типах действительно находит своё истолкование.

Любимым изречением Сократа была надпись на дельфийском храме: *«Познай себя самого»*. Иногда он замолкал посреди разговора, переставал двигаться, ничего не видел и не слышал – погружался в себя. Когда потом его спрашивали, что с ним, он отвечал: *«Слушал внутренний голос»*.

Ей, свидетельнице своего времени, нужно дать знать о себе. Она не хочет остаться одной в джунглях невысказанного. Прошрое, хранящееся в её памяти, есть часть настоящего. Она ощущает свою связь с прошлым и может на него опереться.

Приятные воспоминания о врачебной практике, умение убеждать пациента всегда были значительными и весомыми. Невольно мне на ум пришли слова Франсуа де Ларошфуко: *«С судьбой следует обходиться как со здоровьем: когда она нам благоприятствует – наслаждаться ею, а когда начинает капризничать – терпеливо выжидать, не прибегая без особой необходимости к сильно действующим средствам»*.

Книга И. Фрейдиной производит впечатление полного погружения в реальность. Это эффект постфактум. Течение её прозы отличается богатством и разнообразием, оно то омывает нас тёплой волной

близкого и знакомого, то ошеломляет шоком далёкого и загадочного. Реальное даёт нам представление о вещах, которые мы не можем раньше или позже не узнать на собственном опыте. Существует тесная связь между темой произведения и отпечатком искренне пережитого опыта, оставшимся на сознании автора.

... У И. Фрейдиной есть особый, исключительно собственный взгляд на вещи, некая мера, которой она мерит всё, что попадает в поле её зрения. Руководствуясь этим, она создаёт характеры и делает те или иные обобщения. Благодаря этому её произведение выглядит здоровым, правдивым, свежим, открывающим то новое, что полезно услышать и узнать читателям. Это её собственные, а не перетасованные, давным-давно пережёванные и уже известные миру истины.

Философские мысли, словно звёзды, не дают света, потому что слишком возвышены. Такая рабочая философия даёт И. Фрейдиной возможность вкладывать в свой труд не только себя, но и то, что ею рассмотрено и оценено, преломлено через её «я».

«Понятия – материал философии, но лишь в том смысле, в каком мрамор является материалом скульптора: философия должна строиться не из понятий, а в понятиях, т.е. складывать в них результаты, а не исходить из них как из данных» - отмечал Артур Шопенгауэр. Философия не что иное, как самоанализ, потому что глубина понимания всего главного измеряется вглубь нашего Я.

Память преподносит нам уроки мудрости, заставляя воскресить прошлое, чтоб понять настоящее, побуждая действовать, а не рассуждать.

И. Фрейдина научилась с пониманием всматриваться в лицо жизни, готовая к любым ударам судьбы и не удивляется ничему происходящему. Для книги «Хочу это помнить» характерны раздумья о жизни.

Гораций говорил, что счастье заключается в достижении душевного покоя, а для этого нужно оставаться невозмутимым в любой ситуации, не гнаться за жизненными благами (богатством, властью, почестями), не завидовать другим, довольствоваться тем, что имеешь.

Книга звучит совсем не утешительно. Бессильно повисли щупальцы советского спрута. Доктор Ирина пишет историю одной своей пациентки:

«Я оказалась самым близким ей человеком, и только мне она могла доверить свою тайну. В пору её молодости, когда она жила с родителями после исчезновения мужа, к ним пришёл сосед, работник милиции и предупредил, что среднему брату грозит беда, завтра его должны арестовать, поэтому сегодня ему нужно исчезнуть. С соседом их связывала давняя дружба, и они ему доверяли. Родители немедленно собрали сына, отдали ему все деньги, и он скрылся. Сосед не обманул, рано утром пришли арестовывать парня. Чаще после таких арестов люди не возвращались. Ита Ароновна и её младший брат, думали, что их брат давно ушёл из жизни, ведь будь он жив, он бы их нашёл. И вдруг

она получает от него письмо. Письмо было из Израиля от пропавшего брата. Сомневался он в том, что письмо дойдёт до адресата. Оказывается, всю жизнь он писал эти письма, но так как не получал ответа, понимал, что цензура их перехватывает. Но надежда не угасала... Когда он убежал из дома, он решил бежать в Израиль. Он описывал свои скитания, которые продолжались два года, пока он добрался до Польши. А уже из Польши он держал курс на Израиль... Писал он, что у него большая семья, жена, дети, внуки, правнуки, большой красивый дом.... Сейчас этот рассказ кажется мне сказкой. Ни писать, ни позвонить московскому брату Ита Ароновна не могла, боялась. Она поехала в Москву к младшему брату, который был очень счастлив этому известию, и сразу начал просить разрешение на встречу с израильским братом».

Репатрианты заново открывают для себя «Спрута» и, читая эту книгу, задаются вопросом, почему общество устроено так, а не иначе. Сочинительница передаёт драматизм жизни. Мы встречаемся со стремлением нравиться, делать свой тон приятным и волнующим, удерживать внимание читателей.

Обычно когда тему исчерпывают полностью, немедленно создаётся впечатление пустоты. Углубить свою тему – значит выбить дно из своей бочки. Так не скажешь о повести И. Фрейдиной. В ней заложено ещё многое невысказанное автором. Это ощущается в подтексте прочитанного нами произведения.

«Жизнь как страсть! Так и живу» - заявляет автор.

Ждём новых книг И. Фрейдиной. Она создала правдивое полотно современной жизни, раскрыв нам скрытые родники своей души. Это - поза человека, который смеётся, чтобы не плакать.

*Искусство – это работа мысли,
ищущей понимания мира и делающей
этот мир понятным; это
отражение сердца художника
во всех предметах, которых он касается.*
О. Роден, французский художник.

Эссе о сущности феномена человеческой личности

Вышел в свет новый поэтический сборник Леонида Дынкина из Ашкелона «Странник» (Библиотека альманаха «Юг», 2011; издательство «Илекниф»). Для дилетанта в этой книге ничего нет, надобно быть хорошо знакомым с поэтом, чтобы найти там нечто интересное, но я многое из неё почерпнула. Только индивидуум интересен или всё индивидуальное. Поэзия растворяет чужое бытие в своём собственном. Я почувствовала единство душевного настроения. Истинный поэт вездесущ, он вселенное в малом преломлении. Произведения Л.Дынкина служит подлинному выражению личности. Человек есть источник аналогий для вселенной. Никак поэт не должен быть эгоистом. Сам себя он должен рассматривать как явление. Чем больше человек знает о своём духе, тем больше знает он о поэзии; её история не что иное, как история духа, от первых откровений и веры в чудеса в детстве, прекрасных ожиданий юности со всеми её заблуждениями, снами и видениями. Кто измерит работу духа на его невидимом поле?

Поэт задаётся вопросом, как «самобытную восполнить красоту, ту, что единством» в нас опустошалась? И если «не отлучить язык от блуда речевого, то как тогда живое слово от неживого отличить?»

«Друзья мои, устал я от иллюзий». Поэт обрушивается на тех, кто «рядом и вокруг – с таким ортодоксальным дилетантством!» Его «душа болеет противостоянием».

*«Можно ль уйти от напора зла,
встав на колени?»* - задаётся сакраментальным вопросом поэт.

Как «одушевить немую речь»?

*Шо, что было родным – изъято.
Стилизованный суррогат
от восхода и до заката –
оптом, в розницу, напрокат.*

Поэт просит «прощенье Булата за предавший его Арбат» («У памятника Булату Окуджаве»).

И всё написано удивительным русским языком, в котором живо (даже свежо) ощутима трагедия (стихотворение Цветок «Шоа»).

*А в мире обезличен
язык душевных переключек –
единственный авторитет».*

*Но в этой мгле – так ярко, дерзко,
Зажигалась, как свет на маяках
в обетованных небесах*

*Звезда планеты иудейской.
Теперь в уклад её житейский,
Непостижимый, как Восток,
и мой пробился фитилёк,
рождённый от свечи библейской.*

Л. Дынкин не заботится об интересе, поэтому он так прост и наивен в своей искусности. Он стремится соединить поэзию и жизнь, хотя и сознавая при этом их дисгармонию. Он исследует себя, он научается чувствовать своё возвышенное, но скрытое предназначение. И в его душе рождается свет, который распространяется на внешний мир и проясняет его. Поэт доверяет свои мысли и чувства стихам. Его творческий дух постоянно вызывает новые и меняющиеся явления. Он живёт более внутренне, чем внешне. Его природа лежит наполовину в облаках.

Лишь душе романтика доступно романтическое. Л. Дынкин – душа, умеющая глубоко чувствовать; у него живой, восприимчивый ум.

Встреча с израильской поэтессой Еленой Аксельрод оживляет устойчивый дынкинский мотив «переклички»:

*... Там не богемой воздух полон,
... И голос этот и страницы
добра исполненных стихов –
родник, где можно утолиться,
напившись благодатью слов.*

Л. Дынкин - романтик. Его романтика выражается в определённой настроенности, в стремлении к некоему идеалу, отличающемуся от окружающих её реальных условий, в стремлении к таинственной бесконечности, в порыве к новому, в отрицании статичности повседневного бытия. Его одолевает мечта об идеале прекрасного, о гармонии нравственно-эстетической. Его стихи – это не что иное, как внутренний мир души человека, сохранённая жизнь сердца. Та таинственная почва души и сердца, откуда поднимаются стремления к лучшему и возвышенному. Для поэзии Л. Дынкина характерны глубокие философские искания, противостояния скептицизму, рационализму, холодной рассудочности. Весь он в атмосфере духовного бытия, в предвидении торжества идеалов гармонии во всём человеческом обществе. В его творчестве личности отводится первенствующее место. Тема его поэзии – познание и раскрытие сущности феномена человеческой личности. Поэт верит в её безграничные возможности, в её суверенные права на реализацию этих возможностей. В то же время порою это стремление ослабляется романтической иронией. В этой связи возникает вопрос об индивидуализме как нравственно-этической категории в сознании Л. Дынкина, когда поэт уходит в мир собственных рефлексов. Поэта влекут всё новые горизонты, так что пусть его муза мчится ввысь!

В лирической поэзии автор говорит от своего лица; он не перевоплощается в какого-нибудь

персонажа, а в самом себе находит различные волнующие его переживания. Л. Дынкин проявил себя как лирический поэт. Чтобы понять подлинное величие лирической поэзии, нужно вознестись мечтой в небесные сферы и воспринять всю вселенную как символ духовной жизни. Лирическая поэзия ни в чём не ограничена ни временными, ни пространственными рамками и странами; она продлевает то высокое мгновение, в течение которого человек поднимается над радостями и горестями жизни.

...Есть люди, обнаруживающие скрытые под землёй источники по возникающему у них нервному возбуждению. Л. Дынкин воспринимает природу не только как поэт, но как брат, и можно сказать, что родственные узы связывают его с воздухом, водой, цветами, деревьями – со всей изначальной красотой творения. Душа природы является нам отовсюду. Плодородная равнина и заброшенные пустыни, море и звёзды подчинены одним и тем же законам, а человек заключает в себе ощущения, тайные возможности. Которые связывают его с днём, с ночью, с бурей: именно этот тайный союз нашей души с чудесами явлениями вселенной и сообщает поэзии подлинное её величие. Поэт умеет восстановить единство мира физического с миром духовным: его воображение связывает одно с другим. Слово Л. Дынкина полно магии и силы излучения, полно звука, полно изобилия; «голос» поэта – поистине бельканто, свободное владение всеми потенциальными «регистрами» текстов его

стихов, лёгкостью и красотой их звука. Речевой этикет автора сказался в том, что эмоционально-экспрессивная окраска повествования придаёт речи непринуждённый разговорный характер; в его звуковой палитре преобладают умиротворённые интонации – человеческая жизнь в размеренном слове – гармония метра и ритма. Разнообразие ритмов освежает слуховое восприятие. Речь Л. Дынкина льётся свободно – она серьёзна, ярка и сильна. Его поэтика в своей основе нормативна и рациолистична.

Л. Дынкин относится к тем редким одиночкам, которые познали относительность всех распространенных установок и «открыты» по отношению к сложному миру. Они способны жить в некоей «высшей реальности», в которой сняты противоречия и которая делает возможным так называемое «магическое» восприятие действительности.

Голос души, или Жизнь в перевёрнутом мире

... «Лучше бы родиться в каменном веке! С дельфинами бы высадился на острове, захватил власть... Хотел выпустить в море любимцев – возвращаются в привычную несвободу!» - так начинается рассказ «Улыбка дельфина» Ефима Баевера, присланный редакции в рукописи. Герои представлены как Орг и Ник. Морская раковина невиданных размеров, заполненная водой. Тело Ника покоится на глубине. Многие часы проводил Орг у своего дельфинария. О чём думает Орг? Он думает о том, что женщин большинство и среди них есть занятые в передовых технологиях и производстве. Возникает опасность их объединения и использования технологии в противостоянии мужчинам. Между тем когда уровень безработицы становится высоким, приходит волна открытий «Домов тихой радости», где мужчины обслуживают женщин. Этот бизнес пошёл в гору, как горячие пирожки. Наконец, стихли яростные столкновения женщин. Опустели театры и парки развлечений. Рушились связи в обществе. Задавался вопрос: «Как остановить ярость женщин?!». Как будет выглядеть картина мира? – задумался Ник с улыбкой дельфина. Ответ таков: «Только в лесах можно будет встретить сохранившиеся человеческие оазисы. «А мы где?» - спрашивает самого себя Ник с улыбкой дельфина. «А нас не было!» - это подсказала ему его ещё нетронутая космосом интуиция. Озлобленность и

жестокость в мире людей нарастали. Мужчины проигрывали женщин вместе с бизнесом. Такова была ответная месть мужчин за потерю зыбких основ цивилизации.

Встреча Орга и Ника казалась прощальной. Человечество уже готово к гибели. Первым знаком был квадрат Малевича.

Впрочем, солнце ещё всходило вовремя. Однако ресурс мозга Орга уже окончательно исчерпан. Орг донашивает плоть в первобытных условиях. Он исключает прошлую жизнь и переселяется в лес.

В места, где проживал Орг среди скал и кустарников высадилось два «сановника». Они поинтересовались: не устал ли Орг от жизни в шалаше и в спальном мешке? Они высадились с программой замещения жизненно важных органов и обещают Оргу в случае его согласия восстановить ему активную жизненную энергию. Нужно, оказывается, подвергнуть его органы глубокой заморозке или замедлить процессы жизни *«до окончательного решения»*. Между тем ультразвуковые волны разгоняли всю живность, в одночасье гибло всё живое. Орга отравляла мысль, что в случае провала проекта или сбоя он будет погребён в этой «программе лечения». Однако в радости от успехов науки Орг не заметил, что сам стал жить как бесполое животное. Но стоический Орг познал «дьявольский ход» врачавателя, который в итоге добился окончательного исчезновения понятия «семья и род».

Неожиданно Орг встречается с Ником, который пояснил своему другу, что природа оказалась не на стороне людей. Однако, предположил Орг, возможно настанут другие времена. Дескать, не опустят же меня до безмозглой твари! Могу ещё понадобится. Возможно увижу и другие времена – неожиданно для себя решил Орг. Реакцией на это наивное предположение явился на крыше его жилища неоновый силуэт улыбающегося дельфина... Завершается рассказ таким «эпилогом»: Орг не знал, что его судьба решена: гибель Ника предопределяет гибель самого Орга. «Настоящее решение **Будущего** всегда за Космосом» - таковы последние слова в рассказе (сюжетная канва произведения изложена по преимуществу словами и фразеологическими оборотами автора рассказа).

... Конечно, это **рассказ-предупреждение**. Чувство, им возбуждаемое, представляет большую ценность, чем любая мысль, которая в нем выражена. И всё же это голос души. Человеку следует научиться распознавать и ловить проблески света, озаряющие его душу изнутри. Они учат нас без самонадеянного упорства, но непреклонно инстинктивно держаться сложившегося у нас впечатления – и особенно в тех случаях, когда хором твердят нечто прямо противоположное. Лишь самому **человеку дано узнать**, на что он способен, а это не прояснится, пока он не испытает себя. И станем мы не нищими духом, не калеками, как Ник, забившимися в защищенный от ветров уголок, не трусами, панически страшящимися потрясений.

Какие замечательные примеры являет нам в этом отношении природа. Кто жаждет стать человеком, должен обладать самостоятельностью духа. Мне стыдно думать о том, с какой лёгкостью капитулируем мы перед трудностями, невзгодами, катастрофами. От себя добавлю: я хочу не извиняться за то, что живу, а жить, чтобы я жила, как велит душа.

Мы слывём тем, что мы есть. Устремления нашей воли бессильны перед действием человеческой природы. Но возможно так сочетать самые разнообразные действия, что каждое из них окажется в свою минуту и естественным, и правильным. Проникнутые единой волей действия, сколь бы противоречивыми они ни казались, на деле будут гармоничными. Даже самый лучший корабль плывёт к месту назначения не по прямой, а кружит и петляет в океане. Но взгляните на его маршрут со стороны, и вы увидите эту прямую, это упорно пробивающееся стремление к цели.

Рассказ хорошо передаёт сложные перипетии состояния современного человека вообще. Обогащает только жизнь, а не пережитое. Природа не терпит в своём царстве ни одного создания, неспособного постоять за себя. Дерево, согнувшееся под напором ветра и медленно затем поднимающееся, запасы жизни, которыми наделены всякое растение и животное – всё это проявления самостоятельной, верящей себе души. Так всё сводится к одному – не стоит далеко искать, останемся дома и выполним своё назначение.

Таковы размышления, которые породил рассказ «Улыбка дельфина». Дельфин, глядя на нас, снисходительно улыбался: какое странное существо этот «человек»? Какое убожество называть его *Homo sapiens*?!

* * *

Необычайность, фантастических событий и поступков своеобразный фольклорный зачин, внимание к вещественной детали, обыгрывание человеческих галлюцинаций. Вместе с тем писатель обогащает своё повествование стилистическими приёмами. Главное же заключается в умении выбрать красноречивый факт и поднять его на уровень художественного обобщения. Читатель живо представляет себе предшествующую эволюцию героя, поскольку она, эволюция является логической кульминацией. Психологическая глубина, а также многозначный напряжённый подтекст тоже составляют важное художественное качество произведения Е. Баевера.

Рассказ написан неровно, в нём много длинот.

Повествование ведётся от лица автора. Это определяет тональность всех его сцен – писатель является главным героем, рассказчиком и, видимо, автором одновременно. Но мы всё же не можем назвать рассказ дневнековыми записками Е. Баевера. Главный персонаж и оказывается самым интересным для читателя, так как процесс его внутренней жизни разработан детально и убедительно.

Жизнелюбивая поэзия Мирона Кедема

Черты духовного облика Мирона Кедема («Паруса», 2011, стр. 177-179) вырисовываются из его произведений как скульптора по дереву. Это человек, которого не могли сломить невзгоды и опьянить успехи; он спокойно соизмеряет свои поступки, никогда не возвращается вспять, не падает духом, смягчает суровость действий теплотой сердца. Таково впечатление после прочтения его немногочисленных стихов-раздумий. Цикл стихотворений и иллюстраций к ним завершается «Песней паломника».

*Окончен путь, и позади дорога.
Пыль на ресницах
Иерусалим.*

*Вид куполов твоих как пальцы Бога.
Его десница –
Иерусалим.*

*Где твой предел и где твоё начало,
извечный город
Иерусалим?*

*Где мудрость мира, полная печали?
Насыть мой голод,
Иерусалим!*

*Я проходил
сквозь воду и сквозь пламень,*

*храня как ношу,
Иерусалим.
И восхожу
на твой горячий камень,
очистив душу,
Иерусалим.*

(стр.179).

Великолепны поэтические описания времён года; для каждого из них М. Кедем находит звуки и краски, заимствованные у самой Природы. Его стихи не просто описательны, но несут подтекст, обладают «вторым планом». Образы его поэзии весомы, зримы, пластичны и одновременно прозрачны, наполнены внутренним светом. Говоря словами Анны Ахматовой, «всё перламутром и яшмой горит, но света источник таинственно скрыт». Он отворачивается от иррационального точно так же, как и от нарочитых красот стиля.

Сдержанный тон неизменно присутствует в его стихах. Жизнелюбивая тональность поэзии Кедема нисколько не мешает ему рисовать противоречия действительного. М. Кедем насыщает свои стихотворения подстрочным смыслом, вкладывая в созданные им образы обобщённо-философское содержание. Его любимая форма – лирическая миниатюра; стиль – своеобразен и индивидуален. Он создает такие стихи, которые кажутся, наполнены проще прозы. Метафоры у него отличаются графической точностью наполнения.

*Ангел огня
пролетел
над разбуженным городом,*

*скорбно трубя
над кусками разорванных
тел...*

(стр.177).

Мирон Кедем – поэт сложного семантического рисунка.

Одухотворение огня предвещает его конечное метафорическое значение. Движение стиха захватывает на своём пути душевные состояния в их индивидуализированных ракурсах, с тем, чтобы в последующих стихотворениях выйти в мир поэтических образов и раскрыть тему метафорой огня жизни («Иерусалим», «Пророк»...).

*Мы рассветов с тобой
не встречали,
стен твоих я теперь не разрушу.
Ты в своих лабиринтах печали
не найдёшь мою тихую душу.*

*Ты пройдёшь
мимо звёздного неба,
мимо шелеста трав под ногою,
мимо запаха тёплого хлеба,
мимо ветра вечерней порою.*

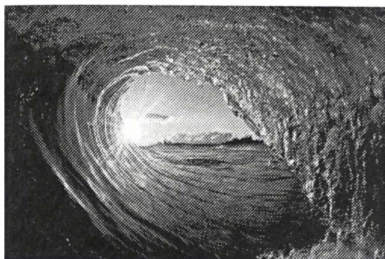
*Вся в тумане ушедшего лета,
ищешь выход из призрачной клетки.
Ходишь кругом, не видя ответа,
ухватившись за компас без стрелки.*

(«Пророк», стр.178-179).

Взрыв безмолвия, или Подданный иного Пространства и Времени

В

Книга «Семь мгновений» Генриха Грохольского вобрала себя стихи 1996-1998гг. Это первый сборник стихов, вышедший после его смерти в 2009 году.

В пределах своего внутреннего мира человеку нет нужды идти на компромисс с внешними препятствиями; человек рассчитывает свои силы и либо преодолевает эти препятствия, либо смиряется с ними. Автор решает полностью раскрыть себя другим. Разве правда чувств не убедит? С чувством доверия плывёт по жизни на всех парусах Генрих Грохольский. Когда есть сердце, слушаешь лишь его веления. Его стихи – это стон возвышенной души. Сегодня мы сомневаемся во всём и живём с меньшей надеждой. То, что происходит в душе лирического героя «Семи мгновений» заставляет встревожиться за судьбу человека.

Поэзия Г. Грохольского захватывает дух у читателя, но оставляет его неудовлетворенным. Образы рождаются, достигают зенита и уходят за горизонт так же естественно, как солнце, озарив читателя, перед тем как сокрыться в торжественном великолепии и опустить над ним сумерки.

Ещё просто росла трава,

*И не было глобальных планов.
Ещё не знала Земля,
что будут её пытаться,
Роя в ней котлованы...
И вырастет монстр в твердь,
чтобы забыть навсегда,
Что там, под ногами,
росла когда-то трава,
Кактусы, пальмы, агавы...*

Всё это «становится потом слоем веков,
пожухлой травой эпохи» (**«Раны Земли»**). Сколько
вложено камней в пирамиду Хеопса! Эта каменная
Химера заставляет лишь тенью удлинять своё
значение Солнцу («Тень тысячелетий»).

*Мы - звёздное небо,
Что опрокинулось чашей над нами...*

(«Догорающая свеча»).

Вот «тайна моего душевного покоя», -
напишет поэт в своём стихотворении «От лукавого».
И тогда понятно, почему «в центре жизненного круга
стоит бутылка» («От лукавого»).

Раздумья поэта разрастаются:

*Сколько лет слышу блеф –
еврей полюбил Германию,
Где больше не метят одежды жертв,
Звёздами гетто
в шестиконечной оправе,
И тень пистолета не целит
в затылок старикам и детям,
Когда толпу, как скот
гонят в чрево газовой смерти.
Но переживший геноцид*

да и рождённый после,
Всё равно несёт в себе
генное тавро Холокоста...

(«Раздумье об
эмиграции»).

Загаженную планету оставили двадцать первому
веку.

Куда ни глянь –
не видно людей,
Кругом только тени,
одни силуэты
... Один за другим
силуэты идут,
Идут рядом со мною,
А я, всё так же один.
Бреду среди тревог,
дрязг и козней,
Прячась в
собственной коже...
... «Ну, здравствуй, силуэт,
кто же ты, кто?»
... Как же вновь мне
стать человеком,
А не его тенью или силуэтом?..

(«Силуэты», с.106).

«Душа живёт, не дотянувшаяся к выси, в своём
недомыслии», - заключает поэт в другом
стихотворении «Крик птицы». Остаются лишь
«осколки, чтоб ненароком не убить и не ранить
взрывом безмолвия». И снова «замечаю только
шляпы, идущие поодиночке или с кем-то в паре, чьи

ноги шаркают по тротуарам...» («Чуть об экспрессионизме»).

Опять качу своё сердце,
Как колесо, по пыльной дороге,
И молю Душу пожить в моей плоти...

(«Шутка», с.155).

«Ну да, - заключает автор, - был я, существовал... и, к счастью, в живых остался, остался... Но что делать с собой мне дальше?» (с.181). «Шагать дружным рядом в никуда» - звучит ответ в стихотворении «Дорога в никуда».

Так «вымучивает из себя смысл жизни» Г. Грохольский, *«выискивая тех, кто мог бы непорочными устами предсказать судьбу, когда все вокруг только лгут, или кем-то оболганы сами»* («Бездна»). «Я существую без отражения в зеркале? Слившись с белой стеной» (там же). Шорохи ночей напоминают поэту, что он – ничей.

Генрих Грохольский из безжалостной России эмигрировал в отягчённую синдромом вины Германию. Расстояние огромное – от Благовещенска на Дальнем Востоке и Одессы до Бремена в Германии. «По этой причине, - замечает автор в послесловии, - я обречён иметь собственный мир, куда все свои ощущения, в том числе и географические, пытаюсь перевести в «поэтику внутреннего беспредела». Учёный, он мечтал «об организации на всём пространстве планеты искусственных «островов», прообразов нового технического и общественного устройства» - так сказано в предисловии к книге. - ...Главные её темы

– противоестественность войн, человеческие пороки и заблуждения, философские рассуждения о судьбе, смысле жизни... Он хочет, *«по локоть закатав рукава, дотянуться до зловонного дна и до блеска очистить Эпоху»*. Быть может, когда-нибудь наступит Новое время, когда будут созданы те самые «острова» во Вселенной, которые он спроектировал (мысль коллеги Г. Грохольского, выраженная в указанно предисловии к книге).

Генрих Грохольский замечателен своим философским складом ума. Меланхолическая поэзия ближе всякой другой к философии.

Воображение увлекает его за пределы земли; оно устремляется за облака, окаймляющие горизонт и словно образующие туманный переход от жизни к вечности. Поэта меньше занимают удовольствия, чем страдание. И его воображение от этого лишь богаче. Его влечёт к природе и уединению. Возвышенность ума, чувств и действо рождается из необходимости вырваться за пределы, ограждающие воображение. Глубокие раздумья сердца поэта заставляют нас почувствовать в нём мыслителя. В эпоху, в которую мы живём, меланхолия является подлинным источником вдохновения для таланта: кого не коснулось это чувство, не может рассчитывать на большое внимание как писатель; только этой ценой она покупается.

В лирической поэзии автор говорит от своего лица; он не перевоплощается в какого-нибудь персонажа, а в самом себе находит волнующие его переживания. Поэзия Г. Грохольского ни в чём не ограничена ни временными, ни пространственными рамками; она парит над веками и странами; она продлевает то высокое мгновение, в течение которого человек поднимается над горестями и случайными радостями жизни. Он ощущает себя существом одновременно творящим и сотворённым, которое должно умереть и не может перестать быть и чья трепещущая душа гордится собой и повергается ниц перед Природой. Звёздное небо, рощи, цветы и ручейки, лесная глушь, море едва могут передать то вечное и беспредельное, что переполняет душу поэта. Когда мы созерцаем звёздное небо, где крупницы света – это такие же вселенные, как наша, мысль теряется в бесконечности, душа рвётся к неизвестности, и мы чувствуем, что лишь за пределами земного бытия должна начаться подлинная жизнь. Чувствительный энтузиазм Г. Грохольского болезненно сотрясает его душу. Природа облекла бесконечное в различные символы, которые приближают его к нам: свет и тьма, буря и тишина, страдание и радость. Он и впрямь «подданный иного пространства». В самом деле: могут ли чувствовать природу те, кто лишён энтузиазма! Что бы ответило море и звёзды на обыденные запросы каждого? Но если душа взволнована, то с ней говорят облака, они позволяют вопрошать себя.

Это достоверно, так как невозможно *Непредубеждённое видение мира*

В 2012 году в Израиле вышел в свет новый роман члена Союза Писателей нашей страны Риммы Ульчиной "Береника, или Прыжок во времени". В предваряющих книгу строках её редактор известная журналистка Лариса Чайковская пишет: "Читатель знакомится с новорожденной девочкой по имени Береника, которую прокляла прекрасная иудейская принцесса, жившая две тысячи лет назад, стремящаяся завладеть её душой и сделать своей тайной пособницей и сообщницей. Пройдя через немыслимые испытания, выпавшие на долю красивой молоденькой хищницы, идущей по трупам, девушка соблазняет и совращает мужчин, безжалостно разбивая их сердца..."

В книге использованы имена иудейской принцессы Береники и римского царя Тита", - читаем редакционное уведомление к роману.

А вот авторское предисловие к роману: "Более двух тысяч лет назад жила прекрасная иудейская принцесса Береника, которой восхищался весь мир. Это была необыкновенно красивая, умная, образованная, честолюбивая и хитрая интриганка. Возможно, что какие-то трагические обстоятельства сыграли роковую роль в её жизни. И принцесса поклялась, что через огромное временное пространство её душа вместе с душами трёх верных пособниц-рабынь найдёт своё пристанище у новорождённой девочки по имени Береника, которая

родится в таком-то часу, такого то числа, месяца, года в определённом доме, на определённой улице в Иерусалиме только для того, чтобы доказать, что не судьба управляет человеком, а некий фатум, мистическим путём вселившийся в подсознание новорожденной, чтобы завладеть её душой и сделать символом зла..."

Не стану вторгаться в детали сюжета романа, читатель это сделает за меня, а поделюсь тем, какие размышления о сути творческого метода романистки они вызывают.

Безраздельно уйдя в область художественного, в царство искусства, Римма Ульчина полагает, что *"существует некая глобальная закономерность, управляющая пластами ушедших в небытие эпох, которые не исчезают, а через какой-то промежуток времени вновь материализуются, образуя новые субстанции, соответственно месту и времени"* – этими вещими словами закрывает свою книгу автор. Так рождалось писательское ощущение собственной личности. Всё увереннее удаётся Римме Ульчиной овладеть даром непосредственности. В ней развивается способность постигать, улавливать, соединять, давать имя. Инстинктивно она избегает всех чётких истолкований: чем они проще, тем глубже настоящая тайна. А то, что ей ведомо, становится всё более неизъяснимым. Нырнуть вглубь, уходя с поверхности. Римма Ульчина не устанавливает никаких ценностей, она просто извергает вызревшее, чтобы оно стало пищей для размышления – это и есть логическое следствие её

эгоцентричной жизни в искусстве. Настоящая её проблема – это познать своё назначение и провести жизнь в согласии со строго организованным ритмом космоса. Писательница выработала в себе способность без трепета мыслить такими понятиями, как космос и душа, овладев искусством постигать "духовное", но при этом избегая всяческих дефиниций, аргументов, доказательств. Но продвинуться вперёд возможно, лишь возвращаясь назад. У каждого человека своё назначение, и наш императив – это следовать своему назначению, приняв его, к чему бы это ни вело. Писательница подчиняется своей интуиции. Она верит в себя. Римма Ульчина открывается в своём стиле, в том языке, который она создала для себя. Ей хочется, чтобы её слова свободно плыли, как плывёт, не ведая маршрутов, сам мир, в своём петляющем движении попадая на порой непредсказуемые широты и долготы, оказываясь в неизвестных условиях, сталкиваясь с изменениями, которых никто не исчисляет.

Некогда Римма Ульчина в частной беседе со мной сказала, что искусство-де только один из способов жизни, а жизнь щедрее, чем оно. И само по себе оно не является жизнью, превосходящей обычную жизнь. Искусство лишь указывает путь. Становясь целью, оно себя предаёт. Думаю – когда-нибудь всё искусство исчезнет. Но писатель останется, а жизнь будет не "областью искусства", но самим искусством, навсегда заместив собой то, что к искусству относится. Между тем искусство выводит

нас к этой главной дороге. Кто-то сочтёт эти рассуждения мистификацией, но я в этом действительно убеждена".

Вероятно, поэтому Римма Ульчина в рецензируемом романе стремится к деформации, когда конечный результат окажется вымыслом, вплетённым в самую ткань жизни. Это отнюдь не фокус, не трюк. Этот опыт писательница переживает. Перед нами нарочитая "фальсификация", но ведь суть искусства и состоит в такого рода лжи, в том, что оно создаёт подвижную, метафорическую маску, которая выражает истину. Римма Ульчина пишет, словно подталкиваемая в спину попутным ветром.

...Приступая к чтению тонко психологического романа "Береника, или Прыжок во времени" мы ещё не знаем в точности, каких нам ждать событий, но в сердце нашем уже отклонилась стрелка сейсмографа. На смену лиризму и драматизму приходит трагедийное восприятие жизни. Это движение от ясности, от призрачности чуть подкрашенного рисунка к масляной пастозной живописи, от гомофонии к полифонии. И как всё отдалено, как всё метафизировано! Всему придан демонический облик.

"Который час? – спросили Мандельштама. А он ответил любопытным: **"Вечность"**.

...Римма Ульчина старается как можно непосредственнее видеть мир и перевоплощать его в роман. И этот свежий и непосредственный взгляд на мир – основное её дарование. Она "награждена каким-то вечным детством". Речь идёт о детски-

непосредственном и непредубеждённом видении мира.

Так становится ясной направленность творчества Р. Ульчиной – ведь, как раз вопреки марксизму, чаще всего последующее объясняет и проясняет предыдущее, а не наоборот.

Р. Ульчина вкладывает в своё произведение, словно повинувшись инстинкту, некую бесконечность. Эмпирический опыт даёт ей возможность представить себе элементы мира. Впрочем, создаётся очередная мифология. Мистический опыт автора указывает человеку путь к самому себе. В нём заложена и другая возможность: стать для человека самооткровением абсолютного. Вот так, сочетанием детски-непосредственного и непредубеждённого видения мира и захватывает нас Р. Ульчина, уже успевшая выпустить в свет несколько книг, среди которых положительную оценку критики получил "Мистический роман".

А есть ведь люди целеустремлённые, но не способны они к Геркулесову подвигу: поднять на свои плечи всю тяжесть прошлого – и не расплющиться под нею, а сделать хотя бы шаг вперёд. Одухотворение всего сущего идёт через слово, иначе идти оно не может.

В центре произведений Р. Ульчиной – тема человека, проблемы жизни и смерти, добра и зла, добродетелей и пороков, свободы и ответственности. Обращение писательницы к этим темам и проблемам – попытка понять себя и своё время. И мы, читатели двадцать первого века, не исключение. Книга

"Береника, или Прыжок во времени" увлекает, озадачивает и заставляет задуматься. А без этого нет ни человека, ни философии. Я настойчиво спросила у Р. Ульчиной, что она думает о своём романе. Ответ был таков: "Неверно говорить: "я думаю"; нужно сказать: "меня думают".

* * *

История, разрушая мифологию, непрерывно творит новые мифы о человеке, который подчиняется каламбурю Андрея Белого – "человек есть **чело века**". История, разрушая мифологию, непрерывно творит новые мифы, которые представляют в лицах (чело!) её основные идеи, выражают итог своего века и его напутствие веку грядущему. Даже в малых мифах выступает целостность **чела**, из которого нельзя убрать ни единой чёрточки. Мифологическую идею нельзя выразить отвлечённо и в сотне трактатов.

Любой миф, как считает наука, есть попытка разрешить противоречия, примирить крайности, свести концы с концами.

При этом мифологическая значимость писателя не обязательно соответствует его литературным достоинствам.

Миф не любит лгать, не любит уклоняться от прямой стези правды. Миф очень чувствителен. Для мифа хорошо, когда ещё долго сохраняются живые "свидетели"-потомки. Тогда они (мифы) переходят в быль, а то и в легенду. Они становятся вечными символами. То, что реализовалось, становится

историей культуры. Миф – воздаяние за недожитое. Призрак выходит из ранней могилы и посещает своих потомков.

Для гармонии мало света, нужна и тень! Мало плюса – нужен и минус; мало добра и красоты – нужны для контраста и зло. Ведь без этого не было бы движения, пестроты бытия, изменения, жизни. Без чёрта не было бы культуры.

В романе "Береника" создана вселенская любовь. Автор умеет облечь в простые слова невыразимую сложность человеческих чувств. Всё необъяснимо и загадочно, как сама жизнь.

...Только что я одолела последнюю, 407-ю страницу книги. Оглянулась – а в комнате на экране телевизора целовались мужчина и женщина. Оба красивые, как полагается актёрам. Рука женщины, судорожно прильнувшая к затылку мужчины, казалось ошалевшей от нежности. Мужчина осознаёт, как ему этого не хватает – до головокружения, до слёз. Он был наг и весь дрожал от переполнявшей его нежности. А на устах "квалифицированной любовницы" гуляла улыбка презрения. По какому праву пользуются словами любви, жестами любви, носят волнующую маску любви? А между тем на дворе начало третьего тысячелетия...

Пусть озаряет наши произведения свет нашего самоуважения.

Я выпила молоко и отправилась спать.

На этом ставлю точку. Нужно чувствовать, когда именно у читателя возникает вопрос, а не отвлекать его от книги.

...Интересно то значение, какое придаёт Р. Ульчина женской судьбе и женскому предназначению: женщины первые непосредственно ощущают наступление каких-то катаклизмов и перемен, и первые приходят к этому новому. И впрямь – роль женщин в истории вполне совпадает с их физиологическим назначением; **зачинать** новую жизнь женщины не могут, но они **вынашивают** её – и первые признают её. Эта мысль никакого отношения не имеет к материализму; материализм – философия недоучек. Я поняла, что Ветхий Завет – это записная тетрадь человечества. Я поняла, что таково всё вековечное. Я поняла, что история культуры есть цепь уравнений в образах, рождающих легенду, заложенную в основание традиции. Вот так непринуждённое видение мира и захватывает нас.

Наука много сделала для усовершенствования средств убийства; неужели духовные силы человечества не могут быть целенаправленны на достижение бессмертия и воскрешения?

Стихия романа – вселенская любовь от незапамятных времён иудейской принцессы Береники до её легендарной потомницы Береники наших дней. Чувство любви отнюдь не прикрыто завесой стыдливости. Эрот Р. Ульчиной "горько-сладкий", и она рисует более наслаждения, чем страдания – любовь без покровов, любовь, принимающая характер сладострастия, ярко

выраженной чувственности. Книга изображает, как сказали бы ныне, секс в обольстительной оболочке грациозности, сладострастия – в формах самых привлекательных. Литература идёт рука об руку с жизнью и является её выразительницей.

Заметим, что любовь к женщине в возвышенном смысле этого слова была почти неизвестна в древности. Любовь духовная почти чужда классическому миру. Лишь религия облагородила любовь мужчины к женщине. Разумеется, сердца древних были способны к нежным чувствам и так же трепетали от страсти и томления, как и сердца иудеев и христиан. Во всяком случае, любовь духовная в дохристианские времена принадлежала к числу исключения ещё в большей степени, чем теперь.

Страсть элементарного свойства отнюдь не дело сердца. Но её изображение драгоценно с литературной точки зрения, потому что она реальна.

Диалогические эпизоды – их в романе половодье – заметно мешают монологическим изъяснениям – времени размышления героев и героинь. Безостановочные диалоги явно съедают пространство и время, отведённое для объяснения философской логики произведения. Быть может, поэтому читателю самому приходится уговаривать себя, что писательница, конечно же, не рассматривает любовь исключительно с точки зрения полового влечения. И впрямь, даже эпизоды, возбуждающие в нас физическое волнение, облечены в известного рода грацию. Писательница любит жизнь, она видит в ней счастье и ухаживает за ней,

как за нежным цветком. Дескать, пользуйтесь, люди, вашей юностью, молодостью, пока она ещё не ушла. Живите! Мы никогда не вернём своей молодости. Чем-то бодрящим веет от книги Р. Ульчиной. Писателю быть посредственным не позволят ни люди, ни боги, ни книжные полки, - говорили древние римляне. Повторю: "Я думаю... меня думают, - сказала мне Римма, даруя свою книгу о Беренике.

Самые древние предания о происхождении рода человеческого принадлежат иудеям. Соединившись в отдельное государство, они жили в западной Азии и гораздо ранее греков обладали вполне сложившимся государственным устройством. В числе священных книг евреи имели собрание преданий об истории народа израильского со времени поселения его в Ханаане.

Первоисточниками для романа "Береника" Р. Ульчиной, вероятно, стали сочинение Иосифа Флавия "Иудейская война" – первый в истории российской словесности перевод с древнегреческого языка; перевод Я. Л. Чертока, впервые опубликованный в 1900 году и переизданный в 1991 году – и, главным образом книга Лиона Фейхтвангера "Иудейская война" (1932). Центральная проблема исторического романа Л. Фейхтвангера – проблема личности. Произведение побуждает к размышлениям над загадками человеческой природы и человеческой истории.

В "Иудейской войне" Л. Фейхтвангера переплетаются общественная и личная темы:

героическое восстание иудейского народа против римских завоевателей и судьба знаменитого историка древности Иосифа Флавия, по взглядам опередившего своё время. Вначале Иосиф был патриотом Иудеи, участвовал в восстании против Рима, потом перешёл на сторону Рима (он увидел в римской культуре более светлое начало). Первоначально Л. Фейхтвангер задумал дилогию от Иосифа Флавия, но в годы эмиграции план разросся: второй том трилогии – "Сыновья" (1935), третий – "Последний день придёт". "Прославленная земля" (1942). Общее заглавие трилогии – "Иосиф".

Справка из книги "Иудейская война" Иосифа Флавия

Береника – супруга своего дяди Ирода, царя Халкидии, родила двух сыновей. Находилась в Иерусалиме во время резни, учинённой Флором, зывала к его милосердию, но он не послушал её, и она находилась в опасности. Береника принесла жертву в Храме. Стояла вместе со своим братом, выступавшим с речью перед народом.

Ниже приводится несколько фрагментов из романа Фейхтвангера "Иудейская война" для пущей убедительности читателя. Фрагменты цитируются по роману Л. Фейхтвангера "Иудейская война", книга третья, стр. 182-244 – Кесария. Собрание сочинений Л. Фейхтвангера, том седьмой. Издательство "Художественная литература", Москва, 1965.

"...Принцесса Береника, дочь первого и сестра второго царя Агриппы, оторвалась от своих размышлений в пустыне, возвратилась в Иудею.

Страстно отдающаяся каждому чувству, она почти физически переживала оккупацию галилейских городов и бежала в южную пустыню. Её лихорадило, она с отвращением отвергала пищу и питье, умерщвляла свою плоть, дала своим волосам свалиться, носила власяницу, царапавшую ей тело, подвергала себя ночному холоду и дневному зною. Так жила она недели, месяцы, в одиночестве, в неисцелимой подавленности.

Когда, однако, слухи о страшных событиях в Риме, о смерти Нерона и волнениях при Гальбе непонятным образом дошли и в пустыню, принцесса, с той же страстностью, с какой она бросилась в бездонное море покаяния, теперь отдалась политике. Всю жизнь она бросалась из одной крайности в другую: то она погружалась в Святое писание, бурно и требовательно ища бога, то вдруг устремляла все силы своего смелого и гибкого ума, все своё внимание на волнения в войсках империи и провинций.

...Задолго до приезда в Иудею она уже представляла себе вполне ясно, каковы те нити, которые тянулись с Востока на Запад, и каково распределение власти в государстве, выработала ряд планов, заняла определенную позицию. Приходилось сопоставлять и учитывать многие факторы: Рейнскую армию, Дунайскую армию, войско на Востоке; сенат, римских и провинциальных денежных тузов, степень власти и характеры губернаторов Англии, Галлии, Испании, Африки, руководящих чиновников в Греции, на

побережье Черного моря, личность жадного, сварливого, дряхлого императора, бесчисленных тайных и явных кандидатов на престол. Но чем больше беспорядка в мире, тем лучше. Первый результат этой вредной неразберихи тот, что Иерусалим и храм до сих пор целы и невредимы. Может быть, удастся опять передвинуть центр тяжести управления миром на Восток, и править миром будут не из Рима, а из Иерусалима.

Принцесса взвешивает, высчитывает, ищет той точки, где она может вмешаться. На Востоке, власть в руках трех людей: повелителя Египта Тиберия Александра, повелителя Сирии Муциана, фельдмаршала Иудеи Веспасиана.

...Веспасиан колеблется неприлично долго, прежде чем дать аудиенцию принцессе. Он наслышан об этой претенциозной особе, об изменчивости её настроений, об её слишком пылких романах, об её отнюдь не сестринских отношениях с братом. Снобизм и причуды этой восточной принцессы претят ему. Но было бы глупо без нужды создавать себе врага. Она очень связана с Римом, слышит красавицей, чудовищно богата.

...Строго и торжественно оделась Береника для приёма у Веспасиана. Её крупная благородная голова с ещё загоревшим от солнца лицом царственно выступает над одеждой, спадающей многочисленными складками. Короткие непокорные волосы лишены всяких украшений, парчовые рукава прикрывают прекрасные, огрубевшие в пустыне руки. ...У неё глубокий, мягкий и певучий голос, но в

нём всё время чувствуется какая-то легкая нервная дрожь, поэтому он звучит чуть надтреснуто, словно подернут легкой волнующей хрипотой.

Жесткими светлыми глазами холодно рассматривает Веспасиан эту женщину с головы до ног.

...Принцесса Береника встала; чуть изгибаясь, своей прославленной походкой подошла к фельдмаршалу совсем близко.

- Почему, вы такой колючий? Вам, наверное, обо мне наговорили всякий вздор? Не следовало верить. Я – иудейка, внучка Ирода и Хасмонеев. Это довольно трудное положение, при том, что ваши легионы заняли страну.

- Мне понятно, принцесса Береника, - отозвался Веспасиан, - что вы мечтаете быть участницей всяких острых и запутаннейших ситуаций, поскольку в Риме сидит старик – император, не назначивший себе преемника. И было бы очень жаль, если бы я оказался вынужденным смотреть на вас как на врага.

- Мой брат Агриппа находится в Риме, чтобы воздать почести императору Гальбе.

- Мой сын Тит поехал в Рим за тем же.

- Знаю, - ответила Береника хладнокровно. – Ваш сын воздаёт почести императору, несмотря на то что из перехваченных писем вы узнали о намерении этого императора сместить вас с помощью ловких людей.

- Вы, жители Востока, всегда стараетесь сначала вывести у другого цену...

Изменчивое лицо принцессы вдруг засветилось огромной, смелой уверенностью.

- Я хочу, - сказала она своим глубоким волнующим голосом, - чтобы древний священный Восток принял подобающее ему участие в господстве над миром.

- Боюсь, что каждый из нас хочет противоположного... Я вижу, что восточные планы императора Нерона и его образ мышления вовлекли империю в миллиардные долги. По-моему, ваш древний священный Восток обошёлся нам дороговато.

- Понимание права и закона иной раз у людей не совпадает.

- Я был бы крайне благодарен, принцесса, если бы вы сказали чего вы, собственно, хотите.

Береника собрала все свои силы, её лицо стало неподвижным. С тихой, страстной искренностью она сказала:

- Я хочу, чтобы храм Ягве не был разрушен.

Веспасиан был послан сюда с полномочиями усмирить Иудею всеми способами, какие он найдёт нужными. На мгновение ему захотелось ответить: "Сохранение владычества над миром, к сожалению, не всегда совместимо с бережным отношением к архитектуре". Но он увидел её неподвижное, напряжённое лицо и уклончиво прохрипел:

- Мы не варвары.

Она не ответила. Медленно, полная скорбного недоверия, погрузила она взгляд своих удлинённых выразительных глаз в его глаза, и ему стало не по

себе. Разве ему не абсолютно безразлично, сочтёт его эта еврейка варваром или не сочтёт? Как ни странно, но, оказывается, - не безразлично. Он испытывал перед ней ту же смутную неловкость, какую испытывал иной раз в присутствии своего еврея Иосифа. Он попытался отделаться от этого смущения:

- Нечего было играть на моём честолюбии. Я для этого уже недостаточно молод.

Береника нашла, что экспедитор – грубый, тяжёлый человек, чертовски себе на уме, несмотря на свою мнимую прямоту. Она перевела разговор.

- Покажите мне портрет вашего сына Тита, - попросила она.

Он послал скорохода, чтобы принесли портрет. Она стала рассматривать его с интересом и сказала многое, что должно было быть принято отцовскому сердцу. Но Веспасиан был стар и знал людей, он отлично понимал, что портрет ей совсем не понравился. Они расстались дружелюбно: однако и римлянин и еврейка убедились, что они друг друга терпеть не могут.

... Каждый день получала принцесса Береника подробные вести из Рима. После лишений в пустыне она окунулась в политику. Переписывалась с императорскими министрами, сенаторами, с восточными губернаторами и генералами. Восток вторично не должен оказаться перед свершившимся фактом. Он должен быть приведён в боевую готовность, чтобы завладеть столицей. Он не смеет быть расщепленным, он должен покориться

единому господину, и им должен быть Муциан. Необходимо прежде всего заручиться определённым согласием Муциана, если его хотят выставить как претендента в противовес маршалу.

Пышно, с огромной свитой, отбыла Береника в Антиохию. Принялась осторожно обхаживать Муциана. С опытностью знатока старик оценил все преимущества иудейской принцессы, её красоту, ум, вкус, богатство, пламенное увлечение политикой. Эти двое преданных музам людей очень скоро поняли друг друга. Но Беренике все же не удалось добиться от него желанного решения. С большой готовностью открыл ей этот щуплый человечек свою душу. Да, он честолюбив. И он не трус, но он немного устал. Завоевание Рима и Востока – предприятие чертовски щекотливое. Он для этого не подходит. Он умеет вести дело с дипломатами, сенаторами, наместниками провинций, руководителями хозяйства. Но сейчас, к сожалению, всё решают военные, а вступать в соглашение с этими выскочками-фельдфебелями ему противно. Он устремил свой умный, печальный и ненасытный взгляд на принцессу.

- Желание выжечь этим Полифемам глаза теряет постепенно свою привлекательность. Опасность и успех не соответствуют друг другу. Сейчас ситуация такова, что Веспасиан, пожалуй, действительно самый подходящий человек. В нём есть та грубость и жестокость, которые необходимы в наше время для того, чтобы стать популярным. Согласен, он мне не менее противен,

чем вам, принцесса Береника. Но он настолько воплощает собой дух времени, что становится почти симпатичным. Делайте его императором, принцесса, и дайте мне спокойно дописать мой естественно-исторический очерк Римской империи.

Но Береника не сдавалась. Она боролась не только словами, она щедро сыпала деньгами, чтобы создать настроение в пользу своего кандидата. Все нетерпеливее убеждала Муциана, подстёгивала его самолюбие, льстила. Муциан возразил, улыбаясь:

- Если бы такая дама, как вы, ваше высочество, стояла действительно за меня, то я, быть может, презрев все сомнения, и рискнул бы на эту смелую игру. Но ведь вы вовсе не за меня, вы только против Веспасиана.

Береника покраснела, стала возражать, говорила долго и красноречиво, стараясь переубедить его. Он вежливо слушал. Делал вид, что соглашается. ...Продолжал беседу с прежней доверчивостью и даже некоторой теплотой, она видела, как он пишет тростью на песке слова, греческие слова: они, наверное, предназначались не её, всё же она расшифровала их смысл: "Одному боги даруют талант, другому – удачу". Она прочла, и в её речах зазвучала усталость.

Когда Иосиф бен Маттафий появился в Антиохии, Береника уже поняла, что её поездка к Муциану не даст никаких результатов. Она сразу почуяла и не ошиблась, что Веспасиан подослал Иосифа, желая свести на нет всю её работу.

Иосиф взялся за дело довольно ловко. Муциан был рад, что слышит опять страстный, горячий и проникновенный голос иудейского пророка. Он целыми часами расспрашивал о нравах, обычаях и древностях его народа. В связи с этим они коснулись и иудейских царей, и Иосиф рассказал Муциану о Сауле и Давиде.

- Саул был первым царём Израиля, - сказал Иосиф, - но у нас очень немногие носят имя Саул и очень многие - Самуил. Мы ставим Самуила выше Саула.

- Почему? – спросил Муциан.

- Отдающий власть – выше сохраняющего её. Воздвигающий царя – выше самого царя.

Муциан улыбнулся.

- Вы – гордецы.

- Может быть, мы и гордецы, - охотно согласился Иосиф. – Но разве не кажется и вам, что власть, которая останется на заднем плане и правит издали, - тоньше, духовнее, прельстительнее той, которая чванится на глазах у всех?

Иосиф продолжал, и его слова были полны знаний, купленных ценой горького опыта.

- Власть делает глупым. Я никогда не был глупее, чем когда имел власть. Самуил выше Сеула.

- А мне, - отозвался, улыбаясь, Муциан, - во всем вашем рассказе симпатичнее всего Давид. Жалко, - вздохнул он, - что проект насчёт Тита рухнул.

После приезда Иосифа в Антиохию Береника распрощалась с Муцианом. Она отказалась от своих надежд. Она выехала навстречу брату, которого

ждали на днях в Галилею. Узнав, что скоро увидится с братом, о котором горячо тосковала, Береника облегчённо вздохнула; эта радость смягчила горечь её неудач.

...Встретила брата в Тивериаде. Стройка дворца была закончена. Ещё прекраснее, чем прежний, сиял он над городом и озером.

...Брат и сестра осматривали дом, они шли, держась за руки, встреча наполняла их глубокой радостью. ...Эти двое красивых людей шли по стройным залам, им дышалось легко; как знатоки, наслаждались они воздушными линиями здания, его изысканностью, Агриппа рассказывал с тихой иронией о новых, виденных в Риме дворцах, о их нелепо огромных размерах, о нагромождении безвкусной роскоши. Отон ассигновал пятьдесят миллионов на достройку Неронова Зотого дома, но сам едва ли доживёт до конца стройки. Береника скривила губы:

- Они умеют только хватать, эти римские варвары. Если им удастся врезать какой-нибудь очень мрамор в другой, такой же редкий, и наляпать как

можно больше золота, это им кажется верхом строительного искусства. У них нет никаких талантов, кроме таланта к власти.

- Во всяком случае, талант очень выгодный, - заметил Агриппа.

Береника остановилась.

- Неужели мне действительно придётся терпеть этого Веспасиана? – пожаловалась она. –

Неужели ты от меня потребуешь такой жертвы? Он неуклюж и груб, он сопит, как запыхавшийся пёс...

Нахмурившись, Агриппа стал рассказывать:

- Когда я был у него в Кесарии, он угощал меня рыбой и всё время подчёркивал, что она-де из Геннисаретского озера. А когда я не захотел есть этих трупных рыб, он начал жестоко меня высмеивать. Я хотел ответить ему, но сдержался и промолчал.

- Он возмущает меня до глубины души! – негодовала Береника. – Когда я слышу его вульгарные остроты, мне кажется, я попала в рой комаров. И мы ещё должны способствовать тому, чтобы такой человек стал императором!

Агриппа принялся уговаривать её:

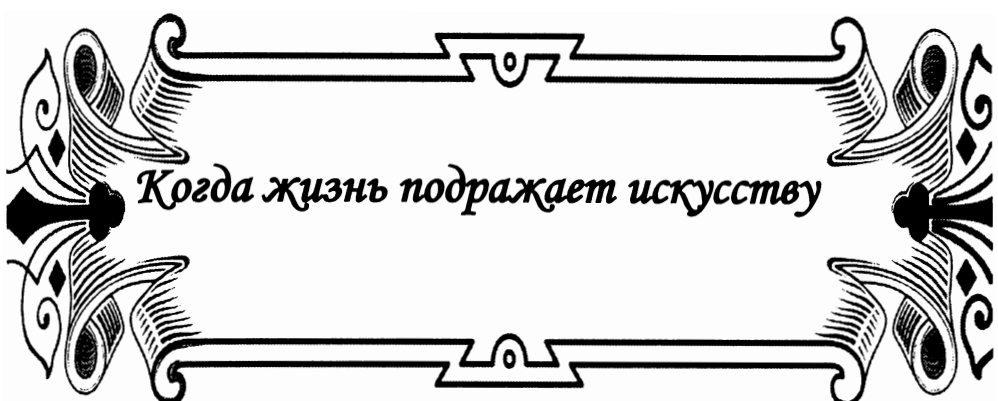
- Император, которого поставит Запад, все нам здесь переломает. Маршал умён и знает меру. Он возьмёт то, что ему может пригодиться, остальное оставит нам. – Агриппа пожал плечами. – Императором делает армия, а армия готова присягнуть Веспасиану. Будь умницей, сестра, - попросил он...

...Писательница позаботилась, чтобы личное сходство Береники Л. Фейхтвангера и Береники Р. Ульчиной было сохранено хотя бы в общих чертах. Р. Ульчина поглядывала в сторону Фейхтвангера, намеренно создавая в обновлённой сюжетике приметные параллели между ними. Это доставляет "искушённому читателю" интеллектуальное удовольствие.

Внимание писательницы привлекла в "Иудейской войне" Л. Фейхтвангера принцесса Береника – дочь Ирода Агриппы. Противоречивые жизнь и судьба Береники явились для автора романа полнокровной основой для развёртывания занимательного сюжета.

Когда жизнь подражает искусству

*Творчество – это загадка,
которую художник задаёт
сам себе.*

Станислав Ежи Лец.

*Художник должен присутствовать в своём
произведении, как Бог во вселенной: быть
вездесущим и невидимым.*

Гюстав Флобер.

*Художник пишет не то, что
видит, а то, что будут
видеть другие.*

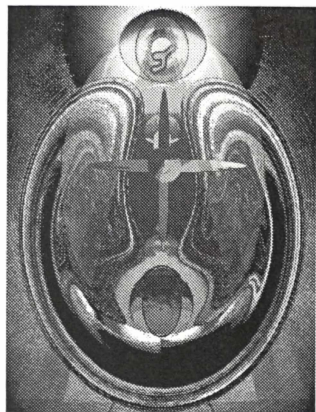
Поль Валери.

*Я не тружусь более для настоящего,
Я тружусь для будущего.*

Никола Тесла

Художник-мыслитель

Лариса Красильникова мастер современности. Свою борьбу за сокровенное искусство она связывает с поисками исполненного страстной энергии изобразительного языка. Она создаёт произведения, тематически активные, раскрывающие богатый контрастами образ эпохи. В окружающей жизни она видит

главное, значительное, захватывает зрителя напряжённой пластикой языка, лаконизмом и эмоциональной кульминацией. Непосредственная взволнованность чувств и динамика выражаются в стремительных ритмах, в сильных угловатых линиях и мазках, в интенсивной сгущённости звонкого контрастного цвета и форм, вылепленных энергичной живописью. Её характеризует огромное жизнелюбие, преодолевающие трагическое в жизни. Природа исполнена в её полотнах огромной потенциальной силой. Сурова и могуча красота израильских пейзажей с волнами света и сияющими бликами.

Композиции её картин обладают целостностью и компактностью. Художница придаёт большое значение линейным ритмам, организующим объём, подчиняющих цвет. Обобщение объёма создаёт

богатое светотеневое решение его пластике, статичной по формам, но наполненной внутренним движением. Тонкость световых эффектов выявляет нюансы эмоционального состояния, раскрывающего человеческую драму, как, например, в произведении, аллегорически изображающим «Холокост». Стремясь к обобщению реальных впечатлений, Л.Красильникова прибегает к лаконизму, к чёткому построению, к сдержанной гамме, к эмоционально-экспрессивной манере. Заметно влечение к поэтической образности, сочетающейся с документальной действительностью, архитектурность и символистическое звучание. Её картины дают возможность индивидуального прочтения замысла. Синтетичность, чувство целостности характеризуют всю галерею «Сказочный мир природы Израиля». Художница с удивительной чуткостью улавливает красоту и национальный колорит Израиля.

Для искусства Л. Красильниковой последних лет характерно многообразие художественных исканий. В области пейзажа она опережает свой век. Преодолевая аллегорическое понимание живописи, она открывает непосредственно зрительскую силу своего воздействия, апеллируя к самовыражению чувств, к интенсивным побуждениям и влечениям. Она стремится к простоте содержательного образа. В пейзаже художницы контрасты освещения чеканят объёмы могучих деревьев. В кристаллических формах, в широте пространства ощущается

напряжённая жизнь природы (острые контрасты черного и белого).

Несмотря на некоторые черты схематизма, моменты экспрессионистической деформации, а также несмотря на то, что действительность её произведений передана то натуралистически достоверно, то причудливо деформировано, Л. Красильникова вписала яркую страницу в пейзажную живопись. Все её картины объединены волевой целеустремленностью, широким ритмом движений. Романтический пафос, страстное воодушевление с нотами тревожного беспокойства характеризуют галерею «Сказочный мир природы Израиля», в которой создано живописное динамическое пространство, сближающее изображение с окружающей жизнью. В картинах Л. Красильниковой совмещается множество точек зрения. Иногда она воплощает философские идеи в символической форме. Её стиль монументален, пластически выразителен и эмоционален. Ощущение глубины художница достигает с помощью бледных смешанных тонов пейзажа на дальнем плане, богатых тёплыми и мягкими переходами. Рецензируемая работа это богатое красочное зрелище.

Сказочный мир природы Израиля

Картинная галерея Ларисы Красильниковой

Введение

Фантазийным образам Ларисы Красильниковой требовались адекватные изобразительные приёмы. Художница нашла их в виде живописи, обогащенной метафорическим, аллегорическим или символическим смыслом. Образы, к которым обращается автор, не имеют прямого жизненного, реального соответствия. Разнообразная природа Израиля позволяет проницательному зрителю строить в своём воображении ассоциации, снимая дистанцию между реальностью и художественной правдой. Краски горят таинственным цветом. Спектр их холоден. Пасмурный настрой отличает работы мастера. Изображение наполнено таинственным движением, перетеканием тонов. Художница знает гармонию, меру цветовой характеристики. Символизм её исполнен трагической возвышенности и никак не подменён мистикой или иррациональным мышлением. Живопись подчёркивает физическую осязаемость природы Израиля; она обращена к обобщенным образам. Лариса Красильникова находит в природе соответствие своему умунастраению. Она пишет цветовой массой, не вдаваясь в детали. Настроение ещё более напрягается, звучит мощнее и громче. Основную роль принимает на себя мотив активного созерцания.

Мудрой уравновешенностью восприятия жизни, богатством образной интерпретации проникнуты

полотна известной художницы Ларисы Красильниковой. Тонко и поэтично воспроизведён в них богатый мир Израиля, гармония жизни человека и природы. О Земле Обетованной, о красоте, особых ритмах и красках её природы, о её сегодняшней жизни рассказывает серия полотен.

Цикл картин является иллюстрацией того, как можно живописно точно, эмоционально глубоко исполнить сюжеты из истории еврейского народа, пользуясь эскизной манерой, предлагающей «дочувствовать» смысл картины.

Закат

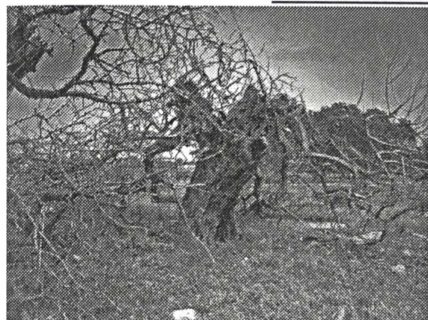

Так, картина «Закат» передаёт холодный осенний вечер – гамма серых цветов с бледной полосой заката вызывает лирическую грусть. В туче видится угрожающий символ, предупреждение. Природа плачет. Всё построено на эффекте приближающейся грозы. Такое ощущение возникает опосредованно, путём ассоциаций, внушённых тяжёлым небом с давящими облаками.

Хотя в картинах галереи преобладает тревожное настроение, их звучание многоцветно и пронзительно. Л.Красильникова добивается картинного образа, отходя от этюдной фиксации

фрагмента природы. Этюдизм искупается точной фиксацией настроения в чутком мазке живописи, от которой картина обретает объём и словно возгорается внутренним светом. Сюжет здесь имеет первостепенное значение.

Погибшее дерево

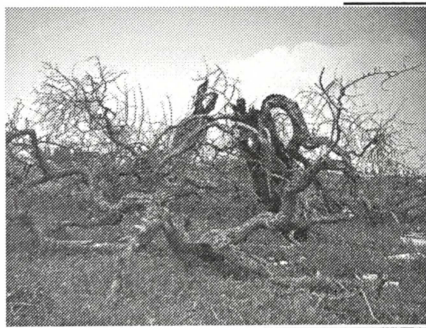

Художница пользуется «рисующим» цветом, придавая погибшему дереву цветовую интенсивность – стремление воссоздать световоздушную среду. Гибель дерева зафиксирована на полотне с абсолютной верностью натуре, в самых мельчайших подробностях. Л.Красильникова смотрит на дерево и

передаёт в своей картине ту боль, которую оно испытывает в предсмертных муках, стараясь возродиться, цепляясь своими корнями и давая новую жизнь юному поколению ростков. Картина «Погибшее дерево» передаёт всю боль и переживания земной жизни. Не только человеку, но и дереву нелегко в обстановке войны и мира. Дерево противится, но, изнемогая, гибнет от непосильного гнёта и бремени. Оно как бы кричит: «Живите в мире! И всё вновь зацветёт всеми красками света и любви».

Создан обобщенный образ увядающей природы. Огрублённая манера написания воссоздаёт природную стихию увядания. Вероятно, картина «Погибшее дерево» явилась художественным стимулом для создания метафорически выраженных живописных видений, переполнявших воображение художницы – сказочная картина, приобретающая антропологические черты.

Агония

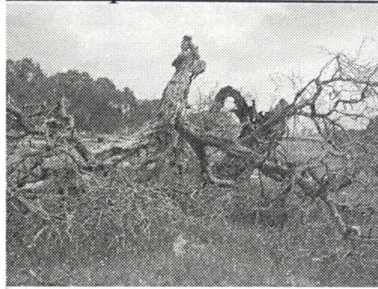

На полотне – синтетический образ природы. При общем тематическом и композиционном сходстве с «Погибшим деревом» сюжет «Агонии» по своему

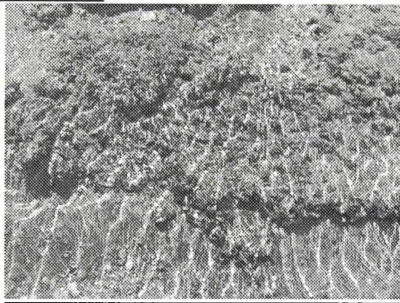
настроению полярен предшествующей картине своей тонкой и поэтической символикой. Вспомним известного искусствоведа Абрама Марковича Эфроса, который, впервые увидев Михоэlsa в провинциальном театре, воскликнул: «Какой красивый урод!».

В смертельный схватке

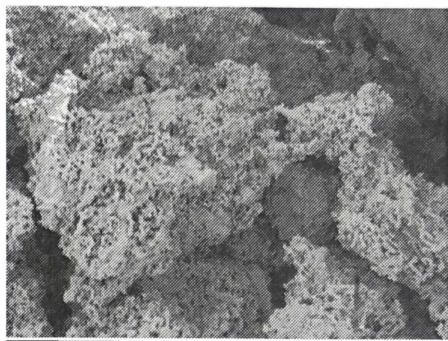
Л. Лариса Красильникова с натуралистической тщательностью фиксирует мельчайшие детали реального пейзажа. Главный акцент здесь сделан на изображение причудливых стволов и вычурных ветвей дерева. Налицо тщательное наблюдение реальных природных мотивов естественных черт пейзажа. Смертельная схватка предстаёт в своём грозном обличье, передающим атмосферу «Холокоста». Кричащие краски усиливают ощущение скрытой угрозы.

Подводный мир кораллов

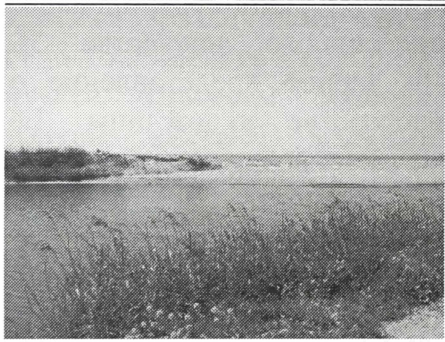
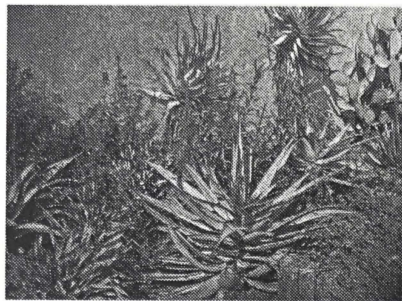
Этот холст изобилует деталями, обогащающими картину различными оттенками приглушенного бело-коричневого колорита, передающего гамму чувств. Приметы подводного мира обозначены тонкой кистью, мелкими чёточками-мазками, придающими полотну особую одушевлённость и выразительность. И это несмотря на то, что картина развивается в глубину. Натюрморт «Подводный мир кораллов» - красивый и тонкий, - это как бы «преддверие» к высокому подъёму следующих полотен.

Коралловые рифы

Причудливая узорная вязь кораллов, столь же фантастическая, как и деревья, и необыкновенно выразительная. Это искусство не столь простое и наивное, как может показаться на первой взгляд, - скромное и сдержанное, полное живого чувства полотно, быть может, и далёкое от каких-либо широких обобщений. Просто натюрморт – внушительный образец сконцентрировано-напряжённого и экспрессивного искусства Л. Красильниковой, дающий верное представление о тонком и изящном мастерстве художницы. Её пейзажи полны движения, света, воздуха и прекрасно передают достоинство, смелость и новизну творчества. С помощью плотных красок Л. Красильникова добивается материальной осязаемости изображённого, передавая буйство резких экспрессивных движений и красок. Так обнаруживается главное, магистральное направление искусства художницы.

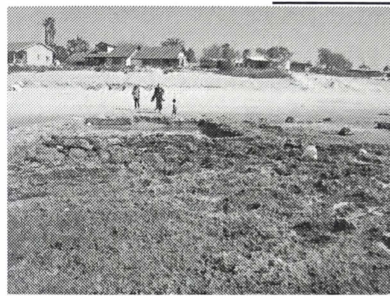
Природа кибуца Александровки

Глаз не улавливает никаких моментов покоя в стремительном движении! Сила искусства Л. Красильниковой – не в настойчивом изучении механики движения. Она сосредоточивает внимание на психологической характеристике, на обострённом восприятии современности, на тончайшем

колористическом строе. Уютные домики кибуца как бы сливаются с природой. Редкие жители решаются выйти на просторы деревни в разгар хамсина. Прибавьте к этому «возмущение» побережья. Здесь искусство Л. Красильниковой грустно и мрачно. И слава Б-гу, что нет никакой театральности в серии картин художницы. Зато есть вдохновенное мастерство. Если следовать театральной терминологии, здесь показана не сцена, а кулисы, безжалостно сниженная проза.

Застывшая лава

Искусство Л. Красильниковой – это настойчивое вторжение в реальную живую жизнь, это куски жизни, а не «картины на стену». И всегда ясно – что, собственно хотела сказать этой картиной художница. В этом полотне словно сосредоточилась глубокая горечь и боль за современное положение Израиля, которое его противники пытаются превратить в «застывшую лаву».

Остаточные явления. После прилива

Всё же Лариса Красильникова верит в победу Израиля. Солнечность этой страны символически отражена в этом полотне. В последующих картинах цикла чаще заключено ясное, светлое, жизнеутверждающее начало.

Берег Акко

Встреча с десятью картинами Л. Красильниковой – это прекрасный случай не только полюбоваться на красоту колорита, на остроту и простоту композиции, но и глубоко почувствовать и понять образный строй и идейный смысл искусства живописи. Эти картины – свидетельства богатейших возможностей человека и художника Ларисы Красильниковой.

* * *

Л. Красильниковой присуще возвышенно-романтическое чувство первооткрывателя, столь характерное для мировоззрения и отражения израильского мира действительности.

Представленные работы продемонстрировали не только профессиональное мастерство, но и желание быть гордой и достойной своей страны и своего времени.

На автора наложила отпечаток природа святого края. Рядом величественная и непобедимая страна, со своими радостями и горем.

Стёртая память бывших цивилизаций возвращает нас из небытия в реальную действительность, воплощая и вспоминая прошлое для нахождения настоящего.

*За любую напасть, не смогу я проклясть
Четвертинки душевного действия
Поглощает волной средиземная пасть,
Приглашая в мираж наглядеться.*

*Где заката таинственный, розовый вал,
Пляготеет бытийною сутью,
И реальностью правит пророческий бал
Нас никто никогда не осудит.*

*В отплывающий вечер, велюровый рай,
Окунуться и править не наснех.
Напоследок присядет морской-глашатай,
И взревет растревоженный айсберг.*

*Пусть любая напасть, лишь бы счастья не
красть;
Скоротечно стираются блики.
Замурованной жизнью заведует страсть.
В асимметрию, выплеснув крики.*

(Галина Агаронова. «Напасть»)

Живописные фантазии

*Иосифа Капеляна и Аркадия Лившица
(глазами скучного зрителя)*

*Художник создаёт подобие правды,
то есть наблюдаемая им правда
отражается в его фантазии и он
переносит эти отражения в своё
произведение. Это и будет
художественная правда.*

Иван Гончаров.

*У всякого великого произведения искусства
есть два лица: одним оно обращено к своему
времени, а другим – к будущему и вечности.*

Даниэль Баренбойм.

*Настоящий художник – это камертон,
он может брать только одну ноту – свою.*

Ольга Муравьёва.

Прежде всего, я хочу представить читателю перечень основных живописных и графических работ художников, вошедших в книгу «Мистический осколок» Галины Подольской, Иосифа Капеляна и Аркадия Лившица (Иерусалим – 2006): И. Капелян. Из серии «К звёздам», 1975. И. Капелян. Из серии «Иерусалим» (2002) 1, 2, 3. А. Лившиц. «Паломники» (1989). А. Лившиц. «Ночной Иерусалим», 1996. А. Лившиц «Винограная вервь», 1998. А. Лившиц «Оливковая ветвь», 1996. И. Капелян «Старуха (Горе)», 1970. И. Капелян. Греза (Видение), 1992.

И.Капелян. Из серии «Ритмы мозаик» 1992. А.Лившиц. «Цфат», 1996. А.Лившиц. «Вечер», 2002. А.Лившиц: «Яффо», 2001. «Море», 2003. «Яффские чайки», 2003. «Старый Яффо», 1984. «Улица в Старом Яффо», 1984. «Галилея», 1,2,3,4, 2001. И.Капелян. Из серии «Экспрессия», 1,2, 1995.

Затем предупреждаю, что ниже вы прочтёте размышления обыкновенного зрителя после ознакомления с серией картин И.Капеляна и А.Лившица.

У известных художников Иосифа Капеляна и Аркадия Лившица способы живописи, как правило, возникают естественным образом (а не как результат программы). Его образ мира – движение, а не бесплодное созерцание. Движение же проносится мимо, творит, являясь объектом всеобщего обозрения, - и рождается нечто. Их произведения своеобразны, особенно те, что уживаются в каждом человеке наряду с новым видением, пылающим огнём в человеческой груди. Жажда анализа одерживает верх над живыми ощущениями. Истолкование попросту убивает всякое действие, последнее ничего не выигрывает оттого, что его почтили таким образом. Мы все живём под бременем логики. Быть может, воображение готово вернуть себе свои права. Если в глубинах нашего духа дремлют некие таинственные силы, способные либо увеличивать те силы, которые располагаются на поверхности сознания, либо победоносно с ними бороться, то это значит, что есть прямой смысл

овладеть этими силами, а затем, если потребуется, подчинить контролю нашего разума. Ясно, что в творчестве И.Капеляна и А.Лившица решающую роль сыграли их предварительные внутренние установки. У них речь идёт не о рисовании, но лишь о срисовывании. И, открыв глаза, я испытала бы очень сильное ощущение «впервые увиденного». Во мне как будто родник забил. Полотна И. Капеляна и А. Лившица созданы под влиянием их внутренних ощущений – способ чистой выразительности, который оказался в их распоряжении. Это и есть супернатурализм – бескорыстная игра мысли. На бесчисленные маленькие части разложил он мир, дабы вдохнуть в него более глубокое дыхание. Искусство, которое хочет только подлинного, исключает второстепенное, когда выбираются точки, магнетически тяготеющие друг к другу, не связанные буфером логического перехода. Их эластичность находится в них самих.

Художники И. Капелян и А. Лившиц выражают себя непосредственно и интенсивно. Они пришли к такому развитию, когда постоянный контакт с собственным бессознательным становится из глубокого живого присутствия источником вечного изобилия. Для созидательных творений души нехорошо и вредно, когда разум слишком зорко бдит за стекающимися отовсюду идеями. Идеи врываются *pele-mele* вперемешку, и лишь тогда разум обзревает его просторы.

Оба художника создали оригинальные по сюжетам и композиции полотна, сыграли важную

роль в развитии живописи. Они эмансипировались от прежней опеки идеологии страны т.н. «развитого социализма». Сильное своей самобытностью искусство, искусство И.Капеляна и А.Лившица поражает выразительностью образов, глубокой связью с эпохой, свободной от догматики, пониманием её основных проблем. Все представленные в книге картины – отзвук размышлений художников. Они не навязывают зрителю своих выводов. Оба художника – яркие, своеобразные живописцы. Обрисовывая и упрощая формы, они гиперболизируют характерные черты, подчёркивают их интенсивным плотным цветным пятнам, умело используют колористические контрасты. Проницательность художников поражает в изображении массовых сцен, характеризующих их как замечательных рисовальщиков нашего времени. Единство и напряжённость действия, настроения, законченность и неповторимость композиционных построек, поразительная мощь светотеневой моделировки сообщают их картинам характер сцен, полных больших чувств и мыслей.

Событие в художественной жизни Израиля

Изданная в Иерусалиме прекрасно иллюстрированная книга "Современное израильское изобразительное искусство с русскими корнями" доктора Галины Подольской стало значительным событием в художественной жизни нашей страны. Во Введении к книге сказано, что издание представляет собой "первую попытку осмыслить деятельность представителей "русской школы" изобразительного искусства в Израиле и проследить её развитие... Это сборник эссе, этюдов и статей о творчестве выходцев из Советского Союза..." "Это творческие биографии более 80-ти израильских художников "с русскими корнями" и их живые голоса... Это репродукции работ, находящихся в коллекциях музеев, галерей, посольств... Это скульптуры и памятники монументального искусства".

Издание осуществлено при поддержке Министерства абсорбции Израиля, Федерации союзов писателей государства, Объединения профессиональных художников Израиля и Журнала "Русское литературное эхо".

Это книга-альбом, создававшаяся автором на протяжении десяти лет, сочинение о многообразии форм изобразительной деятельности человека, протекающей по законам красоты в её общечеловеческой значимости. Художественная деятельность создаёт не только прекрасное, но и возвышенное, и трагическое, и комическое.

Повторим слова из предисловия к альбому: "Это книга об изобразительном искусстве, создаваемом в Израиле выходцами из стран бывшего Советского Союза. О том, какими оттенками художественности они наполнили изобразительное искусство Израиля. Это первая попытка собрать в максимальном объёме и осмыслить "русскую школу..." в культурно-историческом пространстве Израиля, представив её через индивидуальности". Перечень этих индивидуальностей достаточно велик – это, например, Шагал, Апрель, Годин, Корнфельд, Кузьковский, Ладыженский, Левин, Матусевич, Окунь, Раухвергер, Сыркин, Якерсон, Барановский, Вчерушанский, Гроссман, Зильбер, Капелян, Лившиц, Кармели, Пасхвер, Сакциер, Сальман, Сегал... и ещё многие десятки художников, для каждого из которых нашлось место в этом обширном томе.

Д-г Галина Подольская в своей работе обратилась как к традиционным, так и к новаторским, современным методам исследования художественного процесса. И впрямь, познание невозможно без своего инструмента-метода. От соблюдения требований метода зависит адекватность теории реальности. Её теория системна. Ни одна система знания полностью не реализуется в методе, она по своему содержанию богаче его. А возникший на основе системы метод в своём развитии выходит за её пределы, ведёт к изменению старой системы знания и созданию новой. Система более консервативная, стремится сохранить и

усовершенствовать себя, метод же более подвижен, направлен на приращение знания и создание новой системы.

В процессе знакомства с реализацией вышеуказанных положений в капитальном труде Г. Подольской между изобразительным искусством и психоанализом возникло близкое и плодотворное соприкосновение. В защиту гения всегда легче заполучить художника, чем профессора. Уже есть ключ – новая установка, новая благодаря точному инструменту, быстро оправдавшему себя. Художник оказывается представителем особого рода мышления, которое идёт вразрез с аналитически-психологическим. Он (художник) как будто сновидец, аналитик же – истолкователь его снов. Кто до этого не был художником, кто до этого не почувствовал внутреннего строя и сердечного пульса душевной жизни, того и анализ не сделает истолкователем души. Постигание душевных процессов останется, как и до этого, делом интуитивного, не аналитического таланта. Душевный анализ не дело интеллекта, но переживание, что можно определить примерно так – искреннее отношение к собственному бессознательному. Такой метод у Г. Подольской многое выясняет такого, что в ином случае останется "в подполье" и лишь разыграется в снах, на которые не обратят внимания. Остаётся неумолимая картина правды. Для созидательных творений души нехорошо и вредно, когда разум слишком зорко бдит за стекающимися отовсюду идеями. Разум сковал воображение. В

трактовке автора фолианта я наблюдаю исполненное любви вслушивание в скрытые источники и лишь затем критика. Если какая-либо техника и может помочь выполнить это требование, то только психоаналитическая техника.

Мистика, утверждал Гёте, - это диалектика сердца, ибо заговаривает о вещах, к которым человек по обычным тропам разума, рассудка никогда бы не добрался.

В науке обнаруживается единство, в искусстве – многоликость загадки, которую мы называем миром.

Метод критического художественного анализа живописи и графики, прикладного искусства, скульптуры... Г. Подольской вобрал в себя весь предшествующий мыслительный опыт. Этот опыт как бы накладывается на произведение искусства, и в результате складывается общее суждение о нём, формируются установки и принципы дальнейшего его всестороннего, детального и целостного рассмотрения. Далее общее суждение конкретизируется и обрывает деталями, и "подправляется" в процессе анализа. Художественный анализ Г. Подольской есть осмысление в процессе интерпретации значения всех его смыслообразующих элементов. В определение смысла и ценности произведения она вовлекает биографический, творческо-генетический и онтологический подходы. Критик Г. Подольская верно полагает, что предмет подлинного изобразительного искусства всегда уникален и оригинален: в нём запечатлевается неповторимая

личность его творца. На эту особенность творчества живописца, графика, скульптора и т.д. опирается биографический подход к нему, являющийся способом прочтения произведения искусства через личность автора. Не пристало игнорировать особым законом, связанным с личностью автора творения.

Г. Подольская не игнорирует психологические механизмы творений мастеров изобразительного искусства, этих "интуитивных личностей". Высокая роль подсознательного в их творчестве рассматривается как феномен экстатического, вакхического состояния. Разумеется, роль сознательного начала важна при создании крупномасштабных произведений. Миниатюру можно исполнить и по наитию.

Книга "Современное израильское изобразительное искусство с русскими корнями" эмпирически и эволюционно раскрывает процесс критического анализа интерпретации Г. Подольской произведений искусства разных видов. Мы услышали её собственный голос. В ней развивается способность постигать, улавливать, анализировать, устанавливая факты, выражать их. И всё же то, что ей ведомо, становится всё более неизъяснимым. По настоящему жизнь начинается лишь после того, как нырнёшь вглубь, уходя с поверхности. В её глазах я читаю: "Я просто извергаю вызревшее, чтобы оно стало пищей для ума — вот логическое следствие эгоцентричной жизни критика". Она успешно стремится овладеть искусством постигать "духовное", не противится подчиниться инстинктам,

своей интуиции. В дальнейшем вещи обретают для неё некий смысл. Г. Подольская овладела искусством постигать "духовное" и открывается в своём стиле, в том языке, который создала для себя.

...**Живопись** – самое терпимое и благородное из всех искусств. Стоит ей только в малой мере возвыситься до искусства, и **она** становится в высшей степени желанной. Правдивость красок, плоскостей, взаимных отношений зримых предметов уже сама по себе приятна. Уродливая картина не так отвратительна для глаза, как, например, фальшивый звук для уха. Даже самое негодное изображение часто считается приемлемым, ибо мы привыкли видеть в действительности ещё более негодные предметы. Поэтому-то живописец, будучи лишь в малой степени художником, сыщет себе большую аудиторию, чем стоящий на его уровне музыкант (И.-В. Гёте. Об искусстве. Москва, Издательство "Искусство", 1975 г., стр.589-590).

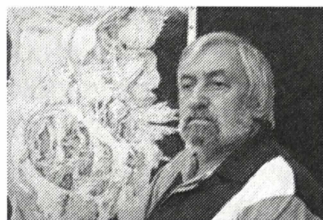
Всё наше познание начинается с опыта, оно тем не менее не проистекает целиком из опыта. Творец действует то синтетически, то аналитически. Систола и диастола человеческого духа для него как второе дыхание, всегда нераздельное, постоянно пульсирующее. Эстетическая и теологическая способность суждения взаимно освещают друг друга. Речь идёт о стремлении найти единые принципы для анализа природы и искусства. Речь идёт о познании органического целого. Средства обычного рассудочного мышления здесь бессильны. Существует особый интуитивный интеллект-

прообраз (Гёте), который снимает противоречия между особенным и всеобщим, видит необходимую связь между ними. Плодотворность подобного подхода к проблеме познания повлияла на Гёте и Гегеля. Последний утверждал, что система логических категорий, подвижных и переходящих в свою противоположность даёт возможность познать развивающееся органическое целое. Способность к нему Гёте называл "созерцательной возможностью суждения".

Каких бы эффектов ни достигала Г. Подольская с помощью того или иного профессионального приёма, они ни в коем случае не являются просто кунштюком, но точно передают колебания её сейсмографа, фиксирующего многомерный, таинственный, непостижимый опыт, которым её одарила жизнь.

Лучи человеческого сердца

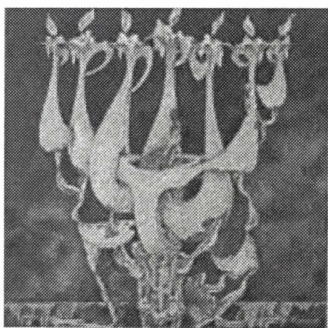
В современной живописи возрастает роль субъективного начала, обостряется значение личного видения, индивидуального восприятия жизни. Таков израильский художник Михаэль Хазан. На его выставке вниманию публики предлагаются аллегорические и мифологические композиции. Натуралистическому правдоподобию уступает место стилизации, отвлеченной символике и субъективным переживаниям. В его произведениях преобладает этюдное видение, фиксирующее текущие явления. Создавая первоначально этюд, художник затем заостряет пластическую материальность бытия, стремится найти синтез формы и цвета, пластическую целостность, создать нечто такое, как искусство музеев.

В пятидесятых годах прошлого века репатриант Большой Алии Михаэль Хазан учился в Репинском художественном колледже. Работы этого художника можно увидеть в частных коллекциях разных стран – Израиля, Канады, США, России, Сингапура.

(The return of moses)

Сегодня М. Хазан представляет восемь своих произведений: «Возвращение Моисея», «Ноктюрн для луны и водопада», «Предчувствие зимы», «Жилище моего существования», «Эрос...», «Бессонница», «Внутрь бездны», «Менора».

Цель М. Хазана – воплотить цветовую сущность мира цветовыми контрастами. Хроматическое (цветное, окрашенное) богатство цвета при общей сдержанности колорита характеризует полотно

М.Хазана. Предпочтительной гаммой его полотен стали сизо-голубые и оранжево-жёлтые тона. Стремясь к выразительности цвета, художник игнорирует световую стихию пространства. Его представления о мире носят односторонний характер. Предметный мир раскрывается им с точки зрения формы и цвета. Субъективное восприятие привело его к схематизации видимого мира, к утрате чувства

многообразия форм жизни. Он отказывается от изображения сложного богатства духовной жизни человека. Словом, М. Хазан нашёл мир, насыщенный символикой и ярким красочным великолепием. Живописными средствами, он раскрывает напоенную солнцем природу. Он прибегает к повышенной интенсивности колорита, порождающего ощущение загадочности экзотического мира. Он любит звучную гамму солнечного заката. Колористические решения каждый раз поражает новизной и яркой эмоциональностью. Драматическая экспрессия колорита созвучна смятенному внутреннему миру художника. Он прибегает к цветовой экспрессии, находя в ней средства для передачи сугубо индивидуалистического восприятия мира. Его картины принимают форму эстетического неприятия установившихся традиций и канонов искусства. И всё же дарование М.Хазана в открытии новых возможностей цвета, таивших в нём лучистую энергию. Ценным в его творчестве является то, что оно сохранило свежесть восприятия мира, мечту об утопическом мире. Своё поэтическое ощущение жизни он раскрывает солнечным светом (холодно-синего, изумрудно-зелёного, огненно-жёлтого). Цветовая композиция – основа его живописи. В ряде случаев мастер приходит к усилению конкретно-чувственного ощущения нарисованного (*Eros and tanatous*). Необычайная насыщенность палитры светом, яркость созвучий сочетаются с дифференциацией цветовых отношений. Поражают градации и оттенки основного цвета. В ряде полотен

он раскрывает сложные взаимоотношения цвета (Premonition of winter), ведёт к подчинению цвета свету (Abode of my existence). Утончённо-гедонистические мироощущения художника проявилось в работе The menorah. Розово-золотистые и серебристо-голубые тона служат средством раскрытия лирических настроений (Eros and tanatous). Нервный «поющий» рисунок усиливает эмоциональную выразительность картины. Это выражено в полной мере в полотне Into the abyss.

Веря в идеи художнического дела М.Хазана, тревожишься об её долговечности. Впрочем мой взгляд способен легко обмануться в своей приверженности. Эйфория бывает страстью непосвящённых. Окончателность суждения выявит только время – не временность наших дней. Чтобы быть верным, нужна большая дистанция.

Мир перед нами. Было бы бессмысленно повторять его. Застать его в состоянии высшей истомы, в его наиподлиннейшей сути, застать и воссоздать – вот величайшая задача искусства.

М.Хазан представляется мне человеком, чьё сердце дышит, чьи лёгкие полны страсти; он отдаётся природе, он часть её. Он устраивает жизнь, руководствуясь критерием своего чувства. Он понимает мир. Он твёрдо стоит на земле, его желание охватывает видимое и увиденное. Вот он стоит перед нами, абсолютно первозданный, весь пропитанный волнами своей крови, и порывы его сердца столь очевидны, что кажется – его сердце нарисовано у него на груди. Он не размышляет о себе, он

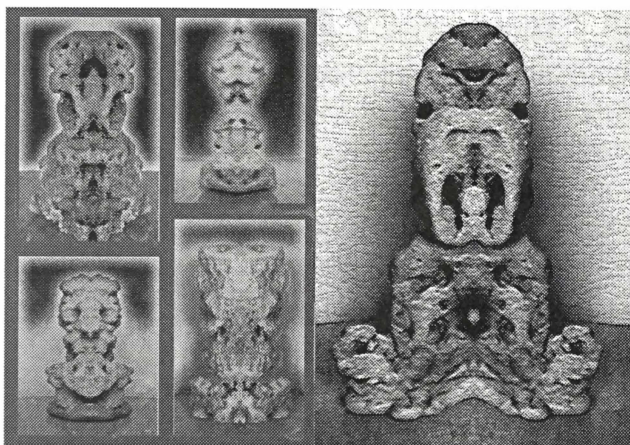
переживает себя. Единственное, что им руководит, - это его большое чувство. Он может, всё более вдохновляясь, достигать состояния высочайшего воодушевления, великий экстаз может возносить его душу. Он поднимается до пределов, достичь которых можно в неслыханном экстазе духа... Его искусство интуитивно. Художник отдаётся великому чуду бытия, обладает свежими силами для активной работы и страдания. Он прост, потому что простейшее – самое трудное и самое сложное, но приводит к открытиям. Только в конце всего находится простое, только в конце прожитых дней жизнь входит в спокойное непрерывное русло. Современному по-иному открывается мир навстречу разгорающемуся чувству. Открываются широкие горизонты. Но это всё впереди, и наш мозг не в силах тут что-либо предугадать.

«Я верю, что в будущем сон и реальность – эти два столь различных, по видимости, состояния – сольются в некую абсолютную реальность, в сюрреальность».

Манифест сюрреалистов.

Между вымыслом и реальностью

Скульптурные работы Ларисы Красильниковой способны воплотить в реальность любую фантазию или сон. Её творения из камня, наряду с живописью, выразившей своими средствами эстетическое и идейное содержание сюрреализма, являются еще одной областью этого искусства. Для мастеров, творящих в области сюрреализма, нет никаких границ, сдерживающих их фантазии и воображения. Отличительными чертами её мини-скульптур Ларисы Красильниковой являются безграничная фантазия и скрупулёзная детализация, расширение границ

образов. Обновление языка скульптуры объединяет в себе изобразительное и выразительное начала, имея зачастую «готовый» характер. У неё свой специфический почерк в искусстве.

Особенность её работ основывается на абстрактном соотношении форм.

«Сюрреалистический объект», представляет собой наиболее интересное направление развития сюрреализма, в нём понятия «означаемое» и «означающее» разведены и объект не является уже знаком. Это, скорее всего, символ, значение которого до конца неисчерпаемо и весьма глубоко. Внешняя его форма - суть определенная информационная структура, происходящая из мира воображения. Ее содержание отделено лабиринтом подсознательных индивидуальных ассоциаций от значения внешней формы и лишено прямого смысла. В творчестве Ларисы Красильниковой знак и его значение не дают окончательного ответа. Они лишь провоцируют сознание на поиски ответов, которые, будучи найденными, вряд ли могут быть верными, так как цель сюрреализма в «обманчивости», обескураживающей и созвучной традициям народной небывальщины. Наш разум приходит в замешательство.

Сальвадор Дали писал: *«Ошибки всегда имеют в себе нечто священное. Никогда не пытайтесь исправлять их. Наоборот: их следует рационализировать и обобщать. После того станет возможным сублимировать их».*

Идеально выверенная композиция работ Л. Красильниковой притягивает внимание зрителя к мини-скульптурам, как бы стирая грань между нею и изображаемым объектом. Прежде всего, это касается автора, который, как мастер экспрессионистического склада, соучаствует в собственном произведении. Зритель видит художественные достоинства произведения, отмечая, в частности, его мощную энергетику, единство замысла и воплощения, ощущение определенной подлинности.

Интуитивное знание, в противоположность анализирующему интеллекту, символической замкнутости рациональности, открывает способ ответственного отношения к миру, к человеку, к реальности в ее многообразии.

Лариса Красильникова работает по интуитивному наитию.

Если для художника образованность, знание истории искусства помогает избегать проторённых путей и создавать новые образы и приёмы творчества, то зрителю образованность позволяет верно судить об оригинальности произведения, его неповторимости и, следовательно, о художественной значимости.

Лариса Красильникова, прошедшая путь искушений, стремится к передаче своих мыслей и ощущений.

Продукт умелого труда

*Если вы выглядите как ваше фото
на загранпаспорте, вам, вероятно,
необходимо отдохнуть за границей.*

NN

7 января 1839 г. изобретатель Л. Дагер впервые публично продемонстрировал перед французскими

учёными и художниками изображения, полученные на серебряных пластинках. Это были снимки-миниатюры:

вид Лувра, башни Парижской богоматери, набережная Сены, уголок мастерской художника. Был найден способ светописи, воспроизведения предметов с помощью использования законов оптики и химии. Так художник Дагер совместно с изобретателем гелиографии Ж. Ньепсом положил начало фотографии.

Сразу же возникла **проблема** взаимоотношения **фотографии и искусства**. В вышедшей в Париже (1966 г.) книге Мишеля Ф. Брева «Век фотографии» приводятся слова Ломартина по поводу первых фотоснимков: «Это искусство, призванное сотрудничать с солнцем!» Ныне фотография стала видом искусства со своими специфическими особенностями.

Фото способно осуществить ту мечту гётевского Фауста, за которую он отдал душу Мефистофелю: «Остановись, мгновенье, ты прекрасно!»

Специфика фотоискусства состоит в том, что оно даёт изобразительный образ документального значения.

Фотография даёт образ художественно выразительной и с достоверностью запечатляющий в застывшем изображении существенный момент действительности.

Жизненные факты в фотографии переносятся из сферы действительности в сферу художественную. В фотообразе через ракурс съёмки, через умение выбрать её момент передаётся отношение художника к объекту. Ныне фотография обрела цвет и стоит на пороге объёмного, голографического изображения мира.

Фотография представляет собой искусство, воспроизводящее с помощью линий и теней в одной плоскости наиболее точно и безошибочно очертания и формы предмета. Иногда фотография получает художественное применение в руках опытных и способных людей, но тем не менее она и не помышляет становиться на одну доску с живописью.

Говоря об этом, мы имеем в виду только что изданную в Ашкелоне книгу Людмилы Петровой «Ностальгия по Америке. Мини-Поэма с фотографиями и кратким экскурсом в американскую историю. Ашкелон – 2013».

Людмила Петрова представила в фотографиях города Нью-Йорк, Вашингтон, Филадельфия, Бостон

и другие достопримечательности Америки. Книга снабжена краткими историческими справками.

... Природы чудо – Водопады Ниагарские – к ним без конца издалека народ спешит... Построенный над Ниагарой мост.

Городская Ратуша (Филадельфия-Сити) – здание муниципалитета – самое большое муниципальное здание в США. Построено в 1901 г. в готическом стиле.

Общая высота – 167м. на вершине купола башни с часами – бронзовая статуя Уильяма Пенна – квакера, основавшего Пенсильванию в 1682 г. как Священный эксперимент.

Здесь чтут историю свою и уважают... Вдруг в восемнадцатый ты попадаешь век... Мемориалов, памятников разных огромное количество по всей стране... Шагалом девять витражей исполнены – они библейскими сюжетами оформлены... А Статуя Свободы – «Восьмое чудо света»... Теснятся небоскрёбы в Манхэттене на берегу. Свободы факел светит людям в их пути!

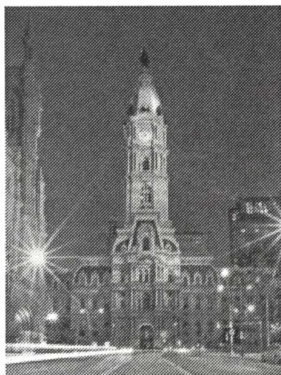
Путешествие в Америку было предпринято в августе-сентябре 2011 г.

Людмила Петрова в своём фотоальбоме делает осязательным основной характер изображаемого предмета и, следовательно, главную мысль. Этот основной характер представляет то, что философы называют сущностью вещей. Искусство Л. Петровой имеет целью обнаружить характерные черты, наиболее важные и бросающиеся в глаза качества, главные формы бытия предмета. Но что такое

основной характер? Это свойство предмета, из которого вытекают все остальные или, по крайней мере, многие другие свойства, находящиеся с ним в определённой связи. Л. Петрова выдвигает на первый план и делает более заметным основной, главный характер предмета.

Мы полагали сначала, что наша цель воспроизводить внешний, восприимчивый нашими чувствами вид предметов. Но с учётом многого фотография, говорит автор фотоальбом, имеет целью обнаружить основной или главенствующий характер, следовательно, какую-нибудь преобладающую идею.

Л. Петрова стремится быть в гуще жизни, глубоко почувствовать внутреннюю напряжённость современного быта Америки. Она вся в поисках исполненной страстной энергии изобразительного языка. Она создала произведения тематически активные, раскрывающие многогранный, богатый внутренним контрастом образ современной Америки. В энергичных и гибких жестах и действиях людей она открывает внутреннюю силу отображённого. Её фотоработы захватывают зрителя напряжённой пластикой изобразительного языка, лаконизмом и эмоциональностью.

Непосредственная взволнованность чувств и динамика действия выражается в яркости света и интенсивной сгущённости цвета и формы. Тонкость жизненного наблюдения пронизывает все работы Л. Петровой. С

поразительной остротой передаёт она характеры портретируемых. Для этого Л. Петрова обладает достаточным опытом и тонким чутьём, представляющими ей следовать своим вкусам, отдавать предпочтение тому, что соответствует её темпераменту и душевным запросам. Она поступает, как ботаника, которая с одинаковым интересом изучает померанцевое дерево и лавр, сосну и березу; она сама представляет род ботаники, изучающей не растения, а творение человека. Фотопроизведения Л. Петровой обнаруживают преобладающую идею яснее, чем она воплощена в предмете и вещах.

Вид от здания Капитолия на Молл и мемориал Джорджа Вашингтона – монумент из белого камня

Фотоальбом автора – богатое красочное зрелище, передающее острое чувство истории и современности. Все экспонаты отмечены огромной эмоциональностью, объединены волевой целенаправленностью, широким ритмом движения. Л. Петрова создаёт динамическое фото пространство, сближающее изображённое с окружающей средой. В фотоиллюстрациях совмещается множество точек зрения. Иногда произведение, тематически активное, раскрывающее богатый контрастом образ эпох. Им владеет большое жизнелюбие. Она с удивительной чуткостью улавливает красоты антуража. Утончённая культура мысли и чувства характерны для всех представленных в книге образчиков искусства, запечатлевшей разнообразные в оттенках жизненные ситуации, самобытные индивидуальные образы. Это повысило синтетическое восприятие и

расширило полноту охвата жизни. Смена разноречивых оттенков чувств раскрывается средствами фотографии, лёгким вибрирующим её колорита, трепетного, мерцающего, зыбкого.

Автор книги подчеркнула возможности, открываемые фотографией перед искусством. Фотография, показывает автор, действительно стала видом искусства со всеми специфическими особенностями.

Фото способно осуществить ту мечту гётевского Фауста, за которую он отдал душу Мефистофелю: "Остановись, мгновенье, ты прекрасно!" Фотография запечатлевает навечно факт жизни. Фотоаппараты обрели залог бессмертия. Сырая фотография, продукт умелого труда, наш облик точно повторяет и закрепляет навсегда. Специфика фотоискусства состоит в том, что оно даёт изобразительный образ документального значения. Л. Петрова жизненные факты в фотографии почти без дополнительной обработки переносит из сферы действительности в сферу художественную. Оказалось возможным передать в фотообразах её активное отношение к объёму. Это отношение выражается и через ракурс съёмки, и через распределение света, теней, и через передачу воздуха и рефлексов, отбрасываемых предметами.

В заключение приведу стихи Я. Смелякова:

*Живи свой век грешно и свято,
недавно жители земли,
придумав фотоаппараты,*

зalog бессмертья обрели.
Что зеркало?
Одно мгновенье,
одна минута истекла,
и веет холодом забвенья
от опустевшего стекла.
А фотография сырая,
продукт умелого труда,
наш облик точно повторяет
и закрепляет навсегда.

Оксюморон Людмилы Петровой

Книжка ашкелонки Людмилы Петровой «Путешествие во времени и пространстве» (Ашкелон, 2010) – это «мемуарная повесть в стихах с иллюстрациями и комментариями». В ней «рассказывается о жизненном пути автора, о встречах с интересными творческими людьми...» Произведение строится главным образом на верлибре, на интонационно-синтаксической, а на силлабической основе.

Л. Петрова, вероятно полагает, что образ должен стать конкретным, зримым, но без романтической цветистости. При этом не следует избегать повседневного, но читатели, по мысли автора, обязаны смотреть на каждодневное с непривычной стороны. Л. Петрова – противница традиционной метрики, которую готова принести в жертву зрительному аспекту поэзии. Она хочет не подражать старым формам, а найти их эквивалент. Своей книжкой «Путешествие во времени и пространстве» поэтесса настаивает на том, что время, как и сознание, не дискретно, не выделяемо, не едино

направленно и доступно лишь интуитивному постижению. Поэтесса отказывается от условно-оригинального, декоративного стиля, который подхватили его многочисленные имитаторы.

В творчество Л. Петровой врывается история театральной жизни в Ташкенте времен молодости. Перед нами предстают реальные люди, современники, которых она знала лично. Поэтесса чувствует себя свидетельницей рождения «новой красоты». Она вглядывается в её лик. Если раньше красота выступала противопоставлением действительности и мечты, то теперь оксюморон* красоты объединяет земное и идеальное. В таком ракурсе обрисованы в книжке главные её герои знаменитый кинорежиссёр Георгий Юнгвальд-Хилькевич, великолепный Гамлет – Владимир Рецептер, создатель «Театра одного актёра», заведующего кафедрой режиссуры Ташкентского ГИТМСА Иосифа Радуна и др. Автор направил внимание на человеческие черты своих героев. И величайшие среди них обладают той и другой способностью, то есть они в высочайшей степени охвачены жизнью. Символическое начало, составляющее второй план в стихах Л. Петровой, во многом определило путь, по которому пошло развитие её поэтического искусства. Реальная жизнь и поэзия, их соотношение, возможность их синтеза – это и есть новое решение в произведениях поэтессы.

Л. Петрова следующим образом формулирует свой замысел: «Моим намерением было написать стихотворную главу из духовной истории славного

города Ташкента, из которого я репатрировалась, и я выбрала местом действия этой главы только что созданный в Узбекистане Государственный Институт Театрального Искусства им. А.Н. Островского, в котором училась». Принцип стоического оптимизма отразился в этих стихах. Свои мечты и потребности своего времени (теперешнего) Л. Петрова выражает, обращаясь к образам прошлого, к исторически достоверным фигурам, людей большого ума, исключительно смелых, способных выйти на поединок с силами зла. Она способна передать состояние повышенного психологического напряжения и взволнованности.

Фотография – свободное творчество духа.

Удовлетворимся чудом, свершённым в мгновение ока: раскроем глаза и будем, схватывая всё на лету, учиться истинному видению.

Умение видеть – это нечто вроде изобретения. А есть ли изображение безупречнее, чем анестезирующий взгляд чётко видящего глаза, глаза, не затянутого розовой плёнкой конъюнктивита.

В наш век, когда живого всё ещё топчется в области проб и ошибок, фотоаппарат мгновенно даёт практические результаты. У фотографии – новые возможности, рождённые самой природой.

О фантазия фотографии! Она удачливее и проворнее мутных процессов подсознания.

*Оксюморон – стилистический оборот, состоящий в подчёркнутом соединении противоположностей, логически исключающий друг друга (например, «сладкая скорбь»).

Своя ниша в культурной жизни

Жизнь аттракцион и не всегда можно догадаться, какой путь тебе предложит Судьба!

Искусство вышивания – украшать ткань стежками, возникло в глубокой древности и тесно связано с потребностью окружать себя красотой. Покровительницей этого ремесла являлась Богиня Афина.

Художественная вышивка берёт свои истоки из Древней Греции. Свидетельство этому поэма Гомера «Одиссея» (ок. VIII в. до н. э.). Расцветом искусства гобеленов (шпалера) в Египте считается период с IV по VII век. В тканях соединились традиции древнего Египта и эпохи эллинизма. До наших дней дошли не целые изделия, а небольшие по размеру двухсторонние панно-вставки, выполненные шерстяной нитью по льняной основе и отличающиеся изящным тонким рисунком. Композиции вплетались непосредственно в ткань. Источником сюжетов для полотен являлись античные мифы, распространены были изображения фруктов, цветов, животных, орнаментальные композиции. Само слово гобелен возникло во Франции в XVII веке.

Вышивание среди европейских видов прикладного искусства всегда занимало особое место.

С давних времен девушки из благородных семей проводили долгие часы, занимаясь рукоделием, украшая дом изделиями ручной работы.

С этой традицией я столкнулась, побывав в гостях у поэтессы из Беер-Шевы Раи Гутман. Приятное удивление охватило меня, когда я смотрела на gobelены, которыми она украсила комнаты дома.

Искусство – только один из способов жизни, а жизнь щедрее, чем оно.

Сказочная природа удивительной красоты отраженная на вышитых картинах Раи Гутман, приносит радость, мироощущение спокойствия и чистоты. Действительность оказалась ярче самых смелых предположений. Приходило счастливое ощущение значительности происходящего.

Автор отличается оригинальностью композиционных решений, особым поэтическим настроением, стремится найти тонкую цветовую палитру, определяющий темп декоративных работ.

Она как бы говорит: " Я просто человек, рассказывающий историю своей жизни, и чем дальше продвигается этот рассказ, тем более я его чувствую неисчерпаемым. И он представляет собой выворачивание всего сокровенного".

Творчество, как сама жизнь, есть странствие с целью чего-то постичь. **Оно** – метафизическое приключение: способ косвенного познания реальности, позволяющий обрести целостный, а отнюдь не ограниченный взгляд на Вселенную.

Р. Гутман глубоко и зорко видит и понимает, сверяет палитру цветов и совершает действие.

На полотне с помощью простой иглы и нитей в процессе трудоёмкого кропотливого труда рукодельницы возникают причудливые узоры,

поражающие своим колоритом, яркой цветовой игрой, ритмическим повтором элементов и последующим их гармоничным сочетанием. Художественная вышивка стала не только произведением искусства, но и пользовалась популярностью и спросом покупателей, даря ощущение оригинальности и невероятной притягательности.

Портретам Р. Гутман предпочитает сюжетные мотивы, они дают ей больше пространства для творчества. На ее картинах люди взаимодействуют друг с другом, с природой, с интерьером - это не просто изображения, это целые истории на холсте. Она интересно наполняет свои произведения различными деталями, которые превращают ее гобелены в настоящие шедевры.

Ни одна машинная вышивка не может сравниться с вышитыми картинами, которые создают особую атмосферу уюта, роскоши и комфорта в доме.

Менее всего притязая объять целое, автор стремится только донести своё ощущение целого в каждом фрагменте. Я заметила, что в ней развивается способность постигать, улавливать, соединять, устанавливать каждый нюанс, выражать их – причём все сразу. Она просто извергает вызревшее действие, подчиняясь своей интуиции, открываясь в своём стиле, в том который она создала для себя.

Её гобелены, вышиты с чуткостью и любовью. Способ создания на рисунке объема и цветовых

переходов одинаков. Нити разных цветов переплетаются и дают эффект постепенного изменения тона и ощущение объёма. Изображение подготовительного рисунка в цвете в натуральную величину, выполнено на основе эскиза художника. Автор создаёт свой неповторимый гобелен, используя более близкую ему цветовую гамму.

Техника производства требует от рукодельницы много терпения, опытности и художественных познаний: хорошим мастером может быть только образованный художник, отличающийся от настоящего только тем, что изображение он создаёт не красками, а цветной нитью. Он должен разбираться в рисунке, колорите и светотени как живописец, а кроме того, обладать ещё и полным знанием приёмов вышивки и свойств материалов.

Я смотрела и не могла оторвать глаз, казалось, что я попала на художественную выставку в галерею художника. Взглянув поближе на созданные Р. Гутман удивительные гобелены, передо мной открылась цветовая магическая палитра красок. Это просто завораживающая магия, невозможно отвести глаз. Её дар не вызывает сомнений, она блистает всеми гранями своего таланта. Впечатляет крепость духа, уникальное и сложное мировоззрение.

Довольно часто бывает невозможно подобрать нити разных оттенков одного цвета, поэтому ей приходилось в процессе работы подкрашивать нити.

Вышивка считается одним из наиболее популярных и востребованных видов рукоделия. Благодаря этому искусству, мы получаем очень

красивый орнамент, которым можно украсить все, от женской одежды, до столового белья.

Техника вышивания может точно имитировать мазки кисти, позволяя рисовать иглой пейзажи, натюрморты, жанровые картины.

Одарённый иллюстратор и автор картин вышивает, идеально подбирая цвета ниток, благодаря чему гобелены получаются очень текстурными и реалистичными.

Р. Гутман ещё справедливо называют лириком. Она не только мыслитель, но и человек сильный, страстный, не похожий ни на кого, на редкость энергичный.

Р. Гутман вообще никогда ничего не умеет делать вполсилы. Чарует многообразие оттенков, совсем как на палитре художника. Она решила соединить живопись и вышивку - и вот, вместо мазков кисти на холст ложатся стежки, а различная толщина и текстура ниток делает изображения объемными и многослойными. С расстояния картины Р. Гутман выглядят, будто нарисованные маслом, и этот оптический обман придает ее гобеленам особый шарм.

На вышивках мастера можно увидеть настоящие произведения живописи. Прекрасные пейзажи оживают на ее гобеленах.

Мы редко замечаем людей, которые живут рядом. Об этом авторе уже составлено мнение, она заняла свою нишу в культуре.

Уроки литературной критики

I

Своя правда /В зеркале очерка/

«Несбывшаяся надежда» - это присланный в редакцию нашего журнала очерк молодой израильтянки Риммы Мушаиловой. Да, это очеркового типа рассказ, раскрывающий нравственно-бытовое и нравственно-гражданское **состояние** определённой среды, **экстраполированное** на всё общество «русских израильтян». Очерк – это разновидность малой формы эпической литературы с большой развитостью описательного изображения. «Несбывшаяся надежда» затрагивает отнюдь не проблему становления характера в её конфликтах с устоявшейся общественной средой, а вопросы гражданского нравственного состояния «среды», воплощенной в отдельных личностях. Рецензируемое произведение творчески типизирует характеры в «нравоописательном» аспекте. Очерк «Несбывшаяся надежда» по преимуществу публицистический, выражающий злободневный интерес к определённому состоянию социальной жизни. Этот очерк, точно воспроизводящий реальные факты и явления, сопровождает описание прямым истолкованием и оценкой автора.

Такой очерк мы рассматриваем как жанр публицистики. Этот подлинный очерк состоит из

эпизодов, связанных лишь внешней, причинно-временной последовательностью. Вводится образ рассказчицы, описывающей встречи и разговоры с героиней, передающей свои наблюдения, впечатления и обобщения (нравоописательные интересы) в социально-критических зарисовках характеров и бытовых сценках.

Какова цель автора? Разумеется – воздействовать на современное общественное мнение и нравы. Картины действительности, бытовые сценки, человеческие характеры возникают как аргументы, почерпнутые из самой жизни, как предмет анализа; они вместе с тем служат эмоциональной почвой, «раздражителем», поводом для обличения или «запроса в инстанции». Очерку «Несбывшаяся надежда» близки интонации, строй и функции ораторской речи. Это напоминает использование газетно-журнальных жанров (фельетон, «открытое письмо» и т.д.).

Закономерен вопрос: «В чём же художественность рецензируемого произведения?». Художественность очерка заключается в способности Риммы Мушаиловой выразить в лицах свою мысль так, что читатель, прочтя очерк, совершенно так же понимает **мысль** автора, как и сама сочинительница понимала **её**, создавая своё произведение. Скажем так: художественность в писателе есть способность писать хорошо.

Авторская точка зрения Риммы Мушаиловой даёт о себе знать не декларативно, а в самоочевидности созданного. Тайна художественной

объективности коренится в умении автора «Несбывшейся надежды» **отторгнуть** свои творческие намерения от психологически производного источника, как бы отказаться от интимной связи с ним, чтобы обрести **их** в художественной инаковости. Такое выделение замысла из душевного мира и житейской памяти автора в образную данность открыло перспективу: сочетать волнение со спокойным сосредоточенным взглядом «извне», необходимым для художественной работы.

В очерке Риммы Мушаиловой есть своя правда, **СВОЙ** трепетный внутренний мир, ощутимо закреплённый в **авторской акцентуации**, позволяющей отличить истинную интерпретацию от ложной, посторонней **правды замысла**. А.П. Чехов в подобных случаях говорил: «Правдиво, то есть художественно».

II

Память жанра (Напоминание о старине)

Мастерство плюс безупречная нравственность

Опираясь на опыт мировой классики, Римма Мушаилова из Ашдода написала прозаическую миниатюру «Микки», создав гармоническое народное повествование, развитое до литературного факта. Читая это предельно лаконическое произведение, я буквально растворялась в

прозрачной чистоте воздуха, ощущая лёгкость в теле, ясность в голове. Природа сыплет своё богатство в подол каждому. Разум нас обманывает чаще, чем природа. Ему не дано исправить природу. Разум не знает нужд сердца. Милая чувствительность! Неисчерпаемый источник всего драгоценного в наших радостях и горестях. Чувство предшествует мысли и всегда господствует над ним. Когда мне случается раскаиваться в чём-либо, совершённом по велению чувств, я утешаю себя мыслью, что действовала по рассудку. Нельзя сомневаться в правоте чувства. Нужно жить так, будто никогда не умрёшь.

В миниатюре Р. Мушаиловой определённая система символических действий, **пронизанных** стихийной диалектикой в образной форме, народной правдой о мире, о бытии и времени. Герои вступают в область вольного, чистого – без дистанции – отношения человека к человеку и к природному миру. Вся миниатюра – короткая лиро-эпическая песня. В центре – образ русского народа со своей особой, исполненной драматизма судьбой. Всюду стремление к психологическому углублению характера героев-современников.

Следует обратить внимание на т.н. «память жанра» **миниатюры «Микки»**, на устойчивость её архетипических констант и на клишированные приёмы фольклорной поэтики. Сказанное упрочивается смеховым началом, которое является её двойником и спутником, его постоянно звучащим эхом. В свои права вступают игровая фантазия,

комизм положений, остроумие и игра парадоксов. По содержанию смех (скорее улыбка) универсальный и амбивалентный – в его тоне хула и хвала. А в свертоне всего произведения нравственная безупречность. Во всей миниатюре нет ни одного слова, которое прямо или косвенно не вело бы к задуманной цели.

Молодые, одарённые люди воображают, будто утратят оригинальность, признав правильным то, что признано другими. Подлинное искусство всегда выразитель неизречимого. Здесь повсюду узнаётся уверенная и грамотная рука, и читатель обратит внимание на возникновение у Р. Мушаиловой этого ренессансного благополучия, которое настраивает и одухотворяет её творение, такое простое, естественное и наивное в своей искусности.

III

Чудаки в юморесках Александра Лифшица

Анализируется первое поступившее в редакцию произведения без предварительного отбора и аттестации – редакционный экспромт.

Ашдодец Александр Лифшиц прислал в редакцию нашего журнала две юморески – «Благородный характер» и «Семейный коэффициент умственных способностей человека». В них он сочетает внешне комическую трактовку с внутренней серьёзностью. Его юмор своенравен, лично

обусловлен, отмечен отпечатком своеобразного умоощущения, порождает нечто вроде «нравственного настроения». Рефлектируя, А. Лифшиц настраивает на вдумчивое («серьёзное») отношение к предмету насмешки, на постижение его «правды», на оправдание «чудака». Изображение «чудака» у автора свободно от односторонностей общепринятых стереотипов. Писатель находит подлинную природу вещей - за смешным грустное. С другой стороны, комически снижая свой предмет, А. Лифшиц низводит возвышенное с котурнов, делает смех трогательным и добродушным.

Автор проявляет способность осторожно и вдумчиво сочетать всё это с иронией и даже с сарказмом. В иронии А. Лифшица смешное скрывается под маской серьёзности с преобладанием «смеющегося». Здесь ирония мнимая, её природа – чисто артистическая. Эффект иронии обнажает внутренний аспект – цель затеянной игры. Юморески А. Лифшица конечно же написаны в стилистике играющего остроумия. За комическим интуитивно постигается его внутренняя сущность. «Ключ» к иронии содержится в контексте. Когда ироническая насмешка становится едкой издёвкой, её называют сарказмом. Скрытность насмешки, маска серьёзности отличает иронию от сатиры.

Ироническое отношение реализуется здесь с помощью гротеска – причудливого сочетания и контраста фантастического и реального, правдоподобия и карикатуры; с помощью парадокса, когда суждение резко расходится со здравым

смыслом; с помощью пародии, которая выворачивает наизнанку холодные сентенции и заповеди – пародия вводится для большей выразительности.

Юморески А. Лифшица зрелы и отличаются художественной завершённой и лаконизмом содержания и формы.

*Жизнь – нелёгкое занятие,
а труднее всего первые сто лет.*

Уилон Мизнер.

Приговорённость к творчеству

Новое произведение – рассказ «Са-Нур – деревня художников» - писательницы, доктора философии, академика ИНАРН Дины Ратнер (Иерусалим) содержит предваряющее его лаконичное введение от автора: дескать, «в настоящем рассказе три рассказа: о встретившихся в Са-Нуре когда-то любивших друг друга людей, о деревне художников – райской обители - и о приговорённости к творчеству».

...Однажды москвич Андрей увидел на многолюдной улице лицо своей бывшей жены. Он остановился пораженный, затем ринулся следом, но видение исчезло. Сорок лет прошло с той поры, как Андрей расстался с женой Соней. После развода дороги их не пересекались. Сейчас перед ним сидела седая женщина. Из настоящего облика выплывала двадцатилетняя Соня. Андрей тогда никак не мог поверить, что она, такая впечатляющая красавица, приехала в Москву из провинциального города. Теперь она живёт в домике-караване в еврейском поселении «Са-Нур».

- Как тебе живётся в Израиле? – спросил гость из Москвы Соню, когда приехал в Израиль на две недели по туристической путёвке. Оба они – русский

парень Андрей и еврейка Соня – некогда были питомцами Суриковского училища в Москве.

- Для меня Израиль дом родной, - ответила бывшая жена Андрея.

Вспоминали прошлое, говорили о настоящем – в Москве и в Израиле. Сравнения оказались не в пользу Москвы: в Израиле люди приветливые, доброжелательные, а в Москве – «хмурые, словно с похмелья». Далее во время беседы возникли сравнения ещё более контрастные.

А Са-Нур («Несущий свет») между тем – деревня художников, и её охраняют от арабов израильские солдаты с бронетранспортёрами. Мальчики, ещё дети.

- Совесть мучит, что они защищают нас, а не мы их, - говорит Соня.

Жизнь в Израиле поначалу представлялась испытанием, своеобразным экспериментом. Но всё сложилось прекрасно. Можно жить и работать.

- А в России, - замечает Соня, - я всегда ощущала себя инвалидом пятого пункта... Слава Богу, что Возрождение Израйля – исполнение библейского пророчества.

Следует заметить, что Андрей – бывший муж Сони – человек с отчётливо выраженным антисемитским душком.

Есть такое понятие – генетическая память. Соня непрерывно обращается к ней.

...Вот вам и вся экспозиция произведения, пересказанная почти полностью исключительно словами автора рассказа. Впрочем, то, что обычно

называют экспозицией, вторгается отдельными фрагментами на протяжении всего сочинения.

Соня и Андрей – оба скульпторы. Искусство, размышляет Соня, это осмысление действительности, это своего рода защита от страха небытия, попытка найти ответ на вопрос: что я в этом мире? Человек спасается творчеством.

«Са-Нур – деревня художников» это рассказ в рассказе, сохраняющий композицию замкнутого повествования, сгруппированного вокруг эпизода, события, человеческой судьбы. Произошла обыкновенная история, осмысленная в её внутренней значительности. Сохраняется свобода перехода от одного эпизода к другому. Почти незаметными средствами создаётся эмоциональная окраска каждого эпизода. Нельзя не обратить внимания на свободу и гибкость эскизной формы, натуральность, поэтичность рассказа, на пластичность художественного изображения, гармоничность и лаконизм. Внятное взаимодействие характера и обстоятельств, повышенная экспрессивность, резкость светотеней – свидетельства того, что Дина Ратер точный и меткий наблюдатель. Вылепливая свои характеры, она с поистине научной пунктуальностью следит за тем, чтобы у читателя составлялось адекватное представление о рассказанном. Писательница проявила особую глубину этико-психологического анализа жизни, поскольку всё осмысляется через призму нравственного конфликта и психологических коллизий. Человек интересуется Дину Ратнер в

комплексе проявлений, в полноте его существования в мире. Отсюда полифония точек зрения повествовательницы. И как следствие – умение показать, как внешнее переходит во внутреннее, как один человек почти в одно и то же мгновение может быть таким разным и противоречивым. Каждый персонаж имеет свою индивидуальную характеристику, у каждого даже свой тон речи. Автор обращает внимание на самые разные проявления личности: внешние данные, поступки, манеру поведения. Насыщение текста значащими деталями позволяет почти отказаться от авторского вмешательства в повествование. Автор просто живёт вблизи своих персонажей. Это помогает прояснить проблему его точки зрения. Д. Ратнер живёт в постоянном и тесном «общении» со своими персонажами, ощущаемом как реальность. Главный слой в рассказе – это психологические мотивы в жизни человека, переменчивость его внутреннего мира, который можно разглядеть, внимательно всмотревшись в то, как человек говорит, смотрит и двигается. Д. Ратнер стремится познакомить читателей со своими персонажами так близко, чтобы детища её мозга стали для них говорящими, действующими, живыми людьми. Она досконально знает их.

Как уже сказано, рассказ объединяет три самостоятельных рассказа. Ни один из них, вероятно, нельзя извлечь из произведения, не нарушив целого. Гармония частей рождается тем, что судьбы героев естественно переплетаются и перекрещиваются в

одном рассказе. Решает эту художественную задачу продуманная поэтика. Д. Ратнер использует принцип параллельного развития. Она с глубоким историческим прозрением изображает новые политические и экономические параметры жизни. Её также интересуют общечеловеческие темы: любовь, ненависть, ревность, раскаяние, испытания и возрождение души. Мир рассказа делится не на хороших и плохих, а на тех, кто живёт истинно и ложно. Это не бесплотные, ангелоподобные существа. Правда скрыта в точности деталей. В реконструкции прошлого автор не позволяет себе неточностей. Эмоции, через которые просматривается история, история, определяющая эмоции – такова внутренняя диалектика рассказа. Автор – писательница воспоминаний не только своих, но и наших. Она – прошлое каждого из нас. В образы рассказа она вложила многие собственные черты, а в их уста – многие свои мысли. Рассказ побуждает читателя активно вторгаться в текст и самостоятельно судить об изображённом. Это тот случай, когда субъективность повествования даёт возможность автору сделать картину более достоверной. Образы отнюдь не заданы окончательно, характеры находятся в постоянной эволюции благодаря большой временной протяжённости повествования. Перед читателем развёртывается картина духовной жизни эпохи, фиксируются наблюдения над жизнью и взглядами людей. В то же время характеры, созданные

писательницей, сами ведут её, а она лишь следует их указке.

Жанровое и сюжетное своеобразие рассказа связано с раскрытием отношений личности и общества. Для них «как быть?» равнозначно «быть или не быть». Муки самоопределения сопровождаются сильными переживаниями и решительными требованиями правды. Бодрое мироощущение в Израиле утверждается без трескучей риторики, не прибегая к бодряческим назиданиям. Убедительности мажорного тона рассказа способствует мастерство Д. Ратнер, убедившей нас видимой достоверностью каждого эпизода, большими дозами самобытного мышления.

Теория литературы

Зеркало жизни

Размышление над книгой «В Гефсиманском саду» Марины Меламед

Интерпретация произведения – это момент духовного общения критика с автором. В книге «В Гефсиманском саду» Марины Меламед, изданной в Иерусалиме в 2009 году, действие и событие выдвинуты на первый план. Каждая глава у неё автономна и выражает её усилие выплеснуть ощущение предмета. Мысль вызревает внутри главы, посреди настроений, звуков и важнейших для неё частных. Её искусство вмещает возможно больше от жизни, при этом оставаясь самим собой. Она полагается на собственный внутренний голос, внемлет ему. Нас не занимают такие вещи, как литературное совершенство; искать совершенства – значит проявлять мелочность духа, ибо тем самым писательница признаёт существование непререкаемой духовной власти вне её самой и хочет подладиться к ней. Создание художественного произведения может определяться какой-то одной эмоцией или несколькими взаимосвязанными, и различные переживания, которые для автора таят в себе слова, фразы и образы, могут дополнять эту эмоцию, придав сочинению завершенность. Впрочем, можно ограничиться лишь переживаниями.

В «Прологе» М. Меламед пишет: *«Древние камни Иерусалима так прекрасны, просто дух захватывает... Единственное место в этом мире – это Гефсиманский сад и его древние оливы...*

Неизвестно, кто его посадил – он был всегда. Остаётся предположить, что посадил его не иначе как сам Всевышний..., а люди ходят рядом, думая о своём...»

Дело было в Иерусалиме, возле старого города, там, где исчезает линия горизонта, а небо распахивается во все стороны. Справа – часовенка, слева – женский монастырь, вверх и прямо – Старый Город. Вокруг деревья, трава, пахнет летом и кричат неведомые птицы... Гефсиманский сад был рядом. И рядом был мой приятель Женя, социальный работник, - рассказывает автор. – Теперь он живёт в Париже. Но на самом деле – везде. А я выбрала жить в Иерусалиме. О чём-то с ним беседуем под оливами... Недавно мне приснилась Лестница Якова.

...Появляется вездесущий Женя – Евгений Борисович, хотя он уже собирается в Амстердам. Замуж вышла по недосмотру. «Муж сочинял сказки, не думая о социальной активности». Лёня (так звали мужа) развёлся, а Алина единственная дочь, через пару лет сбежала к папе. Лишь вдруг бывшая жена поняла, что роднее этого человека в её тридцатипятилетней жизни нет никого. Оказывается, что человек иногда может быть счастлив. В виде исключения.

Между тем Женя зовёт героиню в Париж. Чем тебе Париж не угодил? Я теперь стал совсем парижский человек из Кишинёва.

Тем временем в Израиле совершается теракт. Гибнут люди. Жизнь стала такой неожиданный.

А Женя то прилетает, то улетает. Каждая картина мишура рискует превратиться в событие и уйти в неведомое... Улица перекрыта демонстрацией протеста учителей против низкой зарплаты.

Сознание М. Меламед – поистине воспринимающее устройство, которое улавливает и хранит бесчисленные переживания, слова, фразы, образы, остающиеся в нём до той поры, пока частности, способные соединиться, создав новую целостность, не окажутся совмещёнными в нужной последовательности. Дело не в интенсивности эмоций и отдельных компонентов, а в интенсивности художественного процесса, в степени давления, под которым происходит слияние этих компонентов.

М. Меламед не выражает некую «личность», но служит своего рода медиумом, являясь лишь средой, а не индивидуальностью, в которой впечатления и опыт реальной жизни сочетаются в неожиданных комбинациях. Можно говорить о структурно организованной эмоции в её книге.

Творчество для писательницы – это не простор для эмоции, а бегство от эмоции и это не выражение личного, а бегство от личного. Она обладает и собственной личностью, и эмоциями и поэтому понимает, что это такое – хотеть от них избавиться. Очевидно, разум – это нечто божественное и потому автономное.

Эмоции, выраженные искусством М. Меламед, безличны. А достичь этой безличности писательница не может, если полностью не подчинит себя

создаваемому ею произведению. И она навряд ли узнала, чего необходимо достичь в произведении, если жила лишь собственно сегодняшним, а не сегодняшним моментом прошлого, осозная не то, что умерло, а то, что уже живо. М. Меламед копает по-настоящему глубоко. В результате её книга «В Гефсиманском саду» стала изумительно насыщена по содержанию и совершенна по форме, вгрызаясь в самые глубины человеческого опыта. Каждая глава (в произведении она именуется «Тетрадью») содержит в себе заданные параметры: «Первая тетрадь. Время собирать листья», «Вторая тетрадь. Книга царств», «Третья тетрадь. Время разбирать стены», «Четвёртая тетрадь. Пешком на седьмое небо», «Последняя тетрадь. Когда мы вернёмся». Это типичные короткие рассказы. В этих «тетрадах» речь идёт о событии, характер которого может полностью раскрыть одна ретроспективная вспышка. «В Гефсиманском саду» – это развёрнутое полифоническое полотно. Сознание писательницы – зеркало жизни, а её книга – отразившаяся в этом зеркале жизнь.

Насущные вопросы школьного образования

Тревожные сигналы

Периодически в Израиле возникают всплески всеобщего интереса к школьному образованию. О реформе школы в Израиле идёт речь в книге Ефима Шиндельмана "Чтобы не было потеряны дети" (Хайфа, 2013 год). Учитель, член Дома учёных Хайфы, он, как сказано в предуведомлении к книге "раскрывает многие аспекты и положение дел в израильской школе..., высказывает своё видение реформы общеобразовательной школы" в Израиле..." "Нужна система образования, при которой наши дети в школах будут получать твёрдую основу знаний и хорошее стабильное воспитание".

Е. Шиндельман рассматривает образование как процесс и результат усвоения систематизированных знаний, умений и навыков. Он верно полагает, что основной путь получения образования – обучение в школе, где оно тесно связано с воспитанием, процессом систематического и целенаправленного воздействия на духовное и физическое развитие школьника. Воспитание служит формированию всесторонне развитой личности.

Автор книги считает, что "в израильской школе тема воспитания не является составной частью учебного процесса". В результате анализа автор приходит к мысли, что "современная общеобразовательная школа Израиля в целом не

справляется со своей фундаментальной задачей – формированием нового поколения, способного на интеллектуальном и нравственном уровне содействовать прогрессу общества". Необходима реформа общеобразовательной школы. Между тем в израильских школах низкий процент успеваемости, а общий уровень израильского образования из года в год слабеет.

После детального изучения израильской практики автор приходит к печальному выводу: "Сегодня смысл и цель школьного образования – натаскать учеников на решении экзаменационных задач, а не привить им навыки самостоятельного мышления".

Огромное количество учащихся бросают школу. Автор приводит множество удручающих фактов опасной деградации школы. Так, один из выводов, сделанных на основе прогнозов Центрального статистического бюро, – в системе образования к 2018 году будет не хватать более 7,5 тысяч учителей.

В книге "Чтобы не были потеряны дети" содержится разные проекты "системного реформирования образования". Произведение содержит множество поистине ценных рекомендаций и конкретных предложений для коренного улучшения школьного образования в нашей стране, демонстрирует образцы лучшего опыта обучения и воспитания учащихся. Чрезвычайно интересным представляется проект "Детского центра науки и искусства". Автор весьма обоснованно ратует "за

серьёзную реформу израильской школы", предлагая конструктивные проекты.

Весьма примечательны последние строки книги Е. Шиндельмана: *"В настоящее время в этом сложном, насыщенном конкуренцией современном мире победителями будут те стороны, которые по-настоящему учат своих детей думать и решать проблемы уже со школьной скамьи. Я искренне хочу, чтобы наша страна была среди победителей в этой конкурентной борьбе"*.

Остаётся выразить надежду, что сенсационно-актуальная книга Е. Шиндельмана станет тревожным сигналом и поводом для коренных преобразований в жизни израильской школы.

В книге "Чтобы не были потеряны дети" приводятся ужасающие факты провала системы образования и воспитания в школе. Настоящая статья отнюдь не воспроизводит изложенных в произведении вопиющих фактов, связанных с образованием и воспитанием в школе. Призываю каждого работника просвещения внимательно вчитаться в поразившие нас явления, приведшие к позорному состоянию обучения и воспитания в израильской школе.

В соавторстве с Валентиной Митник

Поэтический самоанализ

Валентины Чайковской

Эстетические раздумья

Двадцатилетие алии исследователи поэзии обычно называют «сумеречным промежутком»: на первый взгляд, и правда эти годы производят впечатление эпохи эпигонства. Это впечатление не совсем верно. Романтическая традиция перестаёт соответствовать коллизиям и проблемам времени, которые принесли рубеж веков и новое столетие. Появилось большое количество дебютантов, главным образом из среды сублиматов, которые стремились говорить о живой сегодняшней действительности Израиля. Израильский журнал «Русское литературное эхо» стал тем горнилом, из которого вышли важнейшие направления в израильской русской поэзии нашего столетия. Журнал сумел объединить большой отряд писателей-неофитов. Взлёт подготавливался, по меньшей мере, с начала 90-х годов XX века, когда поэты выстраивали свою модель резко сменившейся действительности, отразившей тревоги времени. Река исторического времени словно бы разбивается на множество потоков и рукавов. Но её глубокое течение непрерывно. Разнобой между призванием и судьбой – вот, пожалуй, самый неотступный мотив

стихотворений, обычно представляющих собой лаконичные портреты-характеристики «новых израильтян», которые продолжают жить, тосковать и оплакивать подчас карточные домики рухнувших надежд.

Общей стала страсть к экспериментам, жажда обновления арсенала выразительных средств. Перед участниками журнала «Русское литературное эхо» стояла общая цель. Необходимо было найти действенные средства, принципы видения, которые позволили бы поэзии передать облик современности, выразить особенности сознания человека, для которого наступила новая историческая эпоха. И дело шло о том, чтобы найти образные соответствия ритмам реальности, строю чувств репатриантов. Надо было находить точные слова взамен пустых красот и банальностей, пленявших некогда наше советское воображение. Так формировалась поэтика точного слова. Выспренность и патетика вызывали у нас идиосикратизм. Главное – передать подлинную атмосферу современной жизни. Эта объективность способствовала творческому становлению поэтов самой разной ориентации, включая и такой, как Валентина Чайковская, обладающая тонким вкусом. Она принадлежит к новому поэтическому поколению, из сплава которого возник художественный язык, которого требует время. Можно говорить лишь о некоторых общих направлениях развития

поэтики, наметившихся в последние двадцать с лишним лет и доказавших свою не случайность последующим опытом. Одно из таких направлений обозначилось в творчестве В. Чайковской. Она сумела пошатнуть взгляд на поэзию как на бесконтрольное «лирическое» словоизвержение. Она ратует за строгость формы, за содержательность и глубину.

Радость повседневного общения с природой, остро переживаемый разлад между её гармонией и драматизмом будничного существования человека – мотивы, которыми заполнены новые стихотворения В. Чайковской. У неё нерасторжимы природа – личность – человечество, а вместе с тем отношения внутри этого единства глубоко драматичны.

Израиль стал купелью писательского крещения В. Чайковской. Она тянулась к жизни с её некнижной свежестью. Смена внутренних вех бывала подчас столь решительной, что влекла за собой бегство «на природу», насыщенную звукопереключкой «волхований» и лирических прозрений, бурлением фантазий.

... Передо мною рукопись цикла стихотворений на украинском языке израильской поэтессы Валентины Чайковской. Книга ждёт издателя. Наше отношение к творчеству этой сочинительницы настолько велико, что мы, опережая издателей, пожелаали без промедления высказаться здесь и сегодня.

Элегии В. Чайковской представляют собой монолог – но это только трамплин для её фантазии, для её углубления в себя. Художественный опыт важен как ступень в развитии украинской поэзии. Поистине, мудрость – это знание того, как быть счастливой. И весь сборник стихотворений – ликующий гимн счастью.

Природа в стихотворном цикле В. Чайковской дана в непрестанной смене красок и звуков. Описательный элемент преобладает над субъективной рефлексией («Карпатський світанок»). Поэтесса рисует спокойные украинские пейзажи («В колисці кохання»). Она не слишком увлекается деталями; её образам присуща обобщённость. В свободной форме раздумья или беседы с воображаемым собеседником развивает она свои взгляды на человека и его предназначение. Бурно-эмоциональный стиль стихов богат множеством оттенков: пылкая восторженность, уныние, печаль, элегия сливаются здесь воедино. Поэтесса ищет утешения и естественности в уединении, на природе («Бог сотворил природу, люди – города»). Для неё характерна лирическая трактовка скромных, маленьких радостей интимной жизни («У вельоні білесеньких надій»). В. Чайковская – поэтесса «обыденного». Лирическое восприятие природы в сочетании с мечтательной рефлексией поэтессы, непринуждённость, естественная интонация,

задумчивая элегичность – бросающиеся в глаза достоинства стихотворений. Каждое стихотворение – чудесная зарисовка с натуры. И каждое глубоко лично («Весёлка»). Всё вместе – интуитивное ассоциативное восприятие мира, рождающее множество связей и картин. Стихи гуманны, согреты человеческой добротой; язык отточен («Сонечко в горнятку»).

Каждое стихотворение – упоение жизнью, летучие мгновенья бытия («Чи Сонце самотнє? Не вірю нізачо. Ця зірка промінням себе роздає!»).

Цикл стихотворений В. Чайковской – это книжка со сквозным сюжетом; это лирическое повествование. Ведущий жанр здесь – элегия. Светлой печалью и меланхолией наполнена каждая строка, изобилующая оксюморонами, стилистическими оборотами, состоящими в подчёркнутом соединении противоположностей, исключающих друг друга (сладкая скорбь).

Поэтесса делает акцент не на событии, а на переживании, на настроении, событием выраженными, на раскрытии внутреннего мира лирической героини («Найвища цнота у мовчанні!»). **Мир природы** занимает в её стихотворении большое место, он раскрывается через восприятие лирической героини, подчёркивая или контрапунктируя её переживания и настроение. У В. Чайковской ощутимо стремление к ясности и сжатости, к уравниваемости и чувству меры. Стихи

отличаются своим интеллектуализмом и медитативным характером. Изображение душевной жизни, чувствований, воспоминаний характеризуется направленностью в область раздумья, размышлений.

В. Чайковская владеет приёмом наглядности, достигает искусства в психологизации тропа посредством образного выражения понятия или явления через метафору, метонимию, синекдоху, аллегория, гиперболу, что позволяет увидеть любую жизненную реалию через призму личностного восприятия. Её лирика основана не столько на логических предметно-понятийных связях, сколько на ассоциативном сочетании дополнительных смысловых и интонационных оттенков, что позволяет ей передать глубинные, подчас смутные ещё движения души. Вместе с тем у В. Чайковской заметно движение от фигуральной речи к автологии, употреблению слов в их собственном смысле, в противоположность переносному значению. Графичность поэтического рисунка явственно видна в стихотворении «Касія і вітер».

Реальность познаваема, когда в процесс познания вносится элемент поэтического воображения, вживания в ситуацию.

В цикле стихотворений поэтесса разрабатывает несколько тематических лейтмотивов. В них она воплотила своё ощущение противоречий, корнящихся в самой

натуре человека. Ощущается выстраданное сознание неосуществимости человеческих порывов и идеалов в силу быстротечности времени («Чиста ясочко зоряних мрій!»). Итак, в лирическом цикле стихотворений как бы скрестились противоположные литературные тенденции, связанные единым развивающимся сюжетом — дневником любви лирической героини («Чи можливо?», «Свитанок», «Осінь», «Потреба»). Поэтический мир Валентины Чайковской прост и понятен, он созвучен душе каждого читателя.

История плюс внутреннее зрение

«Пошёл только пятый день с момента окончательного овладения римлянами Йерушалаимом! Уже несколько раз всходило и садилось солнце, и на небе зажигались звёзды, и продолжала жить земля, уже без Великого Храма, ибо его сожгли римляне, уничтожили, ограбили, разнесли храмовые сокровища, сожгли верхние галереи со спасающимися на них иудеями, население Йерушалаима, ещё дышащее на момент взятия, вырезали, сам город – разграбили, а затем подожгли со всех сторон... Храм и всю городскую стену император велел скрыть с лица земли, чтобы и мысли у пришедших сюда не возникало о том, что когда-то здесь была иудейская столица». Так начинается повествование Ирены Голды.

Отдавая должное тому, как взялась – решительно взялась Ирена Голда за написание повести «Йегуда Бен Ицхак» об Иерусалиме времен разрушения второго Храма, и как она убедительно продемонстрировала силу непосредственного чувства и как чётко и ясно осветила подробности варварского нашествия римлян, можно сказать, что ею предпринято нужное дело и потому заслуживает всяческой похвалы – как за саму идею, так и за её осуществление.

Герои повести наделены универсальными чертами, общими для их круга того времени: не такими, какими они могли бы обладать, но такими, какие априори должны быть присущи им как данным

личностям. Их манера поведения и переживания порождены условиями, в которых они находятся.

Язык повествования приведён в согласие с законами грамматики, которые есть не что иное, как законы обыкновенной логики, применяемые в отношении материала психологического содержания; необычайно удлинённые фразы не утомляют, а, наоборот, настраивают на античную мелодию рассказа, в котором автор старается не опустить ни одной детали, ни одной подробности жизни и героической борьбы иерусалимцев за своё святилище. Так достигается взаимосвязь между обрисованными явлениями и фактами, которые ведут к выявлению общего, т.е. целостного ощущения переживаемого времени. Авторская речь закрепляет устойчивые символические обозначения за описанным, воскрешает в нашей памяти всё то, что доводилось слышать от наших духовных наставников или читать в религиозных и научных книгах. Такая речь более философична, чем произвольные и прихотливые формы выражения. Это к тому же язык здравого смысла и естественного чувства. Композиционное построение и порядок предложений уместны, естественны и метрически организованы на создание некоей мелодии, имитирующей древность. Это как со стороны ощущений, так и со стороны внимания. Эпический, величавый язык повествования непрерывно возбуждает в нас удовлетворяющее любопытство, возбуждает интерес сознания. Наши внимание и ощущения приводятся в возбуждённое состояние,

заостряют интерес. Божественные откровения религии явлены нам как тонкие движения души рассказчицы.

Во все времена была тайна мира, которая на своей высоте и глубине мудрости представляет не меньшую ценность, чем всё, что зафиксировано в истории. Она доступна лишь нашему внутреннему зрению.

То, что рассказывает Ирена Голда, не касается ни нашей жизни, ни нашего времени, а относится к далёкому прошлому, когда закладывались основы последующего и теперешнего состояния духовного развития еврейского народа. Повесть открывает перспективу вдаль, чтобы со всей отчётливостью предвидеть ужасы и надежды будущего.

Некоторые люди видят в своём веке не что иное, как руины утраченного, и их жизнь является лишь элегией на гробнице прошлого. Повесть «Йегуда Бен Ицхак» настраивает на усвоение духа древнего еврейского народа во взглядах и поступках. Духу нашего времени подобает отчитаться перед современностью, посоветовавшись с прошлым и будущим, с тем, чтобы из самих себя определить цели наших действий.

В конце повести как гимн святой земле звучат обращённые ко всем евреям мира символические слова «До встречи, в следующем году, в Иерусалиме!» Барух ашем!

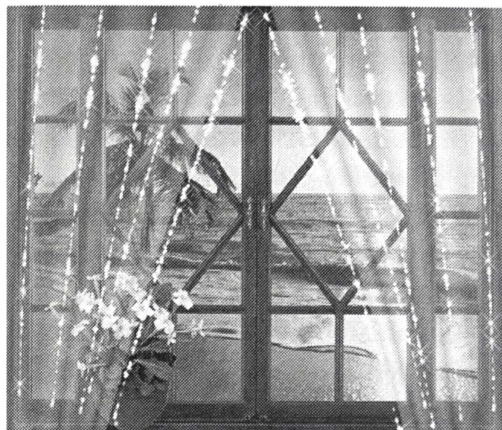
Произведение Ирены Голды рассказывает о жизни и деятельности святых согласно источникам - верно, просто, скромно, без прикрас и вообще без

всяких изменений. Именно с той верностью, с какой стремятся передать старинную картину в контурном рисунке.

Сколь часто стараются иные подавить наш энтузиазм, указывая нам на бренность всего земного. Мы забываем, что современность тоже вечна, что вечность может вылиться в одно великое деяние. В повести «Йегуда Бен Ицхак» вечность направлена не наружу, а внутрь. Пусть сменяются поколения, но души всех великих деяний останутся жить: «Господь приведёт иудеев туда, где они начнут вновь обживаться и строить города, обустраивать землю. Они вернутся сюда. И вновь создадут своё государство...» - читаем мы в заключительных строках произведения.

Возвышение в творческом акте

В израильском журнале "Русское литературное эхо" №№ 34 и 35 за 2013 г. опубликованы проза и поэзия Ирэн Голды (стихотворение "Иерусалаим", "Народ", "Ашкенази", "Поют надежды" и др.; рассказы "Коллапс", "Преамбула", "Фантазия", "Море", "Рейс по Каспию". К литературным направлениям, сложившимся ранее, прибавилось новое качество, вызванное к жизни автора-репатриантки новыми историческими условиями. Одарённая быто писательница из Азербайджана в последних своих сочинениях изображает две эпохи: до репатриации и после. Картина раскрывается главным образом через сложные внутренние переживания героев. Автор стремится раскрыть многообразие движения души действующих лиц, всю гамму человеческих чувств – от щемяще-трагических до высокого светлого экстаза. Отображение

внутреннего мира человека способствует углублению психологизма в лирике и прозе. Лирика И. Голды обогатила литературу разнообразием ритмов, усовершенствовала инструментовку стиха, достигла успеха в инструментовке стиха, его мелодичности, красоты звучания. Мелодичней стала и проза. Писательница придаёт большое значение смысловой нагрузке литературной речи. Она стремится обуздать и преодолеть противоречия и диссонансы в своих мыслях и чувствах, драматизм своих переживаний, как бы возвыситься над ними в **творческом акте**. Ценные импульсы для дальнейшего его развития исходят из новых публикаций И. Голды, раскрывающих напряжённо-динамичный внутренний мир человека с широкой амплитудой мыслей и чувств — от сугубо-интимных до высочайшего пафоса. Здесь нежность и страсть, томительные сомнения и поиски смысла бытия, раздумья о возможностях человеческого познания, острая, щемящая тревога за судьбу Израиля. Лирике И. Голды свойственны подвижные ритмы, живо связанные с авторской экспрессией, с душевным состоянием автора. В циклах рассказов и стихотворений проявилась склонность к сентиментально-романтическому стилю. В них представлены характеры, сложные психологические ситуации, раскрываемые с неизменной тонкостью и своеобразием. Выделяются такие произведения, как "Народ", "Ашкеназы", "Иерушалаим", "Коллапс", "Фантазия". В них воплощены лучшие черты духовного мира родного народа, особенно его

художественного мышления. Сочинительница видит прекрасные, возвышенные человеческие качества. Её лирическим героям присущи преданность в любви и дружбе, чувство бескорыстия. В других произведениях отразились проблемы отношений человека с природой, размышления над тайнами жизни и смерти. Сквозь фантастику и мистику отдельных сюжетов и образов выступают реальные человеческие характеры, идеалы, имеющие глубокие корни в самой действительности. Как мыслитель И. Голда соизмеряет жизнь и деяния человека с вечностью, с лучшими идеалами человечества.

Повторим: И. Голда – поэт ярко выраженного лирического склада. Её сила – в предельной искренности. Проза – прямое продолжение её поэзии. Об этом свидетельствуют и лирическая насыщенность, и открытое выражение авторской позиции. Обращаясь к истории И. Голда хочет преподнести современникам уроки гордого самосознания, возрождая здоровый национальный дух. Она пишет стихи и рассказы, воспевающие будни повседневной жизни, "золотую сказку" жизни в Израиле. Писательница любит Израиль с его трагической историей, любит как верная дочь родную измученную мать, стремясь облегчить её жизнь.

Люди Израиля

*Главный признак таланта – это когда
человек знает, чего он хочет.*

Пётр Капица.

*Без музыки жизнь была
бы ошибкой.*

Фридрих Ницше.

*Музыка – универсальный язык
человечества.*

Генри Лонгфелло.

После концерта

Размышления amateur 'а после сольного концерта Аллы Романо

Музыкальное искусство создаёт звуки особого свойства. Откуда они берутся? Музыкант подражает звукам, интонациям, вздохам, модуляциям голоса,

словом, всем звукам, с помощью которых в самой природе выражаются чувства и страсти.

Первым музыкальным инструментом был голос.

Основа музыки – ритм и гармония, в своём соединении дающие мелодию. Музыка говорит с людьми на непосредственном языке души, волнует человека, вызывает у него чувства радости, печали, скорби, бесконечное многообразие эмоций и их оттенков. Музыкальный образ весь соткан из человеческих чувств. Г. Лейбниц определял музыку как скрытое арифметическое упражнение духа. Мелодико-интонационный строй, композиция, гармония, ритм, тембр, динамика – выразительные средства музыкального языка.

Дар исполнительского творчества или дар наслаждения искусством из того же вечного и общего источника. Чувство прекрасного – небесный дар, который, проходя через многообразные грани

других наших чувств, преломляется тысячами разных цветов.

Красота – какое удивительное слово! В каждом отдельном искусстве играют новые краски.

Пианистка подходит к роялю на сцене и останавливается перед ним в задумчивости. Мысль, которую она хочет выразить, чувства, которые хочет возбудить у собравшихся в зале любителей музыки, живо парят перед глазами её души. Она размышляет, какие выражения лиц вызовет её исполнение, что из сыгранного более всего подействует на их души. А затем с мягкой серьёзностью и уверенно кладёт на клавиши свои волшебные пальцы. И вот уже её искусство трогает и облагораживает весь зал, ослепляет и щекочет нервы своим блеском. Она испытывает своё остроумие в распределении света и тени, в воссоздании чего-то весьма серьёзного и возвышенного.

Имя этой искусницы Алла Романо. Под израильским небом расцветает истинное искусство. Кажется, что наше ухо наполняется космическими звуками, дух же наш воспаряет. Непостижимым образом Алла внезапно приводит в волнение всё наше существо и проникает в каждый нерв и каждую каплю крови. Романтическая натура жительницы Ашдода Аллы Романо проявилась в юности. Шелест деревьев в лесу и раскаты грома рассказывали ей таинственные вещи, которые она не могла передать словами. Прекрасная долина, окружённая причудливыми скалами, или речная гладь, где отражаются склонённые деревья, или весёлая

лужайка, над которой сияет голубое небо, - ах, эти предметы вызвали чудесные движения в глубинах её души, очищали и возвышали её. И гораздо более, чем это когда-либо удавалось словесному языку. *«Мы не знаем, что есть дерево, и что – зелёная лужайка, и что – скала; мы можем внушительно говорить с ними на нашем музыкальном языке, - говорит Алла Романо. – Только между собой мы понимаем друг друга. И однако творец вложил в человеческое сердце такую удивительную сердечную склонность к музыке, что она непонятным путём внушает человеку чувства или помыслы, чего мы никогда не получали бы от самых хорошо продуманных слов».*

И впрямь, музыкальное исполнительское **искусство** Аллы есть язык совсем иного рода, нежели, например, природа. Оно так трогательно и восхитительно! Всё наше существо приходит в волнение и бывает потрясено до основания. Её игра раскрывает нам сокровища человеческого духа, направляет наш взор внутрь себя и в человеческом образе показывает нам незримое. Внутри у нас делается величаво.

Музыкальное искусство Аллы Романо представляет нам высочайшее человеческое совершенство. Когда Алла Романо садится за рояль, наружу вырывается прекрасная вереница звуков. Она возносится, парит в воздухе, а потом тихо опускается на землю – тогда в наших душах возникает, тесня друг друга, много новых чудесных образов. А то исполнение этой восхитительной пианистки

представляется нам совершенным подобием нашей жизни – до боли короткая радость. Радоваться звукам – это трогательное наслаждение. Мы погружаемся в священный утешающий источник, тихо удаляемся в страну музыки, где у нас не кружится голова от пустой болтовни и где сразу лёгким прикосновением врачуетесь весь страх нашего сердца. То, что теснило наши сердца, исчезает, и душа наша исцеляется. И тогда человеку хочется воскликнуть: «Вот оно, то, чего я искал! Наконец-то я нашёл это!».

Такова прекраснейшая картина, в какой я представляю музыку, когда играет Алла Романо. Но в чём состоит магия Аллы, вызывающая это изумительное явление духа? А в том, что её искусство сводит все разнообразные и противоречивые движения нашей души к прекрасным мелодиям, которые говорят о радости и горе, об отчаянии и благоговении гармоническими звуками. Исполненное Аллой Романо произведение пробуждает в нас истинную ясность духа. Чувственная сила, которой звук наделён по своему происхождению, приобретает у неё утонченную многообразность. А то смутное и не поддающееся описанию, что скрыто в воздействии звука, обрело благодаря искусству Аллы Романо изумительную значимость. В её руках музыка становится богатым материалом для изображения человеческих чувствований. В зеркале звуков человеческое сердце познаёт себя. Мы научаемся «чувствовать чувства». Они обогащают наш внутренний мир совершенно новыми чудесными эмоциями – тысячеликые

переходы чувствований. Эффект усиливается когда вместе с Аллой выступают очаровательные певцы золотой баритон Израиля, солист Иерусалимской оперы Лев Янчевский, фантастическое сопрано Галины Лапиной (популярные фортепьянные и вокальные произведения, романсы, арии из опер), ведущий актер и режиссер заслуженный деятель искусств Эдуард Шестаков.

Всё сказанное – это воспроизведение наших размышлений об исполнительном искусстве Аллы Романо. А теперь укажем её репертуар, исполнение которого вызвало такую бурную реакцию специалистов и любителей. Это – Людвиг Ванн Бетховен (сонаты для фортепьяно, в том числе «Аппассионаты»), Вольфганг Амадей Моцарт («Фантазии»), Фредерик Шопен (прелюдии и ноктюрны, мазурки, полонезы, вальсы, фортепианные баллады), Сер. Вас. Рахманинов (четыре концерта и «Рапсодия на тему Паганини»), Иоганнес Брамс («Рапсодия», «сонаты», «Венгерские танцы»), Ференц Лист («Грёзы любви»), Роберт Шуман (фортепианные миниатюры «Бабочки», «Карнавал», «Крейслериана»).

Алла Романо воспитанница, а затем концертмейстер Большого театра (Москва). Многие годы она работала в этом великом храме оперного и балетного искусства.

Израильтяне во всех уголках нашей страны воздают знаки признательности и уважения выдающейся женщине современности Алле Романо.

Охрана здоровья

Её имя окружено почётом

Человек наслаждается природой земли обетованной, радость озаряет всю его жизнь. Чистое дыхание неба и моря действуют на воображение людей, подобно ветру, шевелящему струны золотой арфы. Но когда человек заболевает, тогда душа его теряет способность к восторженным порывам. Нет ничего достовернее болезней, лишь они выполняют все свои обещания.

Ашдодский Купат-холим – Сити славится своим медперсоналом. Обратимся хотя бы к среднему его звену. Старшая медицинская сестра Ашдодского медцентра «Клалит» Роза Элстер только в Израиле чувствует себя дома, выполняя священный долг гражданина. Истинная израильтянка Роза, откликаясь на последние тревожные международные сообщения, говорит: «Еврейское государство – свободное, но нераздельное сообщество, которое может погибнуть лишь с последним израильтянином».

После репатриации Роза 34 года работает медсестрой в Израиле, постоянно совершенствуется и обогащает свой опыт. Это позволяет ей создавать оптимальный психологический климат на своём участке. Привожу её размышление вслух: «Каждый человек заинтересован в укреплении и сохранении своего здоровья, а в случае болезни – в эффективном

лечении. Люди ещё не доживают до естественной смерти, продолжают страдать от тяжких недугов, преждевременной старости, а естественный срок жизни считается долгожительством».

Именно поэтому Роза пунктуально и ответственно, помимо многочисленных процедур, скрупулёзно занимается динамическим наблюдением за больными, отвечающими профилю «семейного врача». Она неустанно находится в поисках новых путей, форм и методов работы на своём участке, обеспечивая квалифицированную помощь.

Участвует она и в подготовке новых средних медицинских работников фельдшеров, медсестёр.

«Если вам хорошо в Израиле, это значит, что вы уже сроднились с ним». Разве Израиль, наша древняя родина, - вопрошает Роза себя, - не имеет на нас родительских прав? Однако отчизне надобно служить с пользой для неё; к чему вымаливать у небес крохи жизненных сил для борьбы против собственных недугов? Лишь родная мать-отчизна может принять дочь и сына в таком состоянии и тем сильнее любить».

Роза окунулась в работу. Нежное внимание, которое она проявляет по отношению к пациентам, вызывает самое глубокое уважение к ней. Её называют «нежной мадонной Израиля».

Когда Розу осыпают словами благодарности, она отвечает: «Я выполняю свой долг. Это мне приятно. Надо жить по возможности приятнее!» Внушительный медицинский опыт позволяет ей не изменять своему природному дару.

У Розы прекрасные дочь и сын и шесть внуков, окруженных вниманием и заботой со стороны неутомимых матери, отца и бабушки. Вот как понимает Роза искусство жить. И впрямь, подавлять свои достоинства ещё труднее, чем недостатки. Она не хочет отнимать у мысли её самобытность, у чувства его глубину.

Роза мягка, любезна, глубокомысленна. Её докучает меланхолия. По доброте сердечной, а также по своей жизнерадостности она хочет её, меланхолию, развеять. Она отгоняет от себя всё, что не может служить на пользу людям. Живёт на земле, чтобы прежде всего быть полезной. Простота в обращении, внешняя сдержанность и гордость вызывают восхищение у пациентов, глядящих на неё чуть ли не с фанатическим обожанием. Особенно пылко восторгаются ею женщины.

- Мой ребёнок болен, - говорит одна из них. — Исцели его!

Кортеж почитателей Розы. Её статная фигура придаёт ей сходство с греческой статуей; взор её сияет сосредоточенным вдохновением. В то же время в ней угадывается совсем простая женщина в своём домашнем кругу. Все её движения вызывают симпатию и удовольствие. Люди находят в ней бездну обаяния. Между тем ей самой не так-то легко понравиться. Порой она недостижимая, а то вдруг нисходит с высот, где безраздельно царит, чтобы смешаться с пациентами. И всё это называется непринужденным очарованием и душевной отзывчивостью, тонкой способностью сочувствовать,

душевной деликатностью. Она любит размышлять и не боится утомлять себя умственной работой. Язык её раздумий слышишь в глубине души. Это музыка ума.

Да, - говорим мы, - всё это душевная ясность, рождённая небом Израиля.

Я не знаю, какая арена под стать Розе с таким деятельным характером и пламенной душой, которая сквозит в каждом её слове и движении. Она невзыскательная и в то же время требовательная женщина; все доброжелательные люди могут рассчитывать на дружеское общение с ней.

*Под куполом прозрачной синевы...
Воскресший в сердце молодой страны,
У чистых средиземных вод
Родился белокаменный Ашдод.*

Ида Швидель

Только высокохудожественная архитектура может способствовать преобразованию действительности. Поверхностное, «памфлетное» строительство города должно быть отвергнуто из-за эстетической слабости и социально-бытовой беспомощности.

Предметы, которые что-либо значат и талантливо, со вкусом скомпонованы, становятся поэтическим фактом.

Ле Корбюзье-Сонье, французский архитектор, теоретик архитектуры.

Ашдод – каменная симфония

О живой записи человеческих дел

Можно ли быть до такой степени слепым, чтобы не замечать одухотворённости и благородства предмета, прекрасного самого по себе, прекрасного своей уникальной, утилитарной и гармоничной структуры, свободной от украшательства, потакающего наиболее отсталым инстинктам? Как чудовищен и отвратителен путь украшательства! Древнее искусство любой эпохи было, будьте покойны, для своего времени новым и кроилось, как и сегодня, по меркам и, следовательно, по законам гармонии тех людей, которые им пользовались.

Только что построенный Парфенон не был развалиной... Он стоял новенький, как наши автомобили, без плесени.

Мы хотим, чтобы на месте закоулков нашего города, где мочатся мальчишки, встали новые и радостные силуэты построек из железобетона. Мы любим сверкание никелированных кранов и фарфоровых умывальников с горячей и холодной водой. Мы любим когда строители города пользуются новинками современной эпохи.

Вышедшая в израильском издательстве «Маркур» книга доктора Валериана Пономарёва «Ашдод – красавец у моря» привлекла необычайное внимание читателей. В кратком авторском к ним обращении читаем: *«Меня осенила мысль рассказать об улицах Ашдода... Начались долгие поиски материалов... В сегодняшнем Ашдode пятьсот улиц, названия которых отражают историю, религию и культуру...»*.

Для проникновения в сущность темы повествования автор сначала выбрал исходную позицию, т.е. видение объекта в широком контексте. Затем последовало приближение к объекту вплоть до непосредственного соприкосновения с ним. Затем – проникновение, движение внутрь исследуемого предмета, вторжение вглубь него. Следующее мыслительное действие – постижение сути, то есть обретение целостного взгляда на предмет путём синтеза и обобщения результатов, полученных на предшествующих этапах анализа - детализированное видение предмета в подробностях.

Помещенный в конце книги «Исторический очерк» - увлекательный рассказ о древнем Ашдоде, возраст которого достигает предположительно 3700 лет. Некогда этот населённый пункт, обладающий портом, соединил между собой Египет, Иудею и Сирию. А в шестом веке до нашей эры греки во главе с Александром Македонским осели в Ашдоде. Их привлёк морской порт, через который греки могли свободно торговать с Европой и Малой Азией. В римский период город стал важным портовым центром. Еврейским он был предположительно со времён Хасмонеев и до второго века н.э.

Ашдод пришёл в упадок после взятия его Веспасианом, будущим императором Рима. Ашдод полностью разрушен в тринадцатом веке – здесь происходили сражения между крестоносцами и мусульманами. В Новое время на ашдодском плацдарме расположилась арабская деревня Исдуд, которая просуществовала до британского мандата. В Войну за Независимость в окрестностях Ашдода потерпела поражение египетская армия.

Автор знакомит читателей с Генеральным планом строительства нового Ашдода на пришедшей в упадок деревенской площади, имевшей в античном прошлом бурную историю. И впрямь, города надо строить в деревнях, где воздух гораздо лучше, а уединение следует искать в городе. Париж, Лондон, Нью-Йорк – это населенное одиночество. Лондон – чудесное место для жизни, если вы можете уехать из него. Венеция была бы чудесным городом, если её осушить.

...За немногим больше чем полстолетие по Генеральному плану государства Израиль вырос современный «город-красавец у моря – Ашдод». Валериан Пономарёв углублённо всматривается в историческую действительность и обращается к аналитическому её осмыслению. Этот аспект становится важной чертой его произведения. Его влечёт глубокое вглядывание и трезвое размышление о прошлом, о будущем Ашдода и его месте в мире. В архитектуре города автора занимают не только утилитарные аспекты, но и её общественная функция, функциональность постройки, обретающей эстетический вид. Строительство, отмечает автор, стало архитектурой. А архитектура – это формирование действительности по законам красоты при создании зданий и сооружений, призванных обслуживать потребности человека в жилье и общественных помещениях. Автор показывает улицы и дома нового Ашдода, подробно рассказывает о знатных людях, чьи имена приобрели названия улиц, рассказывает о том, как используется очеловеченное пространство в соответствии с материальными и духовными потребностями горожан. Художественность ашдодского архитектурного образа неотделима от функции сооружения и органически выражает его назначение. Архитекторы позаботились о том, чтобы сооружения вписывались в естественный (природный) и урбанистический пейзаж местности.

Ашдод теперь – это как бы каменная симфония, вступающая в синтез с декоративными видами

искусства. Её архитектурная композиция – объёмно-пространственная структура, органическая взаимосвязь элементов здания или ансамбля зданий; это сочетание монументальности и интимности. В книге подчёркнуто, что нынешняя архитектура Ашдода носит не изобразительный, а выразительный характер – она удовлетворяет и утилитарные, и художественные потребности горожан, соблюдены законы не только необходимости, но и красоты. Архитектурное строительство в Ашдоде ведётся индустриальными методами с использованием новых материалов и стандартных элементов заводского изготовления. Это меняет эстетические критерии в архитектуре и открывает новые художественно-выразительные средства. Ашдодский опыт показал, что в градостроительстве возникает проблема художественной выразительности сооружений массовой застройки. Книга В. Пономарева направляет мысль архитекторов на поиски соответствующих духу и стилю эпохи художественно простых, выразительных архитектурных решений. В. Пономарев создал живую запись человеческих дел, стремлений, чувств, замыслов. В них сказывается облик эпохи. Обращаясь к истории Ашдода, автор ведёт к попыткам осмыслить судьбу города как звено в цепи мировой истории. Этот аспект становится важной чертой книги.

Обогащённая метафорика, гибко используемая многозначность слова, разные средства

экспрессивности способствуют чтению книги со всёвозрастающим интересом.

В. Понамарёв сохраняет единство замысла, ярко и последовательно воплощает его в полифонию в переходах и в кульминационных пунктах. Органично вписывается в повествование мозаика лейтмотивов. Полнотой чувств дышит и стиль произведения. Возникает поэзия текста книги. Человеческие чувства и переживания приобретают на этом фоне ощущение конкретности, реальной простоты, естественности. Большой внутренний драматизм повествования захватывает читателя. Этому способствует напряжённо, стремительно развивающийся сюжет. В стилистике появляется высокая поэтика; в композиции решающую роль приобретают самые драматические эпизоды.

В Понамарёв стремился к объективности повествования, но позиция его не была позицией беспристрастного созерцателя. Книга написана в приподнятом, эмоциональном стиле. Она включает ряд развёрнутых глав и тяготеет к жанру повести. В художественном отношении она выразительна и совершенна. Своеобразие изложения состоит в том, что, стремясь воспроизвести живое лицо эпох, автор включает в текст живые свидетельства участников описываемых событий. Эти голоса современников создают впечатление, будто **говорит само время**. Стремясь восстановить духовную атмосферу далёкого прошлого, сочинитель придерживается конкретного и точного описания. Романтическая сторона сильно выражена; в лирически обобщённой

форме изображены основные стороны израильской действительности. Книга написана с истинным душевным волнением, что придаёт жизненность, казалось бы, отдельным бледным её страницам.

* * *

...Новый Ашдод. День захватил всю ширь небосвода, разогнал последние клочья тумана. Всё вокруг залилось прозрачной ясностью, она придала контурам чёткость, резко разграничила тени и свет. Встаёт солнце точно предвестие излучаемого морем света.

Пешеходные улочки между высотных домов города – приют спокойствия и тишины. Лёгкий ветерок, напоенный чистым дыханием моря. Ничего излишне громкого, только вода, её плеск и морской ветерок, шелестящий листвой, только птицы и приглушённый голос араба – алте захен!

Климат влажный, но полностью лишённый всякой пыли и всякого дыма, мягкая температура мая, когда нет ни сильной жары, ни сильного ветра. Безмятежная красота, сотканная из поразительной гармонии между ландшафтом и стилем, эта архитектура, которая словно создана для того, чтобы своими линиями, природой и цветом своих камней отражать игру струящихся красок моря и неба – эта красота никого не оставляет равнодушным.

Зыбкие тени парков и скверов в их контрасте с ослепительностью белоснежных стен домов-гигантов... Встреча с новым Ашдодом поражает

своей новизной, вызывает восхищение и очарование. Залитый солнцем простор, чуждый шумному многолюдью... А вечером весёлое кишенье толпы.

Ощущение благотворной мощи природы и красоты белокаменных строений, прямых улиц и бульваров. Прекрасное чувство умиротворённости. Лирические минуты, часы, дни. Вечером ашдодец, весь омытый лунным светом, возвращается домой, в постель. Колыбельная песня моря ласково опускает его в волны спокойного сна...

Человек не может не оценить усилий, предпринимающимися муниципалитетом Ашдода, чтобы создать такую сокровищницу. Дистанция, отделяющая убогую деревушку, превращённую в наисовременнейший город, внушает уважение. Свершается чудо, которое ждало население города, рассчитанного на трехсоттысячное население. И даже более. Неисчерпаемы сокровища города, в который влюбляешься всё больше и больше. Ашдод вызывает экзальтацию у своих гостей, полня сердце восторгом. Так прекрасны его модуляции. Есть в городе и укромные уголки, где время будто останавливается и замирает. Каждый камень исполняет свою партию в этой симфонии; хочется отдаться этой зачарованности. У людей кружится голова, они пытаются не отрывать взгляда от светлой полоски на небе, где мерцает несколько звёзд. Да, вот оно, истинное чудо Ашдода.

Виртуозность, поэтичность, драматизм

На концерте М. Бурштина и Ф. Хармац

В литературно-музыкальном салоне академика
(ИНАРН) Г.Б. Окуня

*Музыка – универсальный язык
человечества.*

Генри Лонгфелло.

*Не мы слушаем музыку, а музыка
слушает нас.*

Теодор Адорно.

*Музыка – это искусство
печалить и радовать без
причины.*

Тадеуш Котарбиньский.

*Музыка
облагораживает нравы.*
Аристотель.

Музыка – у древних греков искусство муз: совокупность всех изящных искусств, необходимых для гармонического развития духа. Издревле так повелось, что в любом жанре главенствует мелодия, многообразная, смело вторгающаяся в сферу камерной, оперно-симфонической музыки, охватывая огромный диапазон настроений и образов.

Четверть века проработал профессор кафедры фортепиано Михаил Бурштин в институте имени Б. Бейшеналиевой и в музыкальном училище имени М. Куренкеева. Благодаря своей эрудиции и

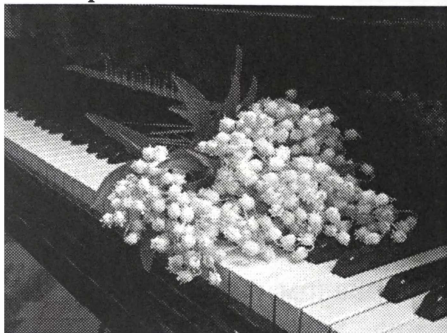
педагогическому мастерству Михаилу Григорьевичу удалось подготовить около тридцати специалистов, которые трудятся в разных странах мира. Семейный дуэт «Хармац и Михаил Бурштин» известен в странах Европы. М. Бурштин обладает удивительным качеством – способностью проникновения в интонационный и образный строй музыкальных культур различных народов – киргизской, русской, еврейской, украинской, узбекской, казахской, татарской, испанской («Памяти Виктора Хары») и др. Врожденная музыкальность позволяет ему плодотворно работать со столь различным по своим музыкально-стилистическим характеристикам материалом. Сочинения композитора М. Бурштина хранятся в «Золотом фонде» Киргизской телерадиовещательной корпорации современных авторов. Его произведения исполняются в США. Вышло около двадцати сборников, включая пьесы М.Бурштина.

Чтобы получить истинное удовольствие от классической музыки, надо иметь определённую подготовку, а музыку нужно просто воспринимать душой. Исполнителю необходимо не только освоить технику игры, ведь результат зависит от степени таланта. Чтобы получить максимальный результат, важно знать секреты инструмента, которые, в отличие от человеческих способностей, не меняются. Это константа.

Редко встречаются в концертных программах такие дуэты, как Михаил Бурштин и Фаина Хармац,

обладающие безупречным вкусом и высоким уровнем исполнения.

На сегодняшнего слушателя обрушивается масса музыкальной информации, половодье ритмов, каскад мелодий. Как сориентироваться среди обилия стилей и направлений?

Темп нашей жизни, развитие музыкального искусства диктуют новые выразительные средства – большое значение придаётся аранжировке и стилю исполнительских

работ, поддержанию традиций, которые развиваются, усложняясь и видоизменяясь.

Неразумно сталкивать или противопоставлять различные жанры музыкального творчества. Здесь важна внутренняя гармония, объемлющая компоненты жанра.

Фаина Хармац и Михаил Бурштин, каждый и каждая в отдельности и вместе, заявили о себе как музыканты и композитор исключительного дарования ещё в начале 60-х годов. Создаётся впечатление, что творческий процесс у этого дуэта идёт всегда, – копится изнутри и ждёт своего времени. Любой замысел, любая идея должны быть выношены, выстраданы... Имея идеальный слух, Михаил Бурштин бегло читает с листа, доводя до совершенства своё искусство. Он пробовал свои

силы и в сочинительстве. Семья Бурштиных хорошо известна в музыкальных кругах. Родители Михаила были выпускниками московской консерватории. Мать Слава Марковна Окунь – заслуженный деятель искусства.

Родился Михаил Бурштин в 1943 году и с ранних лет поражал всех своей одаренностью. С шести лет он стал заниматься музыкой. Довольно быстро пришли успех и популярность.

В искусстве нельзя быть успокоенным, и участники дуэта держат руки на пульсе времени. Творчество – вещь коварная. В нем нельзя лгать – не поймут, не услышат, не захотят слушать. Без искренности нет искусства. Музыка композитора М. Бурштина находит путь к сердцам слушателей. Нет награды лучше, чем благодарность публики.

В перечне исполняемых дуэтом работ более сотни наименований. В их репертуаре: весь Моцарт (Представитель венской классической школы, автор «Реквиема», оперы «Похищение из сераля», «Свадьба Фигаро», «Дон Жуан», «Волшебная флейта», около 50 симфоний); Шуберт (создатель лирико-романтических симфоний, популярных произведений концертного репертуара, фортепианных миниатюр лирико-психологического содержания), почти весь Брамс, Дворжак (основоположник чешской национальной классики), Григ (норвежский композитор, автор музыки к драме Г.Ибсена «Пер Гюнт...»), Рахманинов (крупнейший представитель мирового пианистического искусства – «Рапсодия на тему Паганини»; романтический

пафос сочетается в его музыке с лирико-созерцательными настроениями, неистощимое мелодическое богатство), Боярский (израильский композитор), а также: Бах, Гайдн, Бетховен, Шуман, Мендельсон, Шопен, Лист, Дебюсси, Равель, Хайду (изр.), Щедрин, Биберган, Гаврилин и др.

Дуэт исполняет транскрипции Михаила Бурштина по сочинениям Баха, Бородина, Комитаса (Армянский классик), Прокофьева, Рахманинова, Сен-Санса, Скарлатти, Де Фалья, Хачатуряна, Чайковского, Шварца (югославского еврея, погибшего в концлагере), Шостаковича.

О Бурштине и его музыке опубликован очерк в журнале «Литературный Кыргызстан». Молодой музыкант развернул активную исполнительскую музыкальную деятельность. Играл не только соло. Но и со многими музыкантами республики - инструменталистами и певцами.

Михаил Бурштин и Фаина Хармац поражают блестящей фортепьянной техникой. Вторая симфония — одно из немногих сочинений композитора М. Бурштина, - в котором он обратился к фольклорным источникам.

Заслуженный деятель культуры Киргизии пианист и композитор, профессор Михаил Бурштин и пианистка Фаина Хармац известны не только в Израиле, но и в странах Европы, а также в США и России.

Недавно фортепианный дуэт из Ришон ле-Циона исполнил в Салоне академика Г.Б. Окуня (Ашдод) несколько пьес Моцарта, Листа, Брамса, Дворжака и

других композиторов. Неоконченную сонату Моцарта М. Бурштин сам завершил в стилистике венской классической школы. Слияние двух стихий отличается необычайной органикой.

Михаил Бурштин выдающийся пианист, композитор и музыкальный деятель.

...С замиранием сердца присутствующие слушали выразительную и яркую игру Михаила Бурштина и Фаины Хармац. Зал взрывался аплодисментами и возгласами «Браво!» Исполнялись не только произведения композиторов-классиков, но и сочинения самого Бурштина. Особенно запомнилась слушателям аранжировка киргизского народного наигрыша, имитирующая манеру исполнительства на народном киргизском инструменте комузе.

В литературно-музыкальном Салоне присутствовали интеллектуалы Израиля, музыканты, писатели, художники из разных уголков страны. О творчестве гостей рассказывали вице-президент Израильской Независимой Академии Наук, главный редактор журналов «Мысль» и «Русское эхо» Григорий Борисович Окунь и др.

Душа обретает способность воспаряться. Поистине, музыка – посредник между жизнью ума и жизнью чувств.

Иерусалимские голоса

Альманах поэзии 2003 – "Иерусалимские голоса" и сегодня привлекает внимание читателей. Как пишет в предуведомлении к книжке руководитель проекта Евгений Минин, "Под обложкой этого альманаха напечатаны стихи иерусалимцев. Вы найдёте в нём и имена известных поэтов, и имена незнакомых... Нам посчастливилось жить и творить в этом прекрасном и вечном городе..."

Из тематического разнообразия помещённых в альманахе стихотворений выделим стихи, посвящённые Иерусалиму: Ася Векслер – "Иерусалимское окно"; Манфред – "Осенний вечер в Иерусалиме"; Александр Воловик – "Мой Иерусалим"; Фаина Гильман – "Иерусалим-Ташкент"; Михаил Лившиц – "Иерусалим"; Евгений Минин – "Снег в Иерусалиме"; Галина Подольская – "Иерусалимская фантазия"; Яков Яков – "Иерусалим небесный"; Борис Розенберг – "Иерусалим"; Александр Зернопольский – "Иерусалимская элегия" и др. Весь цикл – это развёрнутые картины, рассуждения авторов на самые различные темы – целый мир слов и галлюцинаций. Мечты и видения поэтов выливаются в произвольные ассоциации. Стихи, посвящённые Иерусалиму, остро полемичны. Авторы ведут своих читателей на почву жизненной "прозы", хотя это и есть материал и источник подлинной поэзии. Поэты ищут соответствующие формы и способы выражения. Так создаётся

эпическая картина реальной жизни. Борьба прошлого и будущего определяет композицию **цикла стихов**, систему его основных образов, придаёт ему динамику и драматизм, отражает трагический момент истории Израиля. Поэтическим образом, впрочем, недостаёт порой естественности, они подчас слишком зашифрованы и книжны. Порой хочется защитить рифмы против распада стиха, против распространённого мнения, что исчезновение рифмы якобы необходимо и закономерно.

И всё же в "иерусалимских стихах" авторов звучит голос поэта-патриота, который говорит о тяжких испытаниях нашей древней родины. Здесь речь идёт о заре нации. Иерусалим вернул нам зрение и слух, сделал каждого новым человеком. В стихотворениях создан эпический образ героя. В цикле привлекает богатство поэтических форм, многозвучие поэзии. Наряду со стихотворениями, свободными по размеру, с самыми различными системами рифмовки, здесь немало примеров точных, чётких ритмических структур. В отдельных стихотворениях ощущается созерцательность и отвлечённость.

Творческое зрение поэтов ознаменовалось утверждением в их произведениях гражданских тем.

Размашистый стих сменяется ритмической прозой или мелодической песней. Это придаёт циклу единство, целостность звучания, настроение. Перед читателем встаёт сегодняшний Израиль; он раскрывается в своём существе.

Цикл перенасыщен образами и эпизодами, не всегда находящими завершенное воплощение.

Так возникает гигантский внутренний монолог, копирующий процесс мышления героев и самих авторов. Этим достигается чрезвычайное оживление.

*Быть созвучным времени,
но как минимум на октаву
выше!*

Ежи Лец

По ступеням строчек

/Плод творческого воображения и вкуса/

Книга Марины Ямит Зарецкой "Ноябрь" вышла в свет в Израиле в 2013 году и принадлежит перу одарённой личности. Поэзия автора протекает в форме образного мышления, в процессе которого создаётся оригинальный мир, отражающий реальность и дающий свежесть дыхания.

Поэзия затрагивает ум читателя. Поэтесса ищет равновесия в антитезе «Я» и «Мир». Она прислушивается к словам Иосифа Бродского, который заметил: "Культура гибнет только для тех, кто не способен создавать её"

*Пусть простят мне мою поэзию
За наследственной прозы скл.
Знать, Пегаса я не объездила,
Не достать ни одной из шкл.*

*В чашке кофе с утра весомые
Звёзды тонут, их не найти.
Недоверчивое искомое
Изнутри, словно насекомое,
Прогрызает свои пути...*

"Ноябрю" стр.5

Поэтическая метафора отличается от
примелькавшейся бытовой метафоры своей
новизной:

*...Дар даётся не с неба – с веток,
...По орбите земной и светлой, -*
Стр.39

*...Золотом плачен истрёпанный счёт,
Всё получается наоборот,
Запнешь место под солнцем –
Место полито святым дождём,
Скользко и холодно жить на нём,
Ветер на нём, высоком.*

*Там и живут слова,
Кто-то подарит тебе едва ль
Слова в строчку, железа в кровь,
Мира в иллюзии, хлеб и кров.
Скользко и холодно, ветра свист.
Ты оплати исписанный лист.*

Стр. 38.

М. Зарецкая создаёт атмосферу, где соединяются несоединимые явления: сходства с различием ("Сердце"); абстрактного с конкретным ("Во все века"); идеи с образом ("Размышления о Марине Цветаевой"). В её лирике переплетаются: индивидуальное с типичным, новизна и свежесть с привычным и примелькавшимся, рассудочность самообладания с горячностью, даже необузданностью чувств.

...Искажают тело болезни,

*Пожирает душу тоска...
Как бы это звучало скабрёзно,
Что Вы дали нам на века!
Мне приснилось, что Вы – моя бабушка,
По спесивой крови родня...
И стоит в чернубурой шапке,
С моей бабушкой мирит меня...*

**"Размышления о Марине
Цветаевой"(с.35).**

Экстраполяция одного стихотворения на другое
осуществляется как художественный приём.

*Трёх велик на тебе, Израиль –
Зарывать таланты в песок.
Впрочем, места не выбирают,
Коль Поэту приходит срок.
И, ломая себе позвоночник,
Приняла я тяжёлый Дар.
И пошла по ступеням строчек
Вверх отвесно, в дождь и пожар.
Сердце – самый слепой навигатор.
Слово – самый надёжный металл.
Я мечтала о Даре когда-то,
Бог не дал. Не просила – не дал.
Передал. Как лист пятипалый,
И как молнию в пальцы взять.
Может быть, я его украла.
Повезёт ли это узнать?*

"Памяти Дениса Новикова

Лучше всего – транспонировать драматическое и
безысходное в возвышенное. Это один из
краеугольных камней психотерапии Фрейда.

Поэтесса чистосердечна, откровенна, интересна, ибо общечеловечна. Очень трудно вести разговор о себе – и в то же время быть интересной для других.

... Кто теперь под Солнцем, во Вселенной – кто?

Ветры перемен нам дули под пальто,

нас не обезболит – незаживший – снег,

соляные копи – двадцать первый век...

Время нам отдельно от тиканья часов,

голоса мы ищем в гуле голосов,

мы – энтомология на игле ветров...

... За стихотворение можно умереть.

Боль, осев на времени, множит круговерть.

Предложи нам слово с Млечного Пути

Вместо алкоголя в ледяной персти.

"На снегу"

Марина Ямит Зарецкая имеет свой неповторимый стиль, своеобразную манеру письма. Художественные приёмы, к которым она прибегает, – несомненные свидетельства таланта и силы поэтической страсти. Спасибо взыскательному художнику. Умный человек это тот, кому не страшно быть глупым.

Сегодня стоит подойти к двери, как она автоматически открывается; стоит подойти к человеку, как он автоматически закрывается. Люди одиноки, потому что вместо мостов они строят стены. В рассматриваемой книге мы различаем переживания первичные, выраженные символически или аллегорически (материал, в котором поэтесса воплощает содержание своих переживаний). Переживая опосредованные: интуитивное проникновение в творческий образ поэтессы является

основой нашего разбора; чтобы проникнуть в мир поэтессы, нужно самой обладать опытом, родственным переживаниям автора. Стремление к познанию всегда возникает из какого-нибудь личного переживания, которое связывает нас с предметом познания.

От природы жалостливая, она чувствует, что душа её восхищается всем, что носит печать великодушия и человеколюбия. Поэтесса охраняет прямоту в таких обстоятельствах, когда человек, одолеваемый горестными думами, находит себя в творчестве.

«Главный цикл её стихов, - метко заявлен: "Я когда-то вернусь...". Основная тема лирики – преображение реального мира средствами эмоций и интонаций.

При всей яркой своеобразности манеры и слога, М. Зарецкая написала стихотворения, обладающие одной общей чертой – страстной манерой. Видимость лёгкости достигается большими усилиями. А под спокойной поверхностью непрерывно течёт струя, которая будит мысль. Словом, сочинение М. Зарецкой является плодом подлинно творческого воображения, которое сдерживается и отчасти подавляется требовательным вкусом. Её притягивает "невыразимое", "неизречённое", оно и есть прекрасное.

Героиня, способна размышлять, погружаются в бездну своей души и убеждаться, что она бездонна. М. Зарецкая уже в который раз обращается к небу:

если правда, что мысль всемогуща, сделай так, чтобы
размышления исцелили меня от сердечных мук!

...Нежный вымысел небес

Мелочен и одиноч,

Дан ему из всех чудес

Бытия лимонный сок,

Стр.45

... Стихи живут, как люди на земле,

И, как и мы, нуждаются в тепле,

И, как и нам, без памяти им скверно,

И, как и мы, смотреться любят в зеркала.

И я – их зеркало. Я придаю им сил

Прожить ещё немного...

Стр.44

«Нет счастья, безупречного во всех отношениях», - говорил Гораций, а по выражению индийской пословицы, «нет лотоса без стебля». Люди меняют свой образ мыслей с такой быстротой, как меняются их интересы.

Для познания собственных ошибок очень подходящим средством служит их наблюдение и порицание в других. Для нашего исправления мы нуждаемся в зеркале. Это правило справедливо по отношению к стилю и манере письма.

Мир Арье Бацаля

Заметки на полях романа "Дорога к солнцу"

Только что вышло в свет новое произведение израильского писателя Арье Бацаля – роман "Дорога к солнцу" под рубрикой "Современная израильская проза" (Израиль, 2014 год). Роман состоит из двух книг. Литературным творчеством прозаик начал заниматься в Израиле. Это произведение о "пути развития творческого потенциала личности". К этому склоняет читателя саморазвивающееся движение повествования. "Дорога к солнцу" – эпическое произведение, в котором повествование сосредоточено на судьбе отдельной личности в процессе её становления и развития. Человек или больше своей судьбы, или меньше своей человечности.

Автор не просто изображает частную жизнь, но осваивает её как бы эпопейно, вскрывая в ней общий смысл, оставаясь при этом изображением чувств, страстей и событий частной и внутренней жизни людей. Это эпос частной жизни.

Одной из внутренних тем романа является тема судьбы репатрианта из бывшего Советского Союза. В нём остаются нереализованные потенции. Сюжет истощает героя и героев до конца: подъём личности, обретение ею суверенности, свободы чувства, поведения и выбора в частной жизни и прежде всего "идеей личности". Это обозначилось во всём объёме жанрового содержания романа, являющемся эпосом настоящего. Автор рисует переживающую становление действительность, с её постоянной переоценкой и переосмыслением семейно-бытовых, любовных, исторических, биографических подробностей. Организация авторской речи в основном прозаической и редко стихотворной, к тому же сочетаемой с голосами действующих лиц — полностью отвечает задачам романиста. Интрига подчиняет своей логике развитие сюжетных событий и композиции произведения. Впрочем, подлинная мера романа не сюжетная завершённость, а прежде всего характер изображения в нём жизненного процесса. При этом голос и облик рассказчика "цементирует" рассказываемое, объединяя всё в развязке, поскольку подлинная мера романа у Арье Бацаля не сюжетная завершённость, а прежде всего характер изображения в нём жизненного процесса. Главное у автора это

исповедальное слово о себе и обращение Арье Бацаля к сокровенному содержанию личности. Образная система у него подчинена этой линии, а сюжет развивается описательно в пределах жизненной достоверности. Романное повествование у него отличается изобразительной яркостью, тонкостью смыслового и интонационного рисунка. У автора острый, приглядистый ум. Он не желает ни в чём кривить душой и естественен в каждом слове. Отсюда – впечатление свежести и искренности всего написанного на протяжении пятисот девяноста (590) страниц романа. И это несмотря на то, что ноги Арье Бацаля на земле, а голова в облаках.

В центре романа – частная жизнь, но она полна глубокого общественного смысла. Писатель подробно, с протокольной точностью рассказывает обо всём, останавливается на мельчайших подробностях до и после репатриации и озабочен тем, чтобы ничего не упустить из виду, а рассказать ясно, правдиво обо всём, что он видел собственными глазами. Он воспроизводит поступки, мысли, волнения тех, кого выводит на сцену, старается объяснить, как и почему они пришли к тем или иным решениям. Он относится с глубочайшим уважением к фактам, к жизненной правде. Автор точно излагает и ярко воспроизводит ход событий, заставляя нас остро ощутить социальные и частные перипетии существования действующих лиц. Автор стремится изображать жизнь такой, какова она есть. Ему также присущ интерес и к необычному и чудесному, и к тому, что рождалось самой действительностью.

Арье Бацаль стремится подставить на место общественных закономерностей свои гуманные пожелания, идеи доброжелательности, симпатии, самоотверженности. Что касается общественных явлений, то он показывает их преимущественно в их психологическом преломлении. Автор переплетает и сливает свои собственные высказывания с внутренней речью персонажей, делая авторское повествование "многослойным". Психологический анализ в романе содержателен и содержит интересные наблюдения и богатый фактический материал. Авторская речь напоминает внутренний монолог, построенный на ассоциативном течении умственного речевого процесса.

Роман "Дорога к солнцу" Арье Бацаля – не простая запись дел человеческих. Он является прочной опорой, помогающей человеку выстоять и победить. Лучшие образцы прозы Арье Бацаля оказали положительное влияние на развитие израильского романа и поныне представляют актуальный интерес. Израильские критики продолжают изучать многогранное творчество Арье Бацаля.

Незабываемый дар общения

*Учитель! Перед именем твоим
Позволь смиренно преклонить колени*

При первой встрече с Григорием Борисовичем каждый из нас понимает, что получил от судьбы в дар забываемое общение. Его взор полон любви, неземной доброты, света, бескорыстия, кристальной чистоты и понимания. Нет случайно брошенных слов, каждая фраза наполнена мудростью и радостным откровением. Этот необыкновенно-интеллигентный человек, имеет подход к каждому ученику, умеет быть не просто учителем, но и создаёт атмосферу наслаждения общением.

Григорий Борисович покоряет мощью своих размышлений, увлекая за собой множество молодых людей, которые могли у него учиться. Многосторонне одарённая душа, - она выходит за пределы собственного бытия, блуждая на его границах. Он открывает другим самое глубокое, самое высокое, самое прекрасное и главное в себе. Все силы свои, дарование, чувство, все свои познания, пронизательность, наблюдательность, глубокое понимание людей и человеческих отношений многие другие достоинства, свойственные ему, он отбрасывает в неистовой погоне за недостижимым. Он видит ясно и мыслит справедливо. Г. Б. Окунь стоит на определённом уровне нации.

Профессор Григорий Борисович Окунь – 1 февраля 1920 года рождения, доктор филологических наук, литературовед (романо-германская филология), академик, вице-президент Израильской Академии Наук ИНАРН. Г.Б. Окунь известен как критик не только литературы прошлого, но и современной литературы, а также произведений искусства. Широко известны изданные им в Израиле работы о С.М. Эйзенштейне, К. Симонове, Эрскине Колдуэлле, Анатолии Алексине, а также об Ариосто и Рафаэле.

Г.Б. Окунь в ряде случаев не только учёный-литературовед; как автор он становится героем своих произведений. Ассоциации часто не раскрыты, их додумывает читатель. Автор владеет большим историческим материалом. Монтаж фактов образует мозаику исследуемого времени. В основе мемуарных произведений исследователя лежит автобиографический принцип.

Большое место в творчестве Г. Б. Окуня занимают работы о зарубежных классиках, в частности, о Торквато Тассо, Эразме Роттердамском, Джеффри Чосере, Джоне Беньяне, Вольтере, Карло Гоцци, Элизабет Гаскелл, Оскаре Уайльде, Дизраэли, Бернарде Шоу, Джоне Гарднере, Альфреде Курелле, Фридрихе Дюрренмате, Пьеро Гамарре, Артуре Миллере, Роб-Грийе, Аллене Гинзбурге, Эрскине Колдуэлле и др.

Работы Г. Б. Окуня переведены на иностранные языки (на французский, итальянский, венгерский, болгарский, немецкий и др.).

Индивидуальность Г. Б. Окуня нельзя рассматривать вне целостной многоликости его творчества.

Г. Б. Окунь член Союза Писателей СССР со времени его образования с 1959 года. Созданные им романы "Когда молчат музы", "Последняя граница", "Тайна Нины Гуль", "Momento patriam" посвящены борьбе советского народа против фашистских захватчиков.

В годы Великой Отечественной войны Г.Б. Окунь работал военным журналистом. В 1951-ом году вышла в свет его книга "Писатели Азии и Африки", посвящённая всемирной конференции писателей Азии и Африки в Ташкенте.

Г. Б. Окунь – один из основателей Ташкентского Государственного Института Театрального Искусства. В течение 15 лет преподавал в нём курсы теории драмы, истории русской и зарубежной литературы, все эти годы был главным редактором "Научных трудов ГИТИСа". Опубликовал учебник по теории драмы. Внёс существенный вклад в становление и развитие театроведческого, режиссёрского, актёрского и художественных факультетов. В течение многих лет Григорий Борисович руководил секцией на ежегодных всемирных конференциях американистов, проводимых в Московском университете имени Ломоносова.

Г.Б. Окунь как литературный критик возглавил в Израиле специальные курсы по теории литературы при Ашдодском Доме учёных для молодых

писателей с университетским филологическим образованием. Г.Б. Окунь, руководя семинаром "Феномен русской литературы в Израиле", многое сделал для воспитания высокообразованного израильского поэта, прозаика, драматурга, пишущего на русском языке (речь идёт о репатрианте из СССР). Отсюда полифония, многоголосие творчества Г.Б. Окуня. Поэтому конфликт индивида и "мира", личности и общества, частной жизни и общечеловеческой хотя и чреват трагическими финалами, но не безысходен, не безнадёжен и поэтому достоин страстного семьянина.

Научные работы Г.Б. Окуня отличаются изяществом и живостью изложения, свежестью мысли и новизной материала. В его работах огромную роль играет исторический фон, интерес к актуальным проблемам изучаемого времени.

Г.Б. Окунь в течение тридцати лет руководил кафедрой истории зарубежной литературы основанного Лениным в 1919 г. Среднеазиатского Государственного Университета (ныне Ташкентского университета) на филологическом факультете.

Г.Б. Окунь многие годы был научным руководителем аспирантуры. Двадцать его учеников успешно защитили диссертации в учёном Совете филологического факультета Московского университета. Основные научные интересы Г. Б. Окуня сосредоточены в области изучения истории и закономерностей развития всемирной литературы. После поездки за границу Г.Б. Окунь опубликовал серию очерков о современных писателях Запада.

Занимаясь романо-германской филологией, Григорий Борисович воспитал большое количество специалистов, работающих ныне преподавателями университетов в разных странах мира и учёных научно-исследовательских институтов.

Образ жизни и образ мысли Г. Б. Окуня вызывает в нас желание учиться и видеть красоту в словесности разных народов. Он побуждает нас уважать человеческую мысль.

Необычайно притягателен энциклопедический ум учителя, его высокая культура, стремление к овладению кладом мыслей, который не канет в бездну, а будет служить человечеству. Общение с удивительным и уникальным филологом обогатило наши познания.

Богатый творческий мир его критики и литературоведческих работ согрет волшебным жаром больших человеческих чувств, которые заряжают сердца.

Как сказал бы великий английский писатель и общественный деятель Бенджамин Дизраэли: "Гений может разглядеть что-то в любой заурядности".

Величайшее добро, какое можно сделать для учеников, - это не просто поделиться с ними своими богатствами, но и открыть для каждого из них его собственные богатства.

Каждая мысль Григория Борисовича превращается в афоризм благодаря трогательному созвучию любви и мудрости. Сама жизнь — лучшая сказка, дающая прекрасную ткань вдохновению.

*Так, скажите в каком роднике искупаться?
Может каплю испить и проснется талант
мудреца.
Только гений способен беззаветно
сражаться
И дарить клад творений в великом полёте
творца.*

Отзывы о литературно-критическом творчестве

Д-г философии, писатель и литературный критик Галина Агаронова является членом Союза писателей Израиля.

Как литературный критик Галина Агаронова знает, что хочет сказать и обладает способностью говорить об этом ясно и доходчиво. Она ценою огромного труда овладела сложной наукой – литературоведением, важнейшими частями которого являются поэтика, структура художественного произведения, творчества писателя в целом, направления, литературные эпохи и т.д. Она изучила многообразные связи литературоведения с другими гуманитарными науками. В особенности с языкознанием. Галина Агаронова овладела филологией как наукой, изучающей духовную культуру во всех её языково-письменных, в том числе литературных, проявлениях. Всестороннее изучение художественной литературы, специфики словесно-образного мышления, природы и функций художественного творения позволило ей стать одним из ведущих литературных критиков Израиля.

Галина Агаронова разработала концепции «биографической критики», «эстетической критики», критики, адресующейся к читателю.

Галина Агаронова как критик пишет так, что даёт возможность заново пережить художественные впечатления – на новом уровне понимания. Она обладает высоким вкусом. У неё особый инстинкт прекрасного, обострённая чуткость к образному

восприятию мира. Она учитывает образное мышление именно этого художника, законы, им самим над собой признанные.

В своём творчестве она культивирует такие жанры, как статья, рецензия, обзор, эссе, литературный портрет, литературно-критический диалог, полемическая реплика, библиографическая заметка.

Как критик она соединяет в себе психолога, этика, эстетика и художника.

Галина Агаронова, написавшая и опубликовавшая сотни работ в области литературной критики, оказала благотворное влияние на ход развития художественной литературы Израиля на русском языке. Об этом свидетельствует её труд «Дорога на Парнас», ставший настольной книгой для литераторов Израиля.

Поражает та обострённая чуткость, с какой Г. Агаронова ощущает потребность в обновлении повествовательного искусства русских литераторов. Приметы времени, ритм исторических перемен непрерывно ощущается в критической деятельности писательницы. Её критицизм сказывается во внутренней логике развития её мысли, в богатстве психологических оттенков в многогранности.

Г.Б. Окунь, главный редактор
международного журнала
"Мысль", **вице-президент**
ИНАРН, академик, доктор
филологических наук,
профессор. 20.04.2009г.

Доктор философии Галина Агаронова вошла в когорту литературных критиков высокого ранга в годы Большой Алии. Ради насущного переосмысления русскоязычной художественной литературы Израиля она надолго сократила своё стихотворное поприще, где с первых же шагов преуспела, и предалась философско-литературно-критической работе. Философствовала она не трактатно, а эссеистически. Беседуя с читателями журналов "Мысль" и "Русское литературное эхо", издающихся в Израиле уже около десяти лет, Галина Агаронова неизменно сосредоточивается в своей аналитике на способах осмысления приёмов художественного творчества. В нацеленной так интеллектуальной пытливости коренились возможности установки выхода ума на литературно-критическую стезю. Она углубляется в то, что можно обозначить по-кантовски "критика поэтического разума". Ей удалось уразуметь конструктивные правила в избранной области, во всеоружии философского ума взыскательно отнестись к своим исследовательским выводам, подчинить критический порыв и вдохновение учёной расчисленности. Углубление этих смыслов стало возможно благодаря достоинствам искусного слога во всём блеске его отточенных навыков, находчивого и изящного в высказываниях. Способ литературно-критического мышления Галины Агароновой подаётся не как голое умозрение, а как своего рода "жизнемыслие" — непрерывная переработка впечатлений,

поступающих и изнутри, из подсознательных кладовых личности, и извне, от пытливого прочтения литературного произведения. Густо насыщенные интеллектуальными токами, оттеняющими особую смысловую нагрузку, критические суждения Галины Агароновой с убеждающей силой покоряют читателя самообладанием воспитанного разума литературного критика...

Профессор Дмитрий
Михайлович Беленький

Художественный вкус критики является для Д-г Г. Агароновой инструментом, позволяющим апробировать и оценить произведение. Критическая форма философствования – жанр собственно философского исследования. Её философия и научная критика ведутся на языке науки, в научных категориях.

Литературно-критическая мысль Г. Агароновой зарождается внутри самого текста произведения, который обретает рефлексию и включает в себя ценностные суждения о сюжете, деталях, о степени правдоподобия и художественных достоинствах произведения. Освоив современную структуру литературной критики и поле её духовных взаимодействий – теорию литературы, поэтику, эстетику, герменевтику... (речь идёт о новой тенденции развития критической мысли), обладая интуицией и умением выразить своё художественное впечатление, критикесса руководствуется мыслью, что критика есть движущаяся эстетика, когда в

движение приводится аппарат эстетических категорий и исследование текста опирается на эстетику. Критика у неё располагает в стройную перспективу всю массу художественных произведений. Для критического прочтения произведения она выработала свои установки, принципы, приёмы, которые в своей совокупности и составляют метод критического анализа.

Г. Агаронова вооружилась герменевтикой – теорией интерпретации, учением о понимании смысла. Она хорошо изучила философскую герменевтику и её проблематику. Это позволяет ей выступать как своеобразный культурный медиум, переводчик и посредник. Интерпретатор художественного произведения должен быть ещё и философом. У Галины Агароновой интерпретация достигается на основе духовной универсальности. Интерпретация у неё направлена на постижения не только системы идей автора, но и на той конкретно-исторической реальности, которая запечатлена. Критика Г. Агароновой предполагает и **анализ текста** и его интерпретацию, благодаря чему достигается сочетание рассудочного и интуитивного начал в его постижении.

**Академик Российской Академии (РАЕН), D-r ,
профессор А.А.Недува.**

В основе литературного творчества Галины Агароновой - желание осмыслить мир, подняться над обыденностью, постичь веления души. Критические статьи, проза, стихи акцентируют внимание читателя

на вопросах о том, что выстраивает, определяет нашу жизнь, дает ей духовное наполнение. При этом эмоциональное, образное восприятие Галины Агароновой неотделимо от мировоззренческих установок, философского осмысления действительности. Умение совместить художественную деталь, конкретную данность с сущностным постижением мира придает особенную убедительность работам Галины Агароновой. В её поле зрения вечные вопросы соотношения конечного с бесконечным, разума человека с замыслом Всевышнего. Характерен широкий аспект проникновения в различные жанры анализируемых авторов. Наверное, именно это умение называется богатством души, дающим возможность вместить в себя боль и надежды людей с разным жизненным опытом, характером, судьбой. Невольно возвращаешься к мысли о том, что человеческий талант Галины Агароновой, её доброжелательность, соучастие во многом определили дар слова – художественный талант.

Доктор философии Дина Ратнер

В трёхтомнике «Дорога на Парнас» и «Как оседлать Пегаса» D-г философии Галина Агаронова сумела всесторонне проанализировать несказанно удивившее меня богатство наблюдений ума и сердца авторов русской литературы Израиля на рубеже веков.

Она отмечает мельчайший факт с такой же силой, как и значительный, и заставляет нас

чувствовать почти материально то, что воспроизводит, удерживая мысль все время на высоте благодаря выразительному стилю, ни разу не ослабевающему. В этом и есть её мастерство.

В работах Галины Агароновой представлен обширный анализ творчества авторов, пишущих на русском языке за период 1991-2013 гг.

К числу наиболее глубоких и эмоционально-переживаемых статей книги я бы отнес раздел **«Чеченский синдром в русской литературе Израиля»**, эссе, написанные болью души, чувствуется кровоточащая рана, когда упоминается о её родном крае и трагедии в Чечне. Она как бы проникает в самую сердцевину общественных отношений рубежа эпох. Слабых, неинтересных работ в книгах нет.

Галина Агаронова умеет вживаться в рецензируемый текст без навязывания, без излишней категоричности, встраиваться в настроения, мотивы авторов, сопереживая и внутренне соединяя все это с неумолимой логикой суждений, выводов, подпитываемых интуицией. Это создало ей репутацию умелого, авторитетного литературного критика и одновременно дружески расположенного собрата по искусству поэзии и прозы. При этом есть случаи, когда наряду с положительными гранями указаны отдельные недостатки и даны эффективные рекомендации, способствующие устранению недостатков. Трехтомник Галины Агароновой «Феномен русской литературы Израиля» - большой и значительный труд, одновременно являющийся

замечательным учебным пособием по теории современной литературы.

Каждый из их томов «Дорога на Парнас» и «Как оседлать Пегаса» и могли бы несомненно быть представлены как докторская диссертация. Неслучайно Центр «Содружество» присвоил автору «Золотую медаль» за вклад современную литературу Израиля.

Вилен Белый, доктор филологических наук, профессор Арад (Израиль).

Мне всегда представлялось, что критик — личность не весьма доброжелательная, желчная, не исключено, даже и завистливая. Иначе кто же станет читать тобою в муках написанное, преднамеренно выискивая твои промахи и ошибки, анатомировать прекрасное (а что оно таково, у тебя сомнений нет) новорожденное дитя беспощадным скальпелем...

С этим моим, согласуются мнения множества профессиональных литераторов, редко испытывавших симпатии к своим критикам. Приведу только один пример в подтверждение. Жюль Ренар, и сам острый на язык, заверял, что «критик - читатель, который причиняет неприятности». Вот и я тоже было высказался в том духе, что критик это тот, кто знает как, но не умеет так.

Ну, и, естественно, был немало обескуражен, когда стал обладателем книг «Дорога на Парнас» и «Как оседлать Пегаса» критических статей, написанных Галиной Агароновой. Во-первых, к тому времени уже был знаком и с её стихами, и с прозой, и

с замечательной – "Пальчики оближешь" – кулинарной книгой, под таким же названием. Так сказать, понимал, что Галина Агаронова и знает как, и умеет и так и лучше. А, во-вторых, и в главных, – Галина, какой я её знаю, никак не похожа на человека, способного безжалостно препарировать чужие тексты. О более добром, искреннем и благожелательном читателе, чем она, и мечтать нельзя.

И вот я с удвоенным любопытством открываю её объёмистую книгу статей «Дорога на Парнас» с подзаголовком, много говорящим о целевой задаче автора, – «Критика как художественное прозрение». И прозреваю. Что можно быть и в критике тем доброжелателем, который поможет и автору лучше осмыслить им сделанное; и читателю разглядеть нечто не сразу очевидное, требующее усилия ума, знания, понимания особенности творческого процесса, традиций, жанра, новизны и тождества...

Следуя «Дорогой на Парнас», я ещё и обрёл свой путь к знакомству с несколькими литераторами, о которых не ведал прежде, или знал только понаслышке. Несколько десятков строк Галины Агароновой интриговали и убеждали: это интересно, тебе это надо прочесть.

Книги имеют ещё одно важное значение – обобщающий «взгляд на русскую литературу Израиля рубежа веков». Русское языковое литературное поле расширилось и щедро посевами именно в этом времени. Со сломом прежних границ, перемещением многих из нас за пределы России – в

Германию, США, Канаду, Австралию, Израиль... – русская книга обретает всё большее место во внимании читателей. На мой взгляд, он, читатель, выигрывает от этого. Конечно, и язык, и литература тоже. При условии, если уметь отличать литературу от макулатуры. Но как раз зоркий критик и помогает этому отделению зёрен от плевел. Галина Агаронова в значительной мере способствует именно этому.

Я не случайно из всего творчества ашдодской писательницы Галины Агароновой выделяю особо книги «Дорогу на Парнас» и «Как оседлать Пегаса». Конечно, она много говорит и о творческом диапазоне авторов, и об аналитических способностях, исследовании ситуативном, что касается русскоязычного Израйля... Но есть ныне, при открытости издательских дверей для пишущих, - печатай, что хочешь, были бы деньги, - дефицит, если не полный исход из профессии – грамотных корректоров, требовательных редакторов и критики, как таковой. Ну, кто же станет заниматься столь неблагодарным и неприбыльным делом?!

И в этом смысле книги Галины Агароновой заслуживают внимания и нашей признательности. А последняя, признательность, может выразиться разве что и в более внимательном отношении собратьев по перу к многогранному творчеству самой Галины Агароновой – прозаика, поэта, эссеиста, критика.

«Феномен русской литературы Израйля» обобщает огромный, накопленный ею материал и является большим вкладом в современную израильскую науку, осмысливая и разрабатывая

новые принципы литературного анализа художественных произведений. Глубокое исследование Галины Агароновой является серьезным, глубоким трудом, вносящим новую волну в поток знаний по литературоведению.

**Феликс Куперман, член Союза
Писателей Израиля, победитель
всемирного конкурса «Золотое перо»
поэтов в Москве в 2007 г.**

Развитие и распространение любого языка, несомненно, требует направленного внимания исследователей и преподавателей.

Захватывающее, увлекательное аналитическое изложение множества произведений доктора философии Галины Агароновой привлекает внимание тех, кто знает язык, любит книги. Рассматриваемые труды необходимы как руководство для повседневной работы сотрудникам библиотек Израиля любого уровня. Она фиксирует внимание на речевых стилях русского языка, что представляется очень значимым, в частности, на стилях, употребляемых в Израиле: публицистическом, газетно-информационном, научном, деловом.

Заинтересованное внимание читателя привлекает изложение положения еврейской литературы в России и задач русской литературы в Израиле. Удовольствие доставляет повествование о творчестве Генриха Гейне, и не без приятного

чувства читаешь, что древних евреев «можно было бы поставить гораздо выше греков и римлян».

Непереоценима значимость бессмертной личности и творчества Евгения Евтушенко, его «Бабьего яра», «Верните евреев в Россию» и др. Раздел о Евтушенко написан так, что хочется вновь и вновь его перечитывать.

Блистательны строки о Г.Б. Окуне. Тогда молодой преподаватель античной литературы, он, познакомившись с С.М. Эйзенштейном, глубоко ощутил величие его интеллекта, мощь личности, смог сохранить стилистическую окраску его речи, заметил, что Сергей Михайлович «любил вертикали и пренебрегал горизонтали». Подробная характеристика С.М. Эйзенштейна, изложенная Г.Б. Окуном, — свидетельство величия каждого из них.

Множество важных фактов узнает читатель в незабываемых разделах книг о жизни и творчестве К. Симонова, А. Алексина, И. Губермана. Не перечесть даже только фамилий авторов замечательных произведений, подробно рассмотренных Галиной Агароновой. Это свидетельство его познавательной значимости. Любопытно неожиданное сопоставление судеб дворян и евреев в России, приведенное в работе Г. Агароновой.

В её работах анализируются не только содержание, формы изложения рассматриваемых произведений, но и в определённой мере характеризуются их авторы:

А. Алексин, Р. Рабич, Э. Баух, К. Симонов (не только незабываемый поэт, но и переводчик), И. Губерман.

Несказанную боль души вызывают строки о **трагедии чеченского народа** (о ней в поэме Т. Лифановой и не только).

Автор констатирует, что 1991-2013гг. стали значительным и насыщенным этапом в литературной жизни Израиля. Русская литература в этом периоде прошла в стране большой путь, накопив огромный опыт. Труд Галины Агароновой - ценнейший вклад в литературоведение.

Софья Лебензон, доктор медицинских наук, профессор, участвовала в работе Конгресса международной ассоциации преподавателей русского языка «Русское слово в мировой литературе».

Образность и собственная афористичность даётся Галине Агароновой относительно легко из-за предпочтения в стилистике не длинных предложений и периодов, что гармонирует с её природным ритмом и ритмом её поэзии и прозы. Её речь напориста и нежна одновременно, словно скачет на кавказском скакуне, иногда в пыли да тумане...

Эрудиция Галины Агароновой не показная. Внедрение имен, образов из мифов, легенд и сказок и имен великих писателей, поэтов, философов, начиная со времен античности, непосредственно через афоризмы кладезя мудрых мыслей таких имен как Р.

Киплинг. Эдмон Гонкур, А. Блок, Ф. Достоевский, М. Тетчер, Эразм Роттердамский, Ежи Лец, А. Моруа, А. Эйнштейн и др; не обойдены так же вниманием автора и оригинальные афоризмы NN. Встречаются и отдельные надписи, например, на старинных часах в Риме.

Как и её учитель Г.Б. Окунь, Г. Агаронова по-настоящему демократична. Одним из ценнейших качеств, особенностей её психологизма (талант литератора-психолога – несомненен!) – является умение неощутимо вживаться в рецензируемый текст без навязывания, без излишней категоричности, встраиваться в настроения, мотивы авторов, сопереживая и внутренне соединяя все это с неумолимой логикой суждений, выводов, подпитываемых интуицией. Это создало ей репутацию среди пишущейся братии умелого, авторитетного художественно-литературного критика и одновременно дружески расположенного собрата по искусству поэзии и прозы.

Критика как художественное прозрение просто невозможна без её связи с литературным и историческим процессом. Г. Агаронова это прекрасно понимает.

Как литературный критик Г. Агаронова проникает в психологические механизмы создания художественных произведений этих авторов. Существенное внимание уделяется воображению, благодаря которому в сознании литератора возникают живые картины. Г. Агаронова в своих эссе обращает пристальное внимание на такие

разновидности воображения как философско-лирическое, романтически-возвышенное, болезненно-гипертрофированное, полное таинственности, реально-строгое.

Г. Агаронова в своих многочисленных рецензиях фиксирует внимание на участие в художественном творчестве литератора сознания и подсознания, разума и интуиции. При этом, как отмечает критик, подсознательные процессы играют здесь особую роль. Г. Агаронова в своих критических обзорах произведений русской литературы Израиля подчёркивает, что поэтическое постижение душевных процессов дело интуитивного, не аналитического таланта, что путь психоанализа – значительный импульс для писателя.

В рецензиях Г. Агаронова находит глубокое подтверждение ценность фантазии, вымысла. Она справедливо утверждает: тот, кто идёт вглубь путём анализа, поисков душевных первопричин из воспоминаний, снов и ассоциаций, тот постоянно обретает то, что можно определить как искреннее отношение к своему собственному бессознательному; тот переживёт плодотворное состояние равновесия между сознательным и бессознательным, многое выяснит такого, что в ином случае останется в подполье и лишь незримо разыгрывается в снах, на которые он, писатель, не обратит внимания. Психоанализ, настаивает критик, учит писателя видеть, признавать, исследовать и всерьёз принимать то, что мы как раз успешнее всего вытеснили. Зато писатель всё больше видит или

предчувствует неумолимую картину правды, природу. Только теперь, утверждает Г. Агаронова, в интенсивном самоиспытании анализа действительно пережита и пропитана кровоточающим чувством изображаемая история жизни. Интимный контакт писателя с собственным бессознательным плодотворен, становится источником изобилия. Г. Агаронова цитирует Шиллера: «Для созидательных творений души нехорошо и вредно, когда разум слишком зорко бдит за стекающимися отовсюду идеями как бы уже у врат... У творческих умов, напротив, разум покинул свою страну перед воротами, идеи врываются вперемешку, и лишь тогда автор обзревает огромные просторы».

Трехтомник и диссертация Г. Агароновой «Феномен русской литературы Израиля» - большой и значительный труд, одновременно являющийся замечательным учебным пособием по теории современной литературы.

Утверждаю, что и в других затронутых Г. Агароновой вопросах и проблемах (психология художественного восприятия, художественный текст – переход из фазы становления в стадию бытия; художественное наслаждение и др.) проявлена широкая научная осведомлённость и мастерство высококвалифицированного литературоведа.

Михаэль Ярославский, профессор, доктор психологии, автор трудов по психологии художественного творчества. 2012г.

Галочка, меня потрясли твои отношение и видение творчества. Ты критик профи! Уровень высочайший. Ты сама настолько духовно и профессионально богата, что очень заметно, как ты на одном дыхании раскрываешь все потаенные стороны и автора и его творчества. Это настолько приятно и интересно, что вызывает восхищение. Спасибо тебе, Галочка, твое творчество, сделало меня твоим поклонником! Удач тебе в необозримом будущем! Разреши советоваться по интересующим меня вопросам в пределах твоей компетенции. Спасибо!

Николай Балабан, профессор

Дорогая Галочка! Огромное спасибо за рецензию, выдержанную в очень комплементарном духе. Есть рецензии, которые пишут ученые, есть рецензии, которые пишут поэты. Ваша рецензия второго типа. В ней талант ее автора и способность взглянуть на вещи не холодным взглядом. Я написал четыре книги, и только сейчас впервые удостоился отзыва. Ученые могут регистрировать в разном цвете факты, Вы сумели на небольшом журнальном пространстве отразить **чувства и мысли**. Сердечно благодарю Вас за столь щедрый подарок. С благодарностью и искренней симпатией.

Адольф Сокол, профессор

Галочка, прочла твою рецензию на мои стихи... Неужели это все обо мне?! Я так о себе никогда не думала... Вот верно говорят: со стороны виднее. Я

даже воспарила в душе, так ты обо мне высоко написала, столько правильных слов нашла. Понятно, ты сама пишешь, пишешь много, поэтому тебе открываются глубинные стороны поэзии, все струны поэтической души... Спасибо тебе, дорогая!
С любовью из России!

Ольга Борисова депутат
Ростовской думы,
преподаватель русского языка
и литературы.

Содержание

Критика как художественное прозрение стр.4

Разные зеркала стр.6

С точки зрения художественной совести (о рассказе Ф. Кривина) стр.7

Красота есть жизнь (об эссе Л. Финкеля) стр.11

Бег времени, колорит эпохи (о книге Г. Фельдмана "Сады на крышах") стр.16.

Световые сигналы (о поэзии Владимира Смолдырева) стр.24

Фантазия романтика и мудрость философа (о поэзии А. Городницкого) стр.30

Исповедь души (о лирике Евгении Горобец) стр.36

По кричащему, живому...(о поэзии Виктора Матвийко) стр. 41

На звёздном перекрёстке (о книге Раи Гутман) стр.59

Гавань вдохновения (о поэзии Раи Гутман) СТР.65

Не отрекаясь от себя... (о лирике Ларисы Клиэ стр.70

Лирическое освоение мира

(о поэзии И. Данкина) стр.74

Размышление о новеллистке Иосифа Данкина стр.80

Экзистенциальная тема в лирике

Андрея Черепова стр.85

"Я люблю вас, люди!"

(о поэзии Бориса Дадашева) стр.90

Новизна лучше повторения (о лирике Бориса Есиповича) стр.98

Виденное и пережитое (о рассказах Фриды Шутман)	стр.103
Испытание духом (о книге Светланы Даниловой "Разорванный круг")	стр.105
Отражённый свет памяти рецензия на книгу Михаила Елизарова ("Община горских евреев Чечни")	стр.112
Сплав вечного и злободневного (о книге Мирьям Хейли)	стр.120
Тревоги и драмы времени (о рассказе Людмилы Горинштейн)	стр.125
Лики времён (о лирике Г. Подольской)	стр.132
Лирический автопортрет (о стихотворениях Ирэн Голды)	стр.139
Дыхание времени (о книге Семёна Цванга)	стр.143
Суждение вкуса (о поэзии Ирины Рувинской)	стр.152
Живое дыхание слова (о книге Ирины Фрейдиной)	стр.155
Скрытые родники души (о творчестве И. Фрейдиной)	стр.162
Эссе о сущности феномена человеческой личности (о книге Л. Дынкина)	стр.169
Голос души (о рассказе "Улыбка дельфина" Ефима Баевера)	стр.175
Жизнелюбивая поэзия Мирона Кадема	стр.180
Взрыв безмолвия (о поэзии Генриха Грохольского)	стр.183
Это достоверно, так как невозможно (о романе Р. Ульчиной)	стр.189
<i>Когда жизнь подражает искусству</i>	стр.211

Художник-мыслитель (о картинах Л. Красильниковой)	стр.212
Сказочный мир природы Израиля. Галерея Ларисы Красильниковой	стр.215
Живописные фантазии И. Капеляна и А. Лившица	стр.226
Событие в художественной жизни Израиля (о книге Г. Подольской)	стр.230
Лучи человеческого сердца (о творчестве М. Хазане)	стр.237
Между вымыслом и реальностью (о скульптурах Л. Красильниковой)	стр.242
Продукт умелого труда (о книге Людмилы Петровой)	стр.245
Оксюморон Людмилы Петровой	стр.252
Своя ниша в культурной жизни (о гобеленах Раи Гутман)	стр.257

Уроки литературной критики ***стр.260***

Своя правда (об очерке Риммы Мушаиловой)	стр.261
Память жанра	стр.263
Чудаки в юморесках Александра Лифшица	стр.265
Приговорённость к творчеству (о рассказе Дины Ратнер)	стр.268

Теория литературы ***стр.274***

Зеркало жизни. Размышление над книгой "В Гефсиманском саду" Марины Меламед	стр.275

Насущные вопросы школьного образования (о книге Е. Шиндельмана)	стр.279
Поэтический самоанализ В. Чайковской.	стр.282
Эстетические раздумья	стр.289
История плюс внутреннее зрение (о повести И. Голды)	стр.293
Возвышение в творческом акте (о поэзии И. Голды)	

<i>Люди Израиля</i>	стр.296

После концерта Аллы Романо	стр.297
Охрана здоровья	стр.302
Ашдод – каменная симфония (о книге Валериана Пономарёва)	стр.306
Виртуозность на концерте М. Бурштина и Ф. Хармац	стр.314
Иерусалимские голоса	стр.320
По ступеням строчек (о книге Марины Ямит Зарецкой)	стр.323
Мир Арье Бацаля	стр.329

<i>Незабываемый дар общения</i>	стр.333

<i>Отзывы о литературно-критическом творчестве</i>	стр.338

<i>Содержание</i>	стр.357

Критик, созвучный духу нашего времени

Галина Агаронова - D-г философии, член Союза писателей Израиля, известна как переводчик поэзии и прозы с татского (горско-еврейская литература), чеченского, фарси. Произведения Г. Агароновой читают в Германии, Дании, Канаде, США, Австралии, в России, на Кавказе. В затронутых Галиной вопросах и проблемах: психология восприятия, художественный текст – переход из фазы становления в стадию бытия; художественное наслаждение и др.; проявлена широкая научная осведомленность и мастерство высококвалифицированного литературоведа. Её книги являются замечательным учебным пособием по теории современной литературы двухтомник "Как оседлать Пегаса" вошёл в **международный американский каталог**. Новая книга Галины Агароновой «Наедине с музой» достойное продолжение её творчества.

Профессор Дм. Бельский.

Книги Галины Агароновой заслуживают внимания и нашей признательности. А последняя, признательность, может выразиться разве что и в более внимательном отношении собраться по перу к многогранному творчеству самой Галины Агароновой – прозаика, поэта, эссеиста, критика. «Феномен русской литературы Израиля» обобщает огромный, накопленный ею материал и является большим вкладом в современную израильскую науку, осмысливая и разрабатывая новые принципы литературного анализа художественных произведений. Глубокое исследование Галины Агароновой является серьёзным, глубоким трудом, вносящим новую волну в поток знаний по литературоведению.

Феликс Куперман, член Союза Писателей Израиля, победитель всемирного конкурса «Золотое перо»

Галина Агаронова сумела всесторонне проанализировать несказанно удивившее меня богатство наблюдений ума и сердца авторов русской литературы Израиля на рубеже веков. Она отмечает мельчайший факт с такой же силой, как и значительный, и заставляет нас чувствовать почти материально то, что воспроизводит, удерживая мысль все время на высоте благодаря выразительному стилю, ни разу не ослабевающему. В этом и есть её мастерство. Слабых, неинтересных работ в книгах нет. Книги Галины Агароновой - большой и значительный труд, одновременно являющийся замечательным учебным пособием по теории современной литературы. Неслучайно Центр «Содружество» присвоил автору «Золотую медаль» за вклад современную литературу Израиля.

Вилен Белый, доктор филологических наук, профессор.

В основе литературного творчества Галины Агароновой - желание осмыслить мир, подняться над обыденностью, постичь веления души. В её поле зрения вечные вопросы соотношения конечного с бесконечным, разума человека с замыслом Всевышнего. Характерен широкий аспект проникновения в различные жанры анализируемых авторов. Наверное, именно это умение называется богатством души, дающим возможность вместить в себя боль и надежды людей с разным жизненным опытом, характером, судьбой. Невольно возвращаешься к мысли о том, что человеческий талант Галины Агароновой, её доброжелательность, соучастие во многом определили дар слова – художественный талант.

Доктор философии Дина Ратнер

Интерпретатор художественного произведения должен быть ещё и философом. У неё интерпретация достигается на основе духовной универсальности, направленной на постижения не только системы идей автора, но и на той конкретно-исторической реальности, которая запечатлена; благодаря чему достигается сочетание рассудочного и интуитивного начал. Поражает та обострённая чуткость, с какой Г. Агаронова ощущает потребность в обновлении повествовательного искусства русских литераторов. У неё, критика, созвучного духу нашего времени, большие планы на будущее.

Академик Российской Академии (РАЕН), D-г, Профессор А.А.Недуга.

ISBN 978-965-91654-1-4

9 789659 165414